

ПЕТЕРБУРГСКАЯ библиотечная школа

Журнал
С.-Петербургского
библиотечного общества

№2

'97

**Петербургская
библиотечная школа**
№ 2 (3) 1997 г.

**Настоящий
журнал
издан
при
финансовой
поддержке
«Института
Открытое
Общество.
Фонд
содействия».**

Редакционная коллегия

З. В. Чалова,
С. А. Басов,
В. Ю. Григорьев,
А. С. Зонин,
Н. М. Комиссарчик,
Е. В. Колюхова,
Л. Г. Косачева,
Н. Н. Мазняк,
В. А. Минкина,
Р. А. Михалева,
Т. Ю. Монахова,
Н. Н. Никитина,
Т. И. Новикова,
Т. В. Петрусенко,
З. А. Рудая,
Н. П. Тряпкина,
Е. В. Шеповалова

Редакционный совет

Б. Ф. Володин
(Научный редактор),
М. Ф. Ежова
(Публичные библиотеки),
З. А. Рудая
(“Уникумы”),
В. Ю. Григорьев
(“Информационные
технологии”),
И. Л. Климов
(“Переводы”),
С. С. Серейчик
(“Реклама”)

Литературный редактор

Л. Д. Грибакина

УЧРЕДИТЕЛЬ

САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ
ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47

Регистрационный
№ П1360
от 03 марта 1995 г.

СОДЕРЖАНИЕ № 2 (3) 1997

К читателю 1

БИБЛИОТЕКА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ (МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»)

Гусев С.С. Диалог и понимание	1
Дворкина М.Я. Время в библиотеке	2
Каптерев А.И. Библиотека и открытое общество: философский ракурс	5
Смолина Е.В. Изучение профессионального сознания библиотекарей на примере понятия «публичности» библиотек	10
Шилов В.В. О категории полноты библиотечного фонда	13
Гиляревский Р.С. Научная библиотека в эпоху электронных коммуникаций	19
Володин Б.Ф. Представление о научной библиотеке в России. Потребности и противоречия	23
Егорова В.А. Библиотека и знание	26
Гусева Л.Н. Определение роли научных библиотек на основе философского осмысления социального опыта	28
Кабачек О.Л. Философия книги и библиотеки Х.Л. Борхеса	33
Равинский Д.К. Библиотека и библиотечная про- фессия глазами зарубежных философов XX в	34
Голубцов С.Б. Реальные каталоги библиотеки как ис- точник изучения профессиональной идеологии	38

ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Клим И.Л., Майкл Ньюберт Образование в области библиотековедения и
информации: миссия в двадцать первом столетии

40

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Лигун Т.А. История компьютеризации одной библиотеки

47

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Петер Водосек Есть ли будущее у прошлого? История библиотек сегодня

55

Алистер Блэк Новые методики истории библиотек: манифест «новой» истории
библиотек

64

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Голубцова И.А. Просветительская деятельность благотворительных обществ
Санкт-Петербурга (История создания народных библиотек)

74

ЛИДЕРЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ ШКОЛЫ

Петрусенко Т.В. «В декабрьский день, открытый, как страница...»

82

Е.В. Иениш Воспоминания о группе консультативно-библиографического отдела
ГПБ начала 50-х годов

85

ИЗДАНО В ПЕТЕРБУРГЕ

Гусева Л.Н. Идеалы и нормы исследовательской деятельности в библиотеках
Германии

91

К читателю

Второй номер журнала в 1997 году открывает новые аспекты библиотечного дела, обращение к которым станет постоянным. Материалы этого номера выстроены на основе диалога будущего и прошлого.

С одной стороны, составители стремились осветить наиболее дискуссионные проблемы будущего библиотек. Им посвящена, в частности, статья в рубрике «Горизонты профессионального мировоззрения» и материалы «круглого стола» по философским проблемам библиотечного дела, публикация которых завершается в этом номере.

С другой стороны, журнал обращается к различным аспектам истории библиотек. Одна из статей посвящена малоизвестным страницам истории библиотек Петербурга. Этот разговор будет продолжен в дальнейшем. В другой новой рубрике, посвященной выдающимся представителям петербургской библиотечной школы, будут помещены как воспоминания самих библиотекарей, так и статьи об их жизни и деятельности.

Теме истории библиотек созвучны и материалы рубрики «Наши переводы». Они необычны, ибо редакция представляет российским читателям теоретические работы наших зарубежных коллег — крупнейших историков библиотек, предлагая ознакомиться с подходами к изучению библиотечной истории, весьма отличными от принятых в нашей стране. Мы надеемся, что эти статьи помогут нашим библиотекарям ощутить, что на пороге нового тысячелетия история библиотек становится активным помощником в осмыслении их будущего.

Борис Володин,
научный редактор журнала

БИБЛИОТЕКА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ (материалы «круглого стола»)¹

С.С.Гусев. Диалог и понимание.

Мир можно рассматривать как диалог. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что для одних диалог — это просто обмен монологами, а для других — выявление в себе «другого» (то есть собственной возможности изменяться). Общение друг с другом (в том числе и через книгу) обуславливает их изменения, которые рано или поздно, начинают осознаться, что, в свою очередь, также является причиной дальнейших изменений. В связи с этим можно говорить о том, что сегодня библиотека играет (или должна играть) особую роль в подобных процессах.

Привычный взгляд на библиотеку лишь как на хранилище информации, определяющей социальное поведение людей на различных уровнях, слишком узко. Сегодня библиотека не только хранит и транслирует знание, но во многом обеспечивает характер его общественной интерпретации, следовательно, и понимания. Это достигается через систему ценностных норм и установок, которыми руководствуется и которые производит общество в процессе своей жизнедеятельности. Однако сегодня становится ясно, что не все из таких ценностей реально востребуются. Это

¹ Начало см. «Петербургская библиотечная школа». - 1997. - № 1

относится не только к отдельным индивидам, но и к обществу в целом. Поэтому библиотека, явно или неявно, организует потребление культурных ценностей.

Изучая, например, рост или уменьшение числа публикаций по какой-то теме, миграцию терминов из одной области в другую и т. д., библиотекарь может прогнозировать возможные изменения в этих областях культурной деятельности, предвидеть будущие цели и ориентации социального интереса.

Через библиотеку проходит процесс формирования общественных оценок, предпочтений и т. д. различных результатов, получаемых обществом. И необходимо отметить, что этот процесс распределяется по различным уровням диалога, осуществляемого в библиотеке. Во-первых, это диалог самого библиотекаря и обрабатываемой им книги (а через ее посредство — диалог с автором), во-вторых, диалог читателя и библиотекаря, в-третьих, диалог читателя и автора, опосредованный воздействием библиотекаря. Здесь следует отметить, что очень часто смешиваются понятия «информация» и «знание». Действительно, рассматривая библиотеку как лишь хранилище информации, мы акцентируем свое внимание на способах представления этой информации для нас. Тогда и происходит отождествление книги и ее технически оформленных аналогов (дисплейных образов и пр.). Но знание — это осмысленная, осознанная и оцениваемая по значимости информация. Следовательно, форма его представления должна быть иной. Общение с компьютером задает не те же ожидания, что общение с человеком.

Кроме того, сами эти знания тоже неоднородны. Одно дело знать о существовании, скажем, теории относительности, другое — знать, что это один из разделов современного естествознания, третье — знать основной смысл, предполагаемый содержанием этой теории и т. д.

Общение между собой (в т. ч. и специалистов в одной и той же области) порождает множество коннотаций, которые возникают при взаимодействии с технической системой любого рода. И именно эти коннотации задают особенности понимания каждым человеком той информации, которую он производили получает.

Еще важнее — самопонимание. Многие авторы — от Фейербаха до Хайдеггера — не раз подчеркивали, что само познание человека происходит лишь через его диалог с другими людьми. Уровень взаимообмена представлениями, оценками и пр., входящими в содержание сознания различных людей, определяют степень их свободы, самостоятельности их отношения к миру в целом. Явная ориентация на диалог уменьшает возможность диктата. Но такая ориентация налагает на человека необходимость постоянно осмысливать свою позицию, оценивать ответственность за нее, оставаться «самим собой», не прячась за аморфную точку зрения неких «мы». В противном случае, культура теряет способность развиваться. А это, в свою очередь, делает сомнительным возможность сохранения такого общества. И библиотека является одним из важнейших средств, обеспечивающих функционирование межиндивидуального диалога и, таким образом, социальный прогресс в целом.

М.Я. Дворкина. **Время в библиотеке.**

Мне хотелось бы предварить доклад словами, вернее вопросом

М. Хайдеггера: «Где же время, есть ли оно вообще и имеет ли какое-то место?». Существует много определений понятия «время». Согласно краткой философской энциклопедии, время — форма возникновения, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится. А краткий философский словарь подчеркивает, что время и пространство — основная форма существования материи, что материя, движение, время и пространство неотдели-

мы друг от друга; время выражает последовательность существования сменяющих друг друга явлений, а пространство — порядок расположения одновременно сосуществующих объектов. Сложность определения понятия «время» демонстрирует и словарь С.И. Ожегова. В нем время — это и форма бесконечно развивающейся материи, и продолжительность, длительность чего-то, измеряемая секундами, минутами, часами, и промежуток той же длительности, в который совершается что-нибудь; определенный момент, в который что-то происходит; пора дня (например, вечернее время); благоприятный момент; досуг и другие значения.

В истории философии известны разные концепции времени: субстанциональная и реляционная, статическая и динамическая и др. Дискутируется характер взаимосвязи времени и пространства, проблема непрерывности или дискретности времени, его необратимости, ритма, скорости, измерения. Время является предметом исследования многих наук: естественных, технических, гуманитарных. Это сформировало представление о физическом, биологическом, историческом, химическом, психологическом, художественном времени и т.д. Очевидно, возможно библиотеку и ее деятельность рассматривать во временном аспекте. Именно с вопросов пространства и времени мы начали свои «круглые столы» в Москве по философским проблемам библиотечного дела. Замечу, что одним из первых пространственно-временные параметры по отношению к книжному делу выделил Н.А. Рубакин в своей книге «Психология читателя и книги».

Чтобы раскрыть проявление времени в библиотеке, сначала определим, какие субъекты и объекты обладают в библиотеке временными параметрами.

Во-первых, документы библиотечного фонда, имеющие год издания, время поступления в библиотеку, время старения. Это внешнее для документа время дополняется внутренним временем, отраженным в содержании документа. Можно говорить о том, что множество документов фонда со своим внутренним и внешним временем создают разновременность библиотечного фонда, пересечение в нем разных времен. Временем обладают технологические процессы, что фиксируется в нормах времени на процессы и отдельные процедуры, операции и реальном времени их выполнения. Это время экспонирования выставок, проведения устных обзоров, библиотечных вечеров и т.п., время выполнения запросов, время хранения документов в фонде и др. Носителями временных характеристик являются люди. Это их биологическое время, в том числе связанное с возрастом, это — момент получения документа, подачи запроса (технологическое время). Это и психологическое время: ощущение людьми времени в период их пребывания в библиотеке, ожидания документа, чтения и т.п.

Технические средства и оборудование библиотеки тоже имеют временные параметры: ресурс времени, на который они рассчитаны, время их ежедневной загрузки и др. Наконец, можно говорить о режиме работы всей библиотеки и ее структурных подразделений.

Все это разновремение существует в библиотечной среде с ее духовными, предметными, технологическими и пространственно-временными элементами.

Как эти временные характеристики проявляются в библиотеке? Для осмысления этого я использую суждение М.Хайдеггера, который в работе «Время и бытие» доказывает, что время определяется бытием, что они взаимно определяют друг друга. И то, чем они определяются оба в их взаимопринадлежности, М. Хайдеггер называет событием. Бытие и время имеют место только в событии, — пишет он. Очевидно, это относится и к библиотечному времени. Событие предполагает включенность человека. О каких событиях в библиотеке можно говорить? Это события,

связанные с теми функциями, которые выполняет библиотека: выдача документов, экспонирование выставок и т.п. С другой стороны, события происходят в жизни библиотеки, библиотекаря, помимо осуществления функций: допустим, приход в библиотеку, уход из нее, события, связанные взаимоотношением людей, события типа юбилеев библиотеки, работников и другие. События происходят и с пользователем: его приход в библиотеку, получение документов, время ожидания документов, общение с другими читателями и т.д. Есть события вне библиотеки, которые непосредственно влияют на библиотечную деятельность. Например, в последние годы общество стало больше внимания уделять проблеме инвалидов, милосердия. Это сразу же нашло отражение в деятельности библиотек, в соответствующих проектах, мероприятиях. События, происходящие в библиотеке, могут быть одно-временны, например, приход сразу нескольких человек и последовательны — обслуживание этих читателей по очереди, разновременны, если сегодняшний читатель берет книгу издания, скажем, десятилетней давности, которая описывает события глубокой древности или вероятного будущего. Нужно говорить, наверное, и о событиях, которые совершаются в сознании людей под влиянием книги. Например, увлекшись книгой, читатель участвует в событиях, которые отражены в ней. Читатель преодолевает временные барьеры и приобщается к деяниям прошлого или будущего в соответствии с замыслом автора или в связи с навеянными им мыслями, а затем вновь возвращается в настоящее. Конечно, в силу своего сегодняшнего понимания, своих социально-культурных координат, читатель тем не менее проникает в прошлое, которое передает через него эстафету будущему.

Таким образом, библиотека, собирая и сохраняя документы и предоставляя их пользователям, реализует мечту человека о бессмертии и помогает ему преодолеть время, его разрушающее действие. Другими словами, библиотека здесь выступает как институт преодоления времени. В преодолении времени в этом смысле выражается культурохранительная роль библиотеки. Можно говорить и о преодолении времени в другом смысле. Например, пользователь в библиотеке, читая книгу, уходит от действительности, которая вызывает стрессы (эффект эскапизма). Библиотека здесь выполняет релаксационную функцию.

Преодоление времени в значении сохранения ценностей культуры по сути осуществляется для реализации связи поколений, связи времен. Кстати замечу, что развитие библиотечным философом Н.Ф. Федоровым идеи о всеобщем воскрешении есть по существу попытка преодоления времени с помощью библиотеки.

Выполняя культурохранительную функцию, библиотека не только хранит, но и спасает от забвения прошлую информацию, обеспечивает ее доступность пользователям в условиях непрерывного поступления новой информации, заслоняющей в сознании читателей прежние поступления. Библиотека осуществляет это разными способами, в том числе посредством группировки документов (по отраслям знания, темам, предметам, алфавиту), в которой год издания документов и время их поступления в библиотеку не является основными признаками организации массива. Это позволяет объединить документы разных лет издания, то есть приблизить прошлое для сегодняшнего пользователя. Этому же служит и пространственная организация фонда в библиотечной среде, где в открытом доступе от вновь поступивших наиболее актуальных и спрашиваемых документов, олицетворяющих настоящее время, читателю предоставляется возможность перейти к документам вышедшим ранее и менее спрашиваемым. Чем современнее библиотека (новые информационные технологии), тем эффективнее она преодолевает и время, и пространство, обеспечивая широкий доступ пользователей к информации.

Используя различные приемы и технологии преодоления времени для сохранения и обеспечения доступности документных ценностей, библиотека одновременно решает социальную задачу оперативности обслуживания, то есть сохранения времени пользователей.

Анализируя библиотечные технологические процессы, мы обнаруживаем противоречие между временем библиотеки как учреждения культуры и социального института, между временем пользователя и временем библиотекаря, между пространством и временем. Первое противоречие прослеживается, например, при реализации процесса исключения из фондов документов по причине их морального старения: с одной стороны, культурная миссия библиотеки требует сохранения документов, идей независимо от их актуальности, новизны, содержания и т.п., с другой стороны, библиотека как социальный институт не может хранить все документы из-за лимита средств, площадей, то есть возрастания социального времени на библиотечную деятельность. Второе противоречие — между временем библиотеки и пользователя — может быть продемонстрировано на примере сопоставления ритмичных библиотечных процессов и аритмичного поступления запросов пользователей в библиотеку. Чтобы обеспечить ритмичность технологического процесса выдачи документов из хранилища крупных и средних библиотек, запросы (в виде листов читательских требований) объединяют в партии, что сокращает общее время их выполнения. Но вместе с тем такая технология увеличивает время ожидания документов теми пользователями, которые подали запросы в начале формирования партии. О противоречии между пространством и временем в библиотеке свидетельствует, например, то обстоятельство, что организация документов в пространстве не осуществляется в соответствии с естественным течением времени от прошлого к будущему; документы для оперативности обслуживания организованы или по принципу «от настоящего к прошлому», либо без учета фактора времени вообще.

Сказанное позволяет сделать вывод, что изучение категории времени в библиотеке имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Хочу обратить внимание на то, что имеются и другие аспекты библиотечного времени. В частности, проблема исторического времени, не получившая освещения. Конкретно она выражается, например, в отсутствии научного обоснования того, как определить дату возникновения библиотеки, если последняя меняла свое название или своих владельцев, учредителей и т.п. Очень сложный вопрос — периодизация истории библиотечного дела, отдельных библиотек. В прошлом обычно периодизацию истории библиотек строили на основе периодизации истории страны, а между тем, для отдельной библиотеки могут быть свои точки отсчета времени.

Очевидно, эти и другие проблемы библиотечного времени, включенного в большое время социума и культуры, требуют дальнейшего исследования.

А.И.Каптерев.

Библиотека и открытое общество: философский ракурс.

Сегодня на смену формационной парадигме в социальной философии пришла цивилизационная, которая, на мой взгляд, более адекватно объясняет существенные различия как в обществах одной экономической формации, так и наличие различных формаций в человеческой цивилизации на каждом конкретном этапе ее развития. Поэтому, во-первых, анализировать роль того или иного социального института, на мой взгляд, необходимо в рамках конкретных цивилизаций, причем не

только в дихотомии «Восток-Запад», а в полиструктурном плане. Известно, например, что специалисты даже на территории нашей страны выделяют несколько цивилизационных очагов. Во-вторых, такой анализ не означает, что следует пренебречь глобальными тенденциями культурного развития человечества, и с этой точки зрения изменение целей и возможностей библиотек в информационном обществе выступает как бы фоном, на котором будут происходить все остальные изменения.

В постиндустриальном обществе в какой-то степени воплощается идея Платона о том, что в идеальном обществе будут править ученые. Так, в наиболее развитых странах сейчас наметилась тенденция ограничить власть политиков со стороны ученых. Д. Белл, например, писал, что «сообщество науки — это единственный в своем роде институт в человеческой цивилизации. У него нет идеологии, поскольку нет постулированного набора формальных верований» (Bell D. *The coming of Post-Industrial Society*. - N. Y. - P. 380). Подчеркнем, что это замечание справедливо для открытого общества, о котором мы поговорим позже. Но важно, что став на путь построения такого общества, и российские ученые и российские библиотекари, отбросив шоры идеологии, стремятся именно к вхождению в культурное и интеллектуальное сообщество.

О непростом пути в него нас предупреждают, например, экзистенциалисты и, в частности, К. Ясперс: «Прогресс действительно приводит к единству в области знания, но не к единству человечества. Единство общезначимой и повсюду, где она открывается, одинаковой истины в ее бесконечном прогрессе так, как она предстает только в науке и технике, и сама эта повсюду распространяемая и общедоступная, апеллирующая только к рассудку истина, не составляют единства человечества. Такой прогресс ведет к единству в области рассудка. Он объединяет людей в сфере рассудочного мышления таким образом, что они могут вести рациональную дискуссию, но могут и уничтожить друг друга одинаковым оружием, созданным их техникой. Ибо рассудок объединяет только сознание как таковое, но не людей. Он не создает ни подлинной коммуникации, ни солидарности». (Ясперс К. *Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории*. - М., 1994. - С. 259).

Отказ от тоталитарной идеологии меняет цели и содержание библиотечной деятельности, а следовательно, и профессиональное сознание библиотекарей. Поэтому необходимо библиотекарям в качестве компаса ориентироваться не на идеологию, а на профессиональную этику. Ее формирование и распространение становится важнейшей задачей профессионального сообщества.

Существует много течений в социальной философии и связанных с этим гносеологических и эпистемологических подходов, в каждом из которых отношение к знанию, к его значению в жизни человека трактуется по-разному. Соответственно и библиотека как социальный институт должна рассматриваться в рамках конкретных социально-философских учений.

Следует отметить, что Просвещение вызвало взрыв философских исследований и положило начало множественности подходов в философии: рационализму, определявшему научное знание наличием теорий (Декарт, Лейбниц, Спиноза, Бэкон), эмпиризму, определявшему научное знание фактами и опытом (Локк, Беркли, Юм) и прагматизму, определявшему научное знание другими теориями и фактами (Кант, позднее Пирс, Джемс и позитивисты).

Если опираться на доводы критического рационализма К. Поппера, а это сегодня интересно именно в связи с проблемой открытого общества, то можно отметить, что Карл Поппер в своей книге «Открытое общество и его враги», написанной еще в 1943 году, утверждал, что «в нашем образе жизни между законами государства, с

одной стороны, и табу, которые мы привычно соблюдаем, — с другой, существует постоянно расширяющаяся область личных решений с ее проблемами и ответственностью. И мы знаем важность этой области. Личные решения могут привести к изменению табу и даже политических законов, которые более уже не представляют собой табу. Возможность рациональной рефлексии по поводу встающих перед человеком проблем — вот что составляет коренное различие этих двух типов общества (открытого и закрытого — А.К.). В дальнейшем магическое, племенное или коллективистское общество мы будем называть закрытым обществом, а общество, в котором индивиды вынуждены принимать личные решения, — открытым обществом» (Поппер К. Указ. соч. -Т.1. -С.217-218).

«Греки начали величайшую революцию, которая, по-видимому, все еще находится в своей начальной стадии, а именно — в стадии перехода от закрытого общества к открытому» (Указ. соч., С.220). «Несмотря на это, — пишет далее К. Поппер, — я считаю, что возможно сформулировать некоторый полезный критерий перехода от закрытого общества к открытому. Такой переход имеет место тогда, когда социальные институты впервые сознательно признаются продуктами человеческого творчества и когда их сознательное изменение обсуждается в терминах их пригодности для достижения человеческих целей и намерений» (Указ. соч. С.364). Это последнее замечание мне представляется принципиальным.

Если говорить о современном этапе перехода к открытому обществу, то полезно посмотреть, какие глобальные тенденции выделяют Дэниэл Белл, Элвин Тоффлер и др. Например, Д. Белл перечисляет: 1) переход от производства товаров к производству услуг; 2) усиление влияния профессионалов на развитие общества; 3) повышение роли научного знания в политике разных социальных структур; 4) ускорение технологических изменений; 5) влияние ЭВМ на управление информацией. Элвин Тоффлер в своей книге «Смена власти» пишет: «Знание даже еще более недораспределено, чем трудовые ресурсы и блага. Перераспределение знания, а особенно знания о знании может привести к перераспределению источников власти».

Библиотеки оказываются, таким образом, в эпицентре глобальных изменений именно потому, что располагают гигантскими информационными ресурсами. Актуализировать их, превратить в товар — вот задача повестки дня. Однако, помимо глобальных тенденций необходимо учитывать социокультурные различия Востока и Запада, которые проявляются в различных аспектах. Так, по характеру отношения человека и общества на Западе приоритет за человеком, на Востоке — за обществом; по социально-психологическим установкам на Западе — пропаганда активного отношения к жизни и убежденность в том, что новое лучше старого; на Востоке — преобладание созерцательного отношения к действительности, приоритет уравновешенности и гармонии, убежденность в том, что новое не должно вступать в противоречие со старым; по ценностному содержанию сознания на Западе — рациональность и формула «мыслю, следовательно существую», на Востоке — вера в традиционные духовно-нравственные ценности и формула «чувствую, следовательно существую». Характер развития социокультурной системы на Западе преимущественно революционный, на Востоке — преимущественно эволюционный.

Обсуждая вопрос о воздействии демократии на библиотеку, мне кажется важным сопоставить точки зрения двух титанов современной философии, двух Карлов — К. Поппера и К. Ясперса (поскольку мы все время апеллировали к взглядам третьего Карла — К. Маркса). Так, К. Поппер сформулировал принцип рациональной коммуникации, а К. Ясперс — был сторонником экзистенциальной коммуникации.

«Человеческие институты — такие как государство — не являются рацио-

нальными, но мы можем решить бороться за то, чтобы сделать их более рациональными. Мы сами и наш обычный язык в целом скорее эмоциональны, чем рациональны, но мы можем стараться стать немного рациональнее и научиться использовать язык не как инструмент самовыражения..., а как средство рациональной коммуникации» (Поппер К. Указ.соч. — Т.2. — С.320). И далее: «Прогрессировать можем только мы, человеческие индивидуумы, и мы можем делать это, защищая и усиливая те демократические институты, от которых зависит свобода, а вместе с тем и прогресс. Мы достигнем в этом больших успехов, если глубже осознаем тот факт, что прогресс зависит от нас, от нашей бдительности, от наших усилий, от ясности нашей концепции относительно наших целей и реалистичности выбора таких целей» (Поппер К. Указ.соч. — Т.2. -С.322).

Называя рационализм Сократа подлинным рационализмом К.Поппер говорил об ограниченности возможностей отдельного человека, превозносил интеллектуальную скромность тех, кому дано знать, как часто они ошибаются и как сильно зависит даже это их знание от других людей. В то же время, не следует слишком полагаться на разум, «доказательство редко решает проблему, хотя оно и является единственным средством научиться... пониманию, более отчетливому, чем прежде» (Поппер К. Указ.соч. — Т.2. - С.262).

Следует также учитывать пределы рационального анализа эффективности профессий, относящихся к типу «человек-человек». Подтверждая эту мысль другой титан Карл Ясперс, возвращаясь к традициям классической европейской философии, которая от Платона и Аристотеля до Лейбница, Канта и Гегеля именно в разуме видела высшую человеческую способность, писал: «...то, до каких пределов эта рационализация доходит, а затем сама себя ограничивает, чтобы оставить свободным пространство, где индивид выполняет свои обязанности без предписания, из собственных побуждений, становится для этих профессий решающим. Здесь радость труда вырастает из гармонического сочетания бытия человека с деятельностью, которой он отдает все свои силы, так как речь здесь идет о целом. Эта радость уничтожается, если целое делится универсальным порядком на частичные действия, совершение которых полностью превращается во взаимозаменяемую функцию» (Ясперс К. Духовная ситуация времени //Смысл и назначение истории. — М., 1994. — С.329). И далее: «Все безудержнее то, что может существовать только как личная деятельность, превращается в предприятие, чтобы достигнуть смутной цели коллективными средствами, полагая, что массу можно удовлетворить как некую, стоящую выше отдельных людей личность. Идея профессий отмирает. Сохраняются частные цели, планы и организации. Самое непонятное состоит в том, что же уничтожено, если учреждения, как таковые находятся технически в безупречном порядке, а человек, который хочет быть самим собой, все-таки не может в этих условиях дышать» (Ясперс К. Указ.Соч., с.330).

Карл Ясперс в качестве главной причины духовного кризиса послевоенного общества видит в недостатке доверия. «Существует доверие только в самом маленьком кругу, но не доверие в рамках целого» (Ясперс К. Указ.соч., с.335). И он указывает путь на выход из кризиса к обретению доверия. Это та почва, на которой с самого начала строилась его философия, — коммуникация, которая и должна связать разум с экзистенцией, часть с целым. Коммуникация, — по Ясперсу, — универсальное условие человеческого бытия. Поэтому именно теперь с расширением демократических свобод мы получаем возможность осуществлять коммуникацию как во времени, так и в пространстве, благодаря глобальным сетям. Можно только сожалеть, что К.Ясперс не дожил до наших дней и не узнал, что такое Интер-

нет. Однако он прекрасно понимал, что помимо формальных возможностей коммуникации важно ее содержание. «Долгое время, писал К.Ясперс, — Библия была настольной книгой каждого читающего человека с детских лет до глубокой старости. В наши дни этот вид традиции и воспитания как будто теряет свое значение для широких кругов населения и заменяется случайным чтением. Газеты, действительно необходимые современным людям, в том числе и такие, которые отличаются высоким духовным уровнем и в которых печатаются умнейшие люди нашего времени, могут оказать дурное воздействие там, где они являются единственным, быстро забываемым чтением. Трудно предвидеть, какое значение будет иметь в будущем для воспитания человека заполняющее его жизнь чтение» (К.Ясперс. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. — М., 1994. — С.235).

Здесь мы выходим на проблему соотношения книжной и экранной культур в современном обществе. Хочется, понимая необъятность этой проблемы, все же заметить что вытеснение книжной культуры экранной способствует усилению пассивного восприятия духовной пищи и, соответственно, снижает критичность мышления. Видимо задача библиотек, активно сочетая книжные и экранные формы информационной работы, ориентироваться именно на повышение критичности мышления, особенно у юных читателей. Причем, как показал несколько лет назад российско-американский семинар, эта проблема является интернациональной.

Если в двух словах преломить вынесенный на обсуждение принцип полноты комплектования и социально-коммуникационные проблемы книгоиздания с точки зрения философии открытого общества, стоит напомнить два момента. Если Гегель и гегельянце считали, что все ценное, чем обладает индивид, наследуется им от коллектива как подлинного носителя всех ценностей, Карл Поппер, наоборот, полагал, что «разумом мы обязаны определенным конкретным индивидам, многие из которых, возможно, нам не известны, и интеллектуальному взаимодействию с ними».

К. Поппер признавал роль традиции, но призывал освободиться от отношения к традиции как священной и неприкосновенной и рассматривать ценность или вредность традиции в зависимости от ситуации и влияния ее на людей. В этой связи становится понятным невозможность комплектования ценного, поскольку ценным является все созданное творчеством людей. И задача отбора ценного становится ситуативной, а не априорной.

Следовательно, каждый индивид решает ее по-своему в каждом случае возникновения у него информационной проблемы. Задача библиотеки — обеспечить его полнотой информационных ресурсов, которая вполне решается облегчением доступа к удаленным базам данных. Другими словами, стало очевидным преимуществом малой библиотеки с оперативным доступом в глобальные сети по сравнению с неповоротливым монстром с огромным фондом.

В связи с реабилитацией повседневности я вижу задачу библиотек в переносе акцентов с коллективных методов обслуживания в сторону большей индивидуальной работы. С другой стороны, слабо развитая технология консультирования в библиотеках, ограниченная библиографическими изданиями, также постепенно должна переориентироваться в сторону расширения спектра консультационной работы и включения в эту сферу повседневных информационных проблем отдельных людей.

И, наконец, два слова о философии библиотечного образования, хотя эта тема неисчерпаема. Сегодняшнее образование прагматично. Это связано и с ростом специализации, и нацеленностью на решение конкретных проблем. Теряется целостность знания. Основное средство преодолеть это противоречие — в усилении

философской направленности образования. Мне в связи с этим представляется важной задачей библиотечной школы повышение системности профессионального образования. Мне неоднократно приходилось говорить и писать о том, что ситуативное изменение направлений профессионального образования эффективно, если оно не противоречит определенным основаниям профессионализации. Ведь подготовка менеджеров-юристов, менеджеров-экономистов не в рамках юриспруденции и экономики только увеличивает число полупрофессионалов, которых у нас в связи со структурной перестройкой и без того в избытке. Нельзя отрывать принцип вариативности профессионального образования от принципа нормативности (т.е. передачи ядра профессиональных знаний и профессиональных ценностей) в угоду так называемой маркетинговой ориентации.

Е.В.Смолина.

Изучение профессионального сознания библиотекарей на примере понятия «публичности» библиотек.

Проблема доступа к знаниям в связи с задачами развития библиотеки, с определением ее социальной роли требует не столько традиционной библиотековедческой или психологической проработки, сколько философского, культурологического, социологического осмысления.

Можно предположить, что в случае философского взгляда на библиотеку, мы сталкиваемся с такими проблемами как:

- определение места библиотеки в жизни общества;
- осознание роли знания в жизни отдельного человека как субъекта жизнедеятельности;
- возможности развития библиотеки через последовательность инноваций организационно-структурного и содержательного плана и их адекватности обществу.

Представить себе философию библиотечного дела — значит ответить на вопросы, каким образом в конкретных социокультурных ситуациях должна быть организована деятельность библиотеки и какой тип нормативно-ценностной системы определяет специфику осмысления действительности и формирует соответствующие социальные значения, так как традиция, в которой живет и мыслит человек, определяет характер его понимания действительности.

В историческом времени превращение одного состояния общества в другое никогда не происходит непосредственно, оно всегда идет через культуру, через особую связь, через отношение нормы и ее реализации. Чтобы понять этот механизм, мы должны возвратиться в прошлое, но не к событийной истории, а к истории того, как в культуру входили те или иные нормы и ценности, как они сохранились, трансформировались и реализовывались. Необходимо рассмотреть смыслы в связи с породившими их и связанными с ними видами целесообразной деятельности.

Для каждого общества характерна своя система видов деятельности, каждый из которых соотносится с определенной социальной группой — носителями определенной, свойственной только им культуры. В рамках этой культуры идет процесс осознания собственного жизненного пути, возможностей, целевых установок. Решение проблемных ситуаций определяется социокультурным пространством, содержанием накопленного опыта жизни, поэтому один и тот же тип библиотеки реализует в каждую эпоху разные функции. Декларируемые и фактически реализуемые функции, как правило, не совпадают.

Утверждение общедоступности как важнейшего принципа деятельности РНБ сегодня действительно требует культурно-исторической реконструкции смысла понятия «публичность» или, говоря языком XIX в., «принципа людскости».

Освоение европейских идей в XVIII (идеологии просвещенного абсолютизма), привело к созданию по Указу Екатерины II Императорской Публичной библиотеки. Этот акт просвещенного монарха был совершен для той общественности, которая уже сложилась к этому времени, то есть в основном для дворян.

В культуре России XIX в. особое место занимает система образования, овладение культурным капиталом. Екатерина II на законодательном уровне способствовала развитию дворян как социальной привилегированной группы. Яркое выраженной сословная политика Александра I о особенно Николая I в сфере образования обеспечила возможность дворянскому сословию получить блестящее образование и достаточно широкие рамки интеллектуальной деятельности. Если система начальных и общесредних учебных заведений для народа в России стала складываться только к середине XIX в., то история российского университета уже к этому времени перевалила за столет. Таким образом, понятие «публика» не было синонимом всего населения. При том, что истинная задача Публичной библиотеки виделась в том, «чтобы каждый, независимо от происхождения, мог пользоваться всеми книгами, даже самыми редкими безвозмездно». Уже с начала XIX вводились как прямые (для книжных чинов и учащихся), так и косвенные ограничения выдачи некоторых изданий, обслуживались только серьезные мотивы чтения, так как роль Публичной библиотеки виделась в том, чтобы «способствовать развитию учености».

А. Н. Оленин — один из первых директоров библиотеки, выдвигал представление о двойной роли ученого-библиотекаря. От библиотекаря, с одной стороны, требовалось применение опыта в своей конкретной области знания на благо библиотеки и обслуживания, с другой стороны, — использование ресурсов библиотеки для собственной научной и творческой деятельности. Оленин первым узаконил этот принцип. Таким образом, те виды деятельности, которые библиотека реально обслуживала и те отношения, которые складывались между читателями и библиотекарями, говорят о том, что Публичная библиотека была по сути дела исследовательской. Будучи специалистами в определенных областях знаний, библиотекари занимались развитием фондов, классификацией и каталогизацией, подготовкой экспонатов для выставок, составлением библиографий и предоставлением читателям серьезных справочных услуг.

Новую социальную группу читателей, чьи потребности сотрудники библиотеки должны учитывать, называет В. Ф. Одоевский в своей подробной записке о создании публичной библиотеки в Москве, написанной по просьбе М. А. Корфа. Это растущий коммерческий сектор и промышленники. В записке есть указание и на идеи народного просвещения и звучит вера в участие библиотеки в распространении знания во всех сословиях.

Но все же первым, кто настаивал на необходимости обслуживания читателей всех сословий был В. И. Соболевский. В своем посюби «Об устройстве общественной библиотеки», опубликованном в 1858 г., он писал, что прежде библиотеки были «храмами науки», а теперь к счастью превратились в прибежище всех ищущих знаний. Соболевский присоединялся к профессиональной идеологии, основанной на либеральных ценностях свободного запроса и свободного доступа к фонду.

Набирали силу идеи Русского Просвещения. Эти идеи получили свое дальнейшее развитие в начале 60-х гг. В пореформенный период многие общественные учреждения, университеты, научные общества, составляли юридические уставы.

И.Г. Делянов, директор библиотеки, дает указание пересмотреть Устав Библиотеки. Все дискуссии свелись к вопросу о роли библиотеки в обществе. Образовались два лагеря. На «прогрессивной» стороне были В.И. Соболевский, В.В. Стасов, А.Ф. Бычков, А.А. Стойкович и другие, стремившиеся провести крупную реформу библиотечного обслуживания с целью совершенствования доступа читателей к фондам и содействия распространению знаний.

Им противостояла «немецкая фракция», состоявшая из библиотечарей: Р.И. Минцлова, Э.Г. Муральта, М.Ф. Поссельта, Ф.А. Вальтера и Б.А. Дорна, которые видели задачу библиотеки, прежде всего, в сохранении накопленных знаний для ученых.

В одной записке они утверждали, что Национальные библиотеки — это архивы человеческого знания всех времен. Их значение выходит далеко за рамки таких конкретных, практических задач, как распространение полезной информации. На это Соболевский отвечал уничтожительной критикой их мотивов: он говорил, что такой взгляд на библиотеку выдает, прежде всего, полное к ней безразличие, а второе — стремление к миру и покою. А.А. Стойкович заявил, что партия противников реформы просто прикрывает свое циничное отношение к научным посетителям библиотеки рассуждениями о собственном высшем призвании.

В дебатах по поводу духа и буквы устава победили сторонники реформы. Проект содержал ряд предложений по расширению доступа к фондам и многочисленным ссылкам на общественное благо. В конечном счете, однако, реформисты проиграла бой, ибо устав так и не стал законом. Для этого необходимо было утверждение Устава министром Д.А. Толстым, известным противником либеральных реформ. После покушения на Александра II в апреле 1866 г. дальнейшие реформы оказывались весьма проблематичными.

Тем не менее, проект Устава, напечатанный в 1865 г., в «Журнале Министерства Просвещения» с приглашением к общественному обсуждению — значительный шаг в утверждении демократизации российской интеллектуальной жизни в качестве новой основы библиотечного обслуживания. Если прежние библиотечари от Оленина до Корфа подчеркивали необходимость всеобщего доступа к фондам и предоставления ресурсов библиотеки на службу всеобщему благу, а Соболевский придавал этой задаче первостепенное значение, то теперь впервые этот принцип включался в правовой документ, определявший задачу библиотеки.

Вместе с Уставом напечатана была статья А.Ф. Бычкова. В своей статье он подчеркивал, что хотя библиотечари прежде всего должны быть талантливыми учеными, они не архивисты, задачи которых не выходят за рамки сохранности и библиографического контроля. Библиотечари должны кроме того быть проводниками знаний и культуры. И в этом качестве они имеют право на поддержку и содействие правительства. Правительства европейских стран признают, что культура составляет силу государства, и вознаграждают библиотечарей по заслугам. Такой же статус необходимо придать и российским библиотекам, если России суждено занять место среди народов Европы.

Обретая технический опыт и расширяя базу знаний в своей профессии, библиотечари обретали и профессиональное сознание, идеи служения всему обществу, всеобщего доступа к фондам, интеллектуальной свободы.

Таким образом, настоящей «публичной» библиотеку делают не правила входа в нее, а высокий уровень демократизации и развития гражданского общества, наличие определенного фонда, способного удовлетворить интересы различных социальных групп, профессиональная идеология библиотечарей.

В.В.Шилов.

О категории полноты библиотечного фонда.

Предложив в свое время коллегам тему своего сообщения, я, конечно, не считаю, что она имеет чисто философское значение. Но, надеюсь, вы согласитесь, что при определенном социальном аспекте тема полноты фонда имеет право и на некое философское осмысление. Внешне философская окраска достигается уже хотя бы тем, что используются те или иные приемы формальной логики, известные философские категории.

При ее освещении невозможно не затронуть технологические аспекты формирования фондов, однако в первой половине сегодняшнего заседания прозвучала вполне обоснованная заинтересованность профессиональных философов (**Б.В.Марков**) именно в технологической стороне библиотечной работы.

Я исхожу из того, что библиотечный фонд представляет собой информационную систему. Основной постулат: суть библиотечной деятельности — **это превращение информации в знание**, что не достигается чисто механическими действиями, но имеет прямое отношение к гносеологической проблематике.

Принято считать — и тут как будто нет особых разногласий в среде информатиков и библиотечников, — что качество библиотечного фонда документов, т.е. материального объекта, представляющего собой информационную систему, допустимо рассматривать с помощью категорий содержания и меры. Известно, что качество фонда — это сочетание ряда свойств, уточню, с точки зрения содержания. Гораздо сложнее рассматривать качество фонда с точки зрения меры.

Диалектический подход, на мой взгляд, заключается в том, что все свойства фонда в принципе сводятся к небольшому числу определенных признаков, имеющих более общий характер, или более высокий уровень рассмотрения. Однако имеется определенный предел сводимости, без которого сам процесс обобщения терял бы всякий смысл, так как в противном случае все свойства сливаются в нечто аморфное и совершенно бесполезное. На предельно высоком уровне обобщения мы рассматриваем две противоположные стороны качества фонда, а именно: полнота необходимой информации, отраженной в системе, и точность отражения необходимой информации. («Необходимая» — с точки зрения потребителя, для обслуживания которого формируется данная информационная система.

Социальный «фокус» в том, что понятие «необходимое» мыслится также с точки зрения заказчика данной информационной системы, а согласитесь, что потребитель и заказчик — это не всегда одно и то же. Когда хотят скрыть существование подобного различия, используют термин «социальный заказ», и, таким образом, создают возможность подмены понятий).

Критерии полноты и точности имеют давнюю традицию применения для оценки качества информационно-поисковых систем. Но библиотечные фонды в нынешнем их виде (если снять завесу «открытого доступа», а также не рассматривать внутриорганизационные аспекты) — не информационно-поисковые системы, а информационно-поисковые «массивы», или, если хотите, упорядоченные собрания документов как источников информации.

Видимо, поэтому определение качества библиотечных фондов с помощью критериев полноты и точности до настоящего времени не нашло достойного отражения в «официальном» фондоведении. Однако проявление указанных свойств как в информационно-поисковых системах, так и в информационно-поисковых массивах подчинено общим закономерностям. Оба указанных свойства находятся в

диалектическом единстве друг с другом, так что изменение степени полноты приводит определенным образом к изменению степени точности. В силу закона борьбы противоположностей эти изменения имеют разнонаправленный характер. Увеличение степени полноты уменьшает точность; напротив, увеличение точности отражения необходимой информации, содержащейся в информационной системе, уменьшает степень полноты ее отражения. Разумеется, здесь нет и намека на обратную пропорциональную зависимость.

В чем же разница применения критериев полноты точности к информационно-поисковым системам (ИПС) и к информационно-поисковым массивам? ИПС оцениваются по качеству ответов на запросы потребителей, причем ответы представляют собой подборки документов (или их суррогатов), выдаваемых потребителям. Пользователи имеют непосредственную возможность определить, какие из полученных документов их не устраивают, — следовательно, здесь же измеряется точность ответа. Для оценки полноты ответа необходимы специальные исследования, причем содержание ответа сравнивается с наличием необходимых потребителю документов в фонде.

Далее, для простоты изложения, рассмотрим идеальный случай, когда ИПС в режиме «запрос — ответ» работает безошибочно, по крайней мере, по критерию полноты ответа. Это позволит нам перейти к рассмотрению критерия точности применительно к информационно-поисковому массиву, к библиотечному фонду. Документы, которые читатели не запрашивают, тем самым и не выдаются, образуя, таким образом, неиспользуемую часть фонда и снижая степень точности отражения в фонде информации, необходимой пользователям.

Что касается полноты необходимой информации, отраженной в фонде, то общего у ИПС только то, что для уровня полноты фонда также необходимы специальные измерения, но сопоставление осуществляется уже в паре «фонд — мировая литература». Естественно, пользователь в идеальном случае, оценил бы качество обслуживания (если бы имел такую возможность) в паре «ответ — мировая литература», оставляя разбегание на прочие пары на совести библиотечного персонала.

Практическое значение проблемы качества библиотечного фонда в том, чтобы найти корректную меру качества, выйти на проектирование конкретного измерителя или системы таких измерителей. Не имея возможности измерить качество фонда, лишаем себя возможности управлять его формированием, так как не знаем ориентиров.

Подавляющее большинство фондоведов, рассматривая вопросы качества библиотечных фондов, используют ныне, вместо критерия точности, понятие избыточной полноты. Выражение «избыточная полнота» фигурирует в двух изданиях вузовского учебника по библиотечным фондам, с промежутком в 10 лет (1981 и 1991 гг.). Соответствующее обоснование звучит в издании 1991 г. буквально следующим образом: если недостаточная полнота библиотечного фонда (я пересказываю) всегда не желательна, то со свойством его избыточности дело обстоит сложнее, что явление сродни избыточности естественного языка; избыточность языка придает человеческой речи богатство смысловых оттенков, художественности и т. д. На мой взгляд обращение к семантике речи сыграло с этим аргументом злую шутку. Раскрываем академический словарь русского языка, в нем указываются четыре значения слова «полнота»: 1) наполненность — вполне достаточное количество чего-либо; 2) полная мера, полный состав; 3) предельное потребное количество, исчерпывающая достаточность и 4) тучность, толщина тела. Ни одно из этих значений не содержит элементов, указывающих на значение свойства. Академическая грамма-

тика несколько глубже определяет слово «полнота». В частности, она относит суффикс *-от* с окончанием *-а* в группу суффиксов, участвующих в словообразовании имен существительных со значением отвлеченного признака (*быстрота, нагота, нищета, теплота, чистота, щедрота* и др.).

Часть образований имеет значение подвижного количественного признака, проявляющего в различной степени: *полнота* (в смысле объема), *чистота, густота, высота, толстота* и т. д. Таким образом, суффикс *-от(а)* обладает двойной функцией: придает слову и признак полной меры (первое), и (второе) признак, проявляющийся в различной степени. То есть слова с таким суффиксом не совсем удобны для применения в качестве терминов, к которым мы предъявляем требование смысловой определенности, в особенности термина, обозначающего свойство. В русском языке имеется другой суффикс, *-ость*, который как раз придает слову признак свойства, способного менять степень насыщения: *экземплярность, частотность, точность, насыщенность, поверхностность*... По сравнению с суффиксом *-ость* суффикс *-от(а)*, конечно, сильно проигрывает. Что же получается, когда автор термина использовал слово с суффиксом, допускающим двойственное толкование?

В зависимости от контекста возможно появление логической ошибки, на которую указывали и в древние времена («О софических опровержениях»): заключается она в том, что изменение в окончании слова нередко ведет к изменению значения слова, хотя собеседник продолжает воспринимать сказанное в первоначально заданном смысле. Вот и «полнота» в одном смысле может обозначать предельное насыщение, а в другом — изменение уровня в пределах от 0 до 1 (от 0 до 100%). Переход от одного значения к другому может произойти незаметно для самого автора буквально в пределах одного абзаца. Если вместо «полноты» подыскать другой термин, то первое, что приходит в голову, — это «наполненность». Как любой неологизм, он непривычен, можно было бы употреблять термин «укомплектованность» или нечто другое. Жизнь подскажет, какой термин будет благозвучнее и семантически точнее. Но эти рассуждения относились к критерию «полноты».

Я не вижу никаких препятствий для того, чтобы употреблять термин «точность» в отношении критерия, противоположного по значению критерию полноты. Как же тогда объяснить тот парадокс, когда, вместо того чтобы сказать «точность фонда» (понимая под этим точность отражения фондом необходимой его пользователям информации), стремятся употребить термин «полнота» во всех возможных случаях: «Избыточная полнота»? По-моему, это явление из такого разряда, когда термин затаскивается.

Действительно, в библиотечном мире нашей культуры много усилий тратится на доказательство очевидных вещей: необходимость обеспечения сохранности библиотечных фондов как материальных объектов, сохранения документов — памятников культуры и истории, обеспечения полноты библиотечных фондов как общедоступных источников знания...

Постоянное употребление термина постепенно отрывает его от контекста, первоначальное смысловое значение утрачивается, его действительность приравнивается к лозунгу, происходит бесславная кончина термина — он девальвируется. Дальнейшее употребление слова-трупа приводит к существенным ошибкам, в особенности, когда начинаем на этой основе производить измерения. И вот уже слышим, что «избыточная полнота» может быть равна 140%, а это уж, по-моему, совершеннейшая бессмыслица, которую вряд ли стоит объяснять. Дело не только в том, что относительные величины при наличии предела могут быть измерены лишь в

известном интервале. Это неверно и теоретически, так как известно, что абсолютная, то есть 100-процентная полнота библиотечного фонда вообще недостижима в целом фонде, ни в его частях, ни даже в системе взаимосвязанных фондов. Динамика развития науки, культуры, издательской деятельности, появления все новых и новых источников — человеческого знания вообще такова, что обрекает любой библиотечный фонд, при самой лучшей организации комплектования, на вечное отставание, и задачей комплектователей в этой ситуации является сокращение лага запаздывания в пополнении фонда до некоторой минимальной величины. Исходя из сказанного, я полагаю, что соответствующий раздел учебника должен быть переписан.

Б.В. Марков. Спасибо. Я не ожидал встретить такую сенсацию. Пожалуйста вопросы.

А.И. Каптерев. Согласны ли Вы, что термин «полнота» все-таки можно воспринимать как «ценность», или здесь другая трактовка?

В.В. Шилов. Здесь, конечно, не может быть поставлен знак равенства, но определенная логическая, смысловая связь имеется.

А.И. Каптерев. Как я понимаю, ценность сейчас становится ситуативной, относительной, — Вы то же самое сказали сейчас относительно полноты. Раньше нам ценность была как бы спущена сверху априорно данной, теперь она все более ситуативна как относительно информационных запросов, так и относительно информационных потребностей, сегодняшних и завтрашних.

Как же примирить эти две нестыкуемые, по-моему, категории: с одной стороны, постоянно меняющийся информационный интерес — соответственно, запрос, а с другой стороны, зависящее от библиотекаря выполнение требования? Или это неразрешимая проблема?

В.В. Шилов. Вашу фразу можно продолжить тем, что от библиотекаря многое зависит. Проблема решается прежде всего при отборе изданий для фонда, когда библиотекарь оценивает какую-то книжку: взять или не взять.

Он принимает решение в бинарной системе, «да» или «нет», «беру» или «не беру». Когда это действие принимает массовый характер, накапливается какое-то множество документов, отобранных в результате принятия многих тысяч индивидуальных решений об отборе, тогда происходит качественный скачок и мы можем говорить об уровне полноты библиотечного фонда, предполагая, что отсеяны необходимые на самом деле издания, говорить о точности комплектования, когда включены в фонд на самом деле ненужные издания.

Вопрос о ценности может быть отнесен к конкретному документу, когда принимается индивидуальное решение о его включении или не включении в фонд. Далее вопрос о ценности правомерен в отношении всего фонда, и оценка выводится на основе имеющейся информации об уровнях полноты и точности фонда, о наличии в нем особо ценных конкретных документов.

Наконец, всплывает вновь вопрос о ценности конкретных документов, ранее принятых в фонд, проблема вторичного отбора в ситуации устаревания информации или, напротив, повышения культурно-исторической значимости документов и т.п.).

Решение часто принимается на том основании, что ценность одних документов определяется относительно наличия иных документов аналогичного содержания и назначения. Вопросы технологии здесь настолько важны, что многие десятилетия их пытались по-своему решать сонмы библиотековедов, и настолько сложны, что до

сих пор нельзя сказать, что имеется какая-то функциональная полнота правильности всех ранее принятых решений и рекомендаций.

А. И. Каптерев. В таком случае можно сказать, что есть какой-то элемент формализуемости принимаемых решений об отборе или это целиком интеллектуальная процедура, которую никогда нельзя будет формализовать?

В. В. Шилов. Я могу ответить, только как я сам понимаю. Процедура отбора сугубо интеллектуальная, но требовать от всех библиотекарей во всех случаях практики отбора решений, которые основаны абсолютно на интеллектуальной основе, невозможно, поэтому методисты исследуют и предлагают формальные процедуры, которые помогли бы более или менее правильно и быстро решать вопросы отбора.

А. И. Каптерев. То есть можно ввести какие-то коэффициенты уверенности в подобную экспертную систему? Для конкретного фонда, для конкретной библиотеки?

В. В. Шилов. На мой взгляд, можно. Целесообразно использовать некоторые методы теории вероятностей. Вопрос только в том, чтобы правильно использовать эти методы на практике. А это еще более сложная проблема, и прямого ответа на пути ее разрешения нет. Поэтому практики пока обходятся без теории вероятностей...

С. С. Гусев. В формальной логике понятие полноты используется таким образом: система полна, если прибавление какого-то высказывания вызывает противоречия. Как реально оценить полноту фонда? Чем определяются 100%? Субъективным мнением библиотекаря или существуют объективные оценки?

В. В. Шилов. Я постараюсь ответить. Полнота высказывания, действительно, означает, что к нему не может быть свободно добавлено какое-то суждение, не выводимое из данной системы суждений. Такое суждение будет противоречить системе, тогда либо данное высказывание некорректно, либо присоединяемое суждение ошибочно.

В отношении библиотечного фонда такой подход не правилен. Что это был бы за фонд, если бы его пополняли только теми документами, содержание которых только отражало бы зафиксированный на определенный момент уровень знания? Информативность такого фонда по мере устаревания имеющихся документов приближалась бы к нулю.

С. С. Гусев. Но как реально оценить библиотечный фонд, полный он или неполный? Есть ли какие-то нормативы?

В. В. Шилов. Не будем говорить о нормативах в библиотечной деятельности, потому что на эту тему можно прочесть не менее чем получасовую лекцию, чтобы показать абсурдность многих имевших место нормативов. Не в то время мы живем...

А. И. Каптерев. Нет, нет! Просто, чем задается сама полнота?

В. В. Шилов. Здесь два подхода возможны. Либо сверка списка с алфавитным каталогом, когда проверяется наличие конкретных документов, — это чисто формальная процедура. Либо отбор по содержанию, допустим, если бы фонд представлял собой базу данных, тогда должно быть проверено наличие тех или иных данных.

С. С. Гусев. Если будет заранее определен эталон.

В. В. Шилов. Вы же понимаете, нормальный библиотекарь, работающий в отделе комплектования, этим заниматься не будет. Известны разработки ГПНТБ Сибирского отделения Академии наук (Нестеров), где вопросы оценки документов пытаются решить с помощью компьютера, но на сегодняшний день применение этой технологии на практике не мыслится.

Е. И. Ратникова. Все очень просто. Имеется в виду профиль комплектования, который задается статусом библиотеки, ее типом, целями и задачами, которые преследуются в обслуживании и являются приоритетными для данной библиотеки. Видимо, это так?

В. В. Шилов. Конечно.

М. И. Акилина. Ваше выступление касается отбора документов в печатной форме или в Ваши рассуждения входят также электронные публикации, документы в электронной форме?

В. В. Шилов. Да, входят. Эту часть моей системы понятий и рассуждений я сегодня не затрагивал. Документы могут быть размещены в фонде, который у меня под рукой, или в фонде, находящемся в некотором отдалении, но я имею свободный доступ к тому и другому. Чтобы добраться до фонда, который находится в отдалении, я затрачиваю время, использую при этом, если надо, систему МБА, как говорили еще вчера, а сегодня, как Вы говорите, можно получить электронное изображение. Кроме того, доставка в любом случае стоит каких-то денег, и я сравниваю оба варианта как по соответствующим затратам, так и по потребностям читателя. Либо я прошу читателя оплатить расходы, либо рассчитываю на дотацию.

М. И. Акилина. Как преодолеть проблему полноты?

В. В. Шилов. Есть совокупность свойств, в которой одни свойства сводятся к другим, некоторые свойства не сводятся... В показателе оперативности удовлетворения читательского требования главное — категория времени. Длительность ожидания может устраивать читателя или не устраивать. Если не устраивает, система обслуживания работает как система с отказами. Значит, оперативность сводится к критерию полноты, и напрашивается применение соответствующего аппарата из теории массового обслуживания.

А. И. Каптерев. Я подумал, может быть, будет интересно вот что. На днях мне попала на глаза новая книжка, которая в Штатах получила как лучшее научное издание в области наших дисциплин (по системам, основанным на знаниях и их приложениях). Автор Джон Ричардсон. Американцы учитывают в алгоритме своей работы, согласен ли читатель помочь библиотекарю ответить на свой запрос: если согласен, то алгоритм меняется. Я полагаю, в нашем профессиональном сознании пока такого не присутствует, поскольку все мы говорим только о том, сколько времени тратит библиотекарь.

В. В. Шилов. Нет, простите! Вам не знакомы наши труды. Я понимаю так, что библиотековеды не читают работ фондоведов. Реплика, которую Вы сейчас бросили, покрывается нашим «толстым» пособием 1989 г. Соответствующий раздел называется: «Предотвращение отказов». Там как раз описан тот самый алгоритм, о котором Вы говорите.

Б. В. Марков. Я думаю, надо поберечь силы еще на завтра. То, что я сегодня с большим удовольствием услышал, я уже говорил, доставило большое удовлетворение. Внутренние философские споры часто бывают занудными, ибо число идей не так велико, а здесь я получил массу свежей информации, и размышлений, и самых неожиданных сообщений и о времени, и о фондах. Возникали и чисто философские проблемы. Это, конечно, была не совсем игра в бисер. Наш семинар можно рассматривать как оазис, получилось по античному образцу. Мы, русские, всегда грешили тем, что о высоком только говорили, а жили в реальности, которая, мягко говоря, не удовлетворяла. Мне кажется, сегодняшний разговор все-таки поможет нам, вернувшись к нашим книгам, которые в жалком состоянии находятся, как-то улучшить их положение.

Второй день заседания “круглого стола”.

Ведущие: В.Д.Стельмах, Б.Ф.Володин.

Р.С.Гиляревский.

Научная библиотека в эпоху электронных коммуникаций.

Первоначально я тему своего выступления назвал «Виртуальная библиотека против научной библиотеки». И назвал его так не случайно, потому что термин «виртуальная библиотека» часто понимается неверно. 2-4 апреля с.г. в Библиотеке иностранной литературы с большой помпой, с участием англичан и французов проводился двухдневный семинар, который назывался «Виртуальная библиотека». Представители западно-европейских библиотек с удовольствием рассказывали с техническими подробностями о том, как они оцифровывают свои библиотеки. В частности, Парижская национальная библиотека оцифровывает рукописи времен Карла V и вынашивает грандиозные планы в этом направлении. Директор ВГБИЛ Екатерина Юрьевна Гениева говорила, что тоже будет стремиться к тому, чтобы ее библиотека стала виртуальной. И, кстати, библиотекарь из Парижа говорила, что ее библиотека становится виртуальной. Я сидел и мне, честно говоря, было за коллег-библиотекарей неловко, потому что, не дай бог, пожелать кому-нибудь, чтобы его библиотека стала виртуальной. Английское слово *virtual* в одном из его значений по словарю — это «мнимое», «воображаемое». А вообще — это «действительное», «фиктивное», «эффектное», «фактическое», «неноминальное». Дело все в том, что это слово пришло не из обычного английского языка, а из «птичьего» как я его называю английского языка, то есть из компьютерного языка. А в компьютерном языке, если вы возьмете «Толковый словарь по информатике», то там больше 40 существительных с определением «виртуальный». И, в основном, это значит — несуществующий: виртуальная память — это та память, которая представлена пользователю, и он как бы пользуется ею как существующей, а на самом деле эта память заимствуется совершенно из других мест. Вместе с этим термином в библиотечное дело и информатику за рубежом пришел большой бум. И смысл этого бума надо понимать. Термин этот ввел в политическую лексику Вице-президент А.Гор, по образованию компьютерщик и, безусловно, человек амбициозный. Надо сказать, что его отец тоже Альберт Гор, был сенатором и в 50-е гг. предложил программу строительства скоростных автомагистралей. Эта программа стала национальной. Американцы, действительно, построили эти великолепные «хайвеи», главным образом, для того, чтобы соединить штаты Америки между собой. Это была национальная программа такого же уровня, как, скажем, полет на Луну. Этим жила вся нация. Дороги имели большой экономической эффект. Именно поэтому Альберт Гор-младший, нынешний вице-президент, тоже предложил программу, которую поддержал президент Клинтон и назвал ее программой построения Национальной информационной инфраструктуры. И по аналогии с проектом своего отца он назвал ее также *Super highways*, то есть в переводе — скоростная информационная магистраль. (Я убежден, что по-русски неудобно произносить слово *super highways*).

На эту программу ассигнованы большие деньги: 600 млн. долларов в 1991 году. В 1997 г. предполагается выделить на эту программу 1 млрд. 200 млн. долларов. Программа рассчитана на 10 лет, если республиканцы в Сенате ее не «подожмут». В общем представлении программа состоит в том, что как бы американцы хотят создавать сети. Ничего подобного. Никаких сетей они создавать не собираются. У них сетей больше, чем нужно.

Кстати, вот мы все говорим ИНТЕРНЕТ, ИНТЕРНЕТ. На семинаре в ВГБИЛ без конца говорили, как защитить ИНТЕРНЕТ от порнографии. Ну да, по этой сети, действительно, сейчас гоняют порнографию, поп-музыку, но в ИНТЕРНЕТ все это занимает одну сотую процента пропускной способности. Вообще, ИНТЕРНЕТ — бывшая сеть противовоздушной обороны США, называвшаяся АРПАНЕТ, которая была раскрыта нашими разведчиками, и американцы были вынуждены создать новую сеть, а эту отдали в общее информационное пользование библиотекам и университетам, назвав ИНТЕРНЕТ. Американцы ответили нам тем же самым, раскрыв нашу сеть противовоздушной обороны, завербовав Пеньковского. Но нам ее не отдали, ею пользуются для каких-то внутренних целей. В США новых сетей не нужно, их там бесконечное множество, а это программа построения именно инфраструктуры сетей. Сами американцы хорошо объясняют смысл программы по аналогии. Они говорят: автомобильная дорога это не просто дорога. Ей нужна инфраструктура, то есть через каждые 3 мили автозаправка, кафе, телефон, медпункт. Компьютерные сети сейчас беспризорные, их надо обеспечивать инфраструктурой. Каждый может войти в ИНТЕРНЕТ, послать туда любое сообщение. Каждый, кто умеет это делать, может получить оттуда справочники, путеводители, программы, рекламу. Но сети используются не больше, чем на 10 %, а из того, что используется 90 % составляют музыкальные записи для меломанов, в основном, это поп-музыка, электронная почта, то есть информация, имеющая небольшую ценность для общества. Идея заключается в том, чтобы сети были поставлены на службу образованию, культуре, библиотеке, медицине, другим социально значимым сферам. Но для этого надо, чтобы были удобные интерфейсы, чтобы были обучены пользователи, чтобы входение было регламентировано. В частности, один из нерешенных вопросов — оплата полученной информации. В США собираются в течение 10 лет заниматься обустройством этих сетей для того, чтобы они действительно использовались в общественных интересах, в том числе и в наших, библиотечных целях. Это говорится для того, чтобы был понятен контекст.

Мы теоретически можем в нашей стране входить в ИНТЕРНЕТ. Но, если честно сказать, пока в этих сетях работают немногие. Я проводил специальное обследование среди академических институтов, и не только московских. В Российской академии наук ученые почти не пользуются услугами ИНТЕРНЕТ, при том, что в течение последних трех лет это было бесплатно для наших специалистов, потому что оплачивалось фондом Сороса. Очень немногие, в основном, компьютерно-ориентированные специалисты входили в ИНТЕРНЕТ. Ученые-исследователи, те, кого мы обслуживаем, практически этой новой технологией не пользуются. Этому надо учить, это нужно пропагандировать, нужны удобные интерфейсы, в общем, вокруг этого нужна деятельность. И я убежден, что эту деятельность библиотеки должны взять в свои руки. Но чтобы брать — надо давать. Зарубежные пользователи ИНТЕРНЕТ очень интересуются нашими фондами. Мы должны определить, что из наших фондов мы должны оцифровать, и их надо за какую-то разумную плату предоставлять в пользование абонентам компьютерных сетей. Это надо делать, потому что это намного усилит коммуникационные возможности наших библиотек. С этим, конечно, связано понятие «виртуальная библиотека», то есть собственно виртуальная библиотека — это представление пользователя, сидящего за компьютером о том, что он пользуется фондами какой-то библиотеки. На самом деле, ему неизвестно, чем он пользуется, и далеко не всегда он пользуется фондами библиотек. Это могут быть коммерческие банки данных, информационные агентства и другие источники информации. Есть специальные программы для работы в сетях, для поиска в них

информации. Наиболее известные: Gopher, WWW (World Wide Web). Существует даже система гоферов, то есть таких программ, которые освобождают пользователя от самостоятельного вхождения в банки данных. Вы формулируете свой запрос, а программа сама решает, куда обратиться, что оттуда взять, в каком виде это представить. Существуют проблемы конвертации из одних форматов в другие и другие сложности. Все это мы должны освоить и этим самым мы дадим возможность нашим читателям, нашим пользователям создавать свои виртуальные библиотеки, ни в коем случае, конечно, не думая о том, что мы превращаем наши реальные библиотеки в виртуальные.

Деятельность по внедрению компьютерной сетевой технологии безусловно нужна, полезна в нашей стране, особенно, в связи с трудностями доступа к иностранной литературе. Наши читатели и пользователи лишены многих зарубежных журналов, многих специальных монографий. Вхождение в международные сети будет большим подспорьем, может как-то повысить информационную обеспеченность нашей науки и культуры. Но при этом надо все-таки понимать, что деятельность эта небезобидная и в какой-то степени, разрушающая. Про библиотечные ценности, о которых мы вчера говорили, очень убедительно сказал Дж. Шири. Он считал, что главная характеристика библиотеки — это та интеллектуальная деятельность, которая проходит в ее стенах. Представьте, если все будет сидеть дома у компьютера, то этого накала интеллектуальной деятельности, которую стимулирует работа в читальном зале в библиотеке, не будет. Поэтому тут должно быть какое-то разумное сочетание. Но эту часть я опущу, потому что вчера об этом все правильно говорилось. Я хочу повторить, что сейчас модно подчеркивать информационные функции библиотеки, но они отодвигают на второй план другие функции: воспитательную, просветительную. И в этом смысле виртуальная библиотека угрожает особенно научным библиотекам, и тут нужно разумное сочетание традиций с новой технологией. Вопрос об идеологии мы вчера тоже обсудили, и я этого не стал бы касаться. Но существует распространенное мнение, что виртуальная библиотека, электронные коммуникации как-то ослабляют проблему идеологической направленности библиотеки. На самом деле внедрение технических средств усугубляет ситуацию, осложняет решение проблемы, потому что лишает библиотекаря возможности изучать интересы читателя. Если «навигация» в электронных сетях осуществляется читателем, то у нас нет никакого аппарата для того, чтобы понимать интерес читателя. Это сфера просто из нашей профессиональной деятельности уходит, а тогда мы теряем ориентировку.

Теперь о проблеме платности и доступности. Дело все в том, что мировое информационное библиотечное и информационное сообщество не осталось глухо ко всем этим американским «играм». В связи со столетием Международной федерации по документации и информации, которое дважды отмечалось, сначала на конференции в Токио в 1994 г., а потом в 1995 г. на Совете в Гааге. Там был учрежден Стратегический альянс международных неправительственных организаций информации, основной целью которого является создание глобальной информационной инфраструктуры.

В Резолюции было провозглашено следующее: «Надлежащее использование информации для принятия решений на всех уровнях общества поможет решать проблемы человечества по мере того, как мир будет вступать в период большего понимания важности информации. Для достижения этой цели критически важно обеспечить непрерывность доступа к информации посредством документирования, сохранения во времени высокого качества записи. Все лица должны иметь

открытый неограниченный доступ к информации». Но как же быть с платностью информации? Для нас, российских специалистов, даже за умеренную плату порядка 100-200 долларов это недоступно. Этот вопрос обсуждается и на Западе. Если библиотеки как-то решили вопрос с оплатой информационных услуг в библиотеке, то для «сетевого» обслуживания читателей этот вопрос остается открытым. Понятно, что если вы копируете текст в библиотеке, то читатель должен оплатить бумагу, порошок, работников. Это как-то разумно калькулируется. А как быть с электронными услугами? Обычно информацию в печатной форме библиотеки предоставляют для использования бесплатно. Это одна из этических ценностей библиотечной профессии. А в электронной форме почему это надо делать платным? Только потому, что мы стали затрачивать на это дополнительные средства? Но ведь приобретенные книги, которые мы бесплатно выдаем, тоже стоят больших средств. Этот вопрос пока не имеет решения. На Западе сейчас все информационные и библиотечные журналы заполнены статьями по поводу оплаты электронных услуг. Вы понимаете, что если вы попросили книгу в библиотеке и вам дали эту книгу, то никаких проблем нет. Но если у вас попросили информацию и вы требуете, чтобы потребитель оплатил ее, он должен быть уверен, что он получит то, что ему нужно, а тот, кто предоставил электронные услуги, в свою очередь, хочет быть уверен, что плата адекватна предоставленным услугам. Кроме того, на Западе возникает масса проблем, которых у нас пока нет: какими кредитными карточками можно расплачиваться, по какой цене, из чего она складывается и многое другое. То есть это проблема, которая пока нигде не имеет разумного решения.

Я хотел бы остановиться еще на одной стороне дела, о которой мы вчера говорили, но которая, мне представляется важной. Первым на это обратил внимание Маршалл Маклюэн в Канаде в нескольких книгах, в особенности в монографиях «Гутенбергова галактика» и «Понимание средств информации». Дело в том, что экранная страница и книжная страница — это не одно и то же. Во-первых, пока мы пользуемся телевизионными трубками и поэтому у нас, так сказать, альбомный формат. Но в конце концов, эта проблема уже решается, и фирма Эппл в компьютерах Макинтош делает экраны книжной формы. Но при оцифровке текста, если он не сканирован как картинка, а представлен как текст, то страница изображается без золотого сечения, не с теми шрифтами, которые создавались веками, без лигатур и многих других достижений полиграфии. Теперешние компьютерные шрифты вообще далеки от совершенства и ориентированы на удобство векторного их представления на экране. Это же потеря всей книжной культуры, накопленной веками. Люди, которые заняты сейчас электронными коммуникациями, не знают об этом ничего, они решают свои технологические проблемы. Это надо понимать, об этом надо думать. Мне представляется, что это одна из больших опасностей библиотечно-книжного дела на самом деле. Важен не только сам текст, но и то, как он оформлен. Мы предпочитаем читать даже знакомое произведение в хорошо изданном виде с иллюстрациями, с хорошим шрифтом и расположением текста. Это все уходит из электронных коммуникаций, значит, надо об этом как-то подумать.

И последнее. Мы потратили столько сил на то, чтобы разделить дисциплины коммуникационного цикла и понять, где библиотковедение, информатика, библиотечное дело, информационное дело. Хотим мы этого или не хотим, на Западе происходит функциональное сращивание библиотек и информационных центров. Там же этот антагонизм был в 60-е годы, он в новом виде существует и сейчас. В библиотеке им. В. И. Ленина проходил семинар с американскими библиотекарями. На нем выступала Генриетта Авраам, заведующая отделом фондов Библиотеки

Конгресса США, классик этого дела. Если вы ее слушали или читали ее доклады, вы обратили внимание, что между библиотекарями США и их библиотечными сетями, которые создают компьютерщики, есть антагонизм. Конечно, удобно то, что привычно. Библиотеки привыкли к своим процедурам и не хотят переходить на какие-то другие. Антагонизм возникает уже на этом уровне. Но практически, реально происходит функциональное сращивание библиотечного дела и информационного мира. Я уже давно читаю лекции в Московском университете, веду там курс основ информатики. Несколько лекций я обязательно уделяю библиотеке, библиотечной работе, и стараюсь привить своим студентам уважение к библиотеке как общественному институту. Важно, чтобы следующие поколения понимали сложность обсуждаемых нами проблем и разумно к ним относились. Процессу их постепенного решения надо способствовать, потому что это на пользу всем, кто занят интеллектуальным трудом.

Б.Ф.Володин.

Представления о научной библиотеке в России.

Потребности и противоречия.

В своем устремлении войти в информационное сообщество наши библиотеки активно используют зарубежный и особенно активно американский опыт. Реализация проектов, связанных с воплощением российских аналогов: проекта корпоративной каталогизации OCLC или проекта "Books in print", проект по расширению возможностей участия российских библиотек в Internet, становятся одними из основных элементов нашей государственной политики в области библиотечного дела. Но при обращении к американскому опыту воспринимается только часть опыта, и порой игнорируются весьма значимые явления.

На стадии эйфории по поводу возможностей использования компьютерных технологий во многих крупных научных библиотеках США были уничтожены традиционные каталоги. Сейчас же стало очевидным, что при использовании компьютерных технологий в таких библиотеках не только возможно, но и необходимо сохранять традиционные каталоги, прежде всего как источник ценнейшей информации об уникальных фондах данной библиотеки.

Сегодня виртуальная библиотека не рассматривается в США единодушно как альтернатива традиционной библиотеки, в отрыве от определения будущего именно классической научной библиотеки. Одно не исключает другого. Это особенно отчетливо проявляется в процессе модернизации одной из наиболее известных своей историей и своими уникальными фондами библиотеки Гарвардского университета. Она ориентирована на формирование цифровой библиотеки, но при этом речь идет о ее существовании и развитии параллельно с традиционной библиотекой. И вопросам будущего этой классической научной библиотеки с богатыми книжными фондами уделяется не менее серьезное внимание. Иными словами, новая компьютерная и традиционная библиотеки будут развиваться параллельно, и одна библиотека будет дополнять другую.

Понять же это явление мы можем только в том случае, если вспомнить о том, что именно в США появился особый тип библиотеки, который получил название «research library», и еще более известен под определением «independent research library». Первое определение часто переводится как «научная библиотека», и тем самым особенности природы этой библиотеки не отражает. Более точным переводом является понятие «исследовательская библиотека», ибо эта библиотека ориентирована на выполнение исследовательских функций, на активное участие в исследо-

вательском процессе. Второе определение соответственно следует переводить «независимая исследовательская библиотека». Это означает, что такая библиотека не зависима от государства. Как правило, эти библиотеки создавались при фондах, возникших на основе частных коллекций, то есть практически как частные библиотеки. Такую библиотеку нередко рассматривали как особый американский тип библиотеки, представляющей собой одновременно и библиотеку и музей.

Главной задачей этой библиотеки является выполнение исследовательских функций по отношению к определенным областям знаний. Она собирает все материалы по какому-либо вопросу или кругу вопросов с исчерпывающей полнотой и делает их доступными пользователю. Пользователем же такой библиотеки является ученый, то есть ограниченный круг читателей.

Именно в США выработаны определенные требования к исследовательской библиотеке. И не случайно в статье, посвященной этим библиотекам в «Энциклопедии библиотечной и информационной науки» подчеркивается, что несмотря на то, что склонность быть исследовательскими библиотеками имеют все национальные библиотеки, не все из них являются таковыми.

То, что именно в США столь большое внимание уделяется защите старых, уникальных, наиболее ценных книжных фондов и ведется активный поиск в плане применения новых технологических решений, случайностью не является. И сама концепция виртуальной библиотеки воспринимается крупными научными библиотеками в контексте будущего исследовательской библиотеки, классической научной библиотеки с уникальными фондами.

Но на американской почве при ярко выраженной ориентации на прагматическое решение вопросов библиотечного дела не могло появиться глубокого философского осмысления феномена исследовательской библиотеки в контексте природы тех наук, на которые эта библиотека в первую очередь сориентирована. Это могло произойти только в Европе. Именно здесь, а именно в Германии, начиная с начала 1980-х гг., ведется активный поиск в этом направлении. Он связан, прежде всего, с работами и инициативами профессора английской филологии Университета имени Вильгельма в Мюнстере Бернхарда Фабиана.

Отсутствие интереса к опыту создания и развития исследовательских библиотек со стороны российских коллег не является случайностью. Прежде всего это связано с пониманием специфики гуманитарного знания и особенностей обслуживания специалистов-гуманитариев, которая в Советской России не ставилась как научная проблема. Все научное знание рассматривалось в рамках позитивизма как развивающееся по общим законам. Такое понимание науки отразилось на государственной политике в области развития научных библиотек.

Односторонность компьютерного подхода.

Для западного человека открытое общество, компьютеризация — это результат определенного развития. Это означает, что сама компьютерная революция произошла мирным путем в обществе, которое оказалось к ней подготовленным. Для российского человека этот процесс более сложен. Благодаря этому процессу Россия воссоединяется с Европой, с миром, разрывает с железным занавесом, с нашим привычным укладом жизни, с системой запретов, контроля и т. д., нацеливаясь на подлинную открытость общества, на реальную демократизацию («открытое общество»).

Наше отношение к этим процессам более эмоциональное. И при этом ощущаются явно односторонние акценты в библиотечной политике, в тематике конференций, в общероссийских проектах.

Два вида научной библиотеки.

Что же допускается? На мой взгляд, недооценивается то, что научная библиотека к концу XX в. перестала быть однородным явлением.

В советской библиотечной литературе она рассматривалась, как правило, либо в паре с массовой библиотекой, и тогда исследовалась на кого она ориентирована, какие потребности в информации удовлетворяет, либо ее просто не замечали. С определенного момента развития советского библиотековедения речь шла о другой паре: универсальная-специальная. Это сюжеты из отечественной мифологии. За пределами же России начал происходить очень важный процесс, который в нашей профессиональной литературе замечен не был — разделение научной библиотеки на гуманитарную и негуманитарную, не с точки зрения общества, нации, потомков и т.д., а просто специалистов-гуманитариев.

В пределах одной крупной библиотеки начала складываться система из двух (не 10-15 и т.д.), читальных залов — гуманитарной и негуманитарной литературы (например, в Британской библиотеке в Лондоне или в Национальной библиотеке в Варшаве).

Природа гуманитарных наук книга.

За этим стояли определенные причины и явления, требующие осмысления, а именно сама природа наук. Гуманитарные науки развиваются иначе, нежели науки негуманитарные. Специалисту-гуманитарию нужна не просто информация и не готовые знания. Ему нужна книга и, как правило, и старая, и новая одновременно. Сама природа гуманитарной науки исторична. Раздел истории есть в любой науке. Здесь же получение нового знания вне исторического развития просто невозможно.

Бернхард Фабиан очень точно сформулировал саму цель познания по отношению к гуманитарным наукам: «Согласно известной формулировке Вильгельма Вандельбанда, они являются описательными, то есть их намерения направлены на выявление особенного, противоположного по отношению к общему. И опять же специфическим предметом их внимания в принципе является единственный исторический феномен, и в качестве своей задачи они рассматривают выявление этой единичности в соответствующем контексте.

Однако, описывая положение дел в гуманитарных науках, большинство авторов не стремится вывести из отдельных случаев общие закономерности, а пытаются обозначить те признаки, благодаря которым соответствующий феномен отличается от «других».

Природа исследовательской библиотеки.

Читателю-гуманитарию нужна не база данных новейшей литературы, а каталог, открывающий доступ ко всей литературе вне зависимости от хронологических рамок. Нужен в идеале доступ ко всему фонду одновременно — в одной библиотеке, в одном здании. Это диктует определенные требования не только к организации обслуживания, а, прежде всего, к фондам — к политике комплектования (приоритеты библиотеки, ибо все собрать невозможно), преемственность по отношению к старым коллекциям, профиль комплектования. А также первостепенное внимание должно уделяться сохранности, что выражается в объявлении такой библиотеки безабодементной (то есть и без МБА) и ведет к ограничениям в выдаче оригинала неспециалисту с изготовлением копий, заменителей и т.д. Россия оказалась неготовой к восприятию всего этого круга проблем в полном объеме, ибо научная библиотека, сложившаяся в советский период, была ориентирована на иную политику комплектования (преемственность часто вообще исключалась, например, коллекции «Россика» РНБ (ГПБ)). Проблемы сохранности ставились и решались очень

локально, как проблема физической сохранности в первую очередь по отношению к отдельным, наиболее ценным единицам. Обслуживание строилось по отраслевому принципу, в основе которого был не научный подход.

Культурный аспект исследовательской библиотеки.

Воспринять эти и другие проблемы научных библиотек гуманитарного профиля, которые стали именоваться исследовательскими библиотеками, в системе сложившихся ценностей оказалось очень сложным, а порой и невозможным.

Новый тип библиотеки имеет определенную основу. Она не совпадает со старой советской, но она не совпадает и с американской, нацеленной на «доступ к информации».

Природа исследовательской библиотеки — европейская. Она связана с богатыми исторически ценными фондами гуманитарной литературы, которые исторически, последовательно сложились в Европе. А если и были завезены, как в случае с библиотекой Залуских, попали уже на подготовленную почву и дали жизнь новой библиотеке, дали импульс для развития научных библиотек России или Публичной библиотеки.

Я бы выделил как тип не просто исследовательскую библиотеку, а европейскую исследовательскую библиотеку, поскольку, как очень точно сказал философ Мераб Мамардашвили: «Европа это форма, показывающая, что существует орган жизни, присущий человеку, и этим органом является история».

За названиями европейских исследовательских библиотек просматривается история возникновения уникальных фондов. Именно история их формирования и определяет сегодня истинную значимость этих библиотек. И если думать сегодня о полноценной их жизни, то, обращая самое серьезное внимание на современные технологии, необходимо столь же внимательно всматриваться в прошлое, ощутить связь с историей.

Существует определенная закономерность: чем значительнее библиотеки в плане истории формирования фондов, тем в большей степени предопределено, что она неминуемо становится библиотекой, которая не укладывается в общепринятые правила ведения библиотечной работы.

В.А.Егорова. Библиотека и знание.

Независимо от особенностей комплектования библиотек, по принципу ли обязательного экземпляра или соответственно профилю, каждая библиотека в своей повседневной жизни решает проблему размещения, хранения фонда. В период информационного «потопа» эта проблема становится болевой в отличие от первоначальных этапов становления библиотек, когда, с одной стороны, существовало особое отношение к книгам как к ценности, с другой — ограниченные возможности их издания обуславливали тщательный отбор. Издавалось самое важное, самое ценное, проверенное временем. Однако при современных возможностях издательской деятельности, коммерческих интересах и личных амбициях граждан уповать на критерий времени времени нет. Фонды растут, увеличиваются. Внедряются электронные технологии, совершенствуется микрофильмирование, крупные библиотеки мира озабочены созданием глобального банка данных. Но существующие направления развития библиотечного дела не затрагивают сути основного вопроса: что является знанием, что является информацией — вопроса, от которого зависят и два других: чему учиться и как учиться. Как из полноты, многообразия, множественности форм, то есть из составных частей, целостный образ мира не складывается, так и сумма знаний не является знанием. При этом одно слово выражает разные понятия.

В докладе А. В. Соколова была остро поставлена проблема того, что процесс накопления информации ради потомков становится иррациональным, что он должен иметь предел, что нельзя полгорода превратить в библиотеку, и была высказана надежда на помощь философов в ее решении, ведь они в отличие от прочих смертных профессионально владеют некой мудростью. В истории философии предлагались различные правила, процедуры, рецепты для отличия объективного знания от субъективного, относительного от абсолютного и тем самым истинного от ложного. Напомним «Правила для руководства ума», «Рассуждение о методе» Р. Декарта, «Новый Органон» Ф. Бэкона, «Опыт о человеческом разумении» Д. Локка, «Человеческое познание» Б. Рассела и др. Но, даже изучив все предлагаемые подходы, мы не нашли бы ответа на интересующий нас вопрос. И если среди признанных авторитетов-философов отсутствует единодушие по этому вопросу, то оно также отсутствует у современных философов. Древние говорили: «Пусть бог покарает того, кто сам не знает, да еще осмеливается другим показывать путь к дверям рая».

Однако священные тексты, например «Филокалия», свидетельствуют о присутствии абсолютного знания, подтверждают, что «все новое — это хорошо забытое старое», что то, что мы ищем, существовало и было известно давно. Это знание характеризуется отсутствием случайности, вычисляемостью как в математике, его можно знать заранее. Достигнутый уровень делает совершенно ненужными книги и библиотеки. С точки зрения знающих, этап развития общества, к которому мы принадлежим, называемый технократическим, характеризуется отсутствием общего понимания, «каждый говорит на своем языке, каждый понимает по-своему и все понимают по-разному». Это — круг смещения языков.

Почему же обществом не управляют те, кто владеет истинным знанием? Может быть, не пришло время, или их мало, или они не хотят этого, или мы крепко «спим» и не готовы к принятию такого руководства? Лишь эволюция человечества, возможная, благодаря эволюции некоторой группы людей, которая поведет за собой все остальное человечество, изменит основы, значение общественных институтов, их функционирование, в том числе и библиотек, смыслом существования которых станет не полнота информации, а действительное знание. И, возможно, тогда библиотека станет частью некоего «Центра Знания» для обучения и воспитания поколений, потому что знание, помимо текстов, содержится также в танцах, обрядах, произведениях искусства, физических упражнениях и др. Книга изначально имела цель сохранять и передавать определенные знания. Такую же цель в дописьменную эпоху имели произведения искусства. Древние включали учение в произведения искусства. Очевидно, что сегодняшние актуальные проблемы библиотек: недостаток помещений, материальных средств и др. — не будут существовать для фонда, в основе формирования которого находится принцип объективного знания. До этого события проблемы библиотек останутся теми же. Фонды росли, растут и будут расти. Никто, даже философы, не возьмут на свои плечи оценку всех документов на истинность и ложность. Будут изыскиваться материальные средства, будут строиться подземные хранилища, будут развиваться электронные технологии, будут «Интернет», «Либнет» и пр.

Великое Знание существовало всегда. Оно всегда было одним и тем же. Менялся лишь язык его выражавший. Несколько путей ведут к нему, но первым импульсом к возможной встрече с ним является разочарование в том знании, которого достигло общество принятыми путями. Для нас, ныне живущих, важно личное понимание факта наличия иной реальности, иного знания, которое не ставит в центр мироздания человека и не рассматривает Солнце, Землю и Звезды существующими для

него. Личное понимание подчиненной роли человека и органической жизни в мировом процессе в отличие от различных теорий, не принимающих даже во внимание ни относительные размеры человека, ни временность его бытия, поможет, если не обуздать, то осознать наличие в нем самом двух главных врагов его развития: тщеславия и самолюбия, что проявляется во всех сферах жизнедеятельности человека, а значит также на профессиональном поприще, которым может быть и библиотека.

М.М. Шибаева. Ваше очень интересное сообщение, страстное при внешне спокойной форме, наводит на мысль, что Вы, наверное, говорите сейчас о возрастании ценности сокровенного знания, связанного, вероятно, с опытом интуитивного достижения.

В.А. Егорова. Нет, это не интуитивное знание.

М.М. Шибаева. Но Вы говорите о сокровенном знании?

В.А. Егорова. Нет, я не могу сказать, что я говорила о сокровенном знании, потому что это знание математично, поэтому и возможно понимание.

Л.Н. Гусева.

Определение роли научных библиотек на основе философского осмысления социального опыта.

В отличие от выступавших до меня участников, я отношусь к тем библиотековедам, которые не просто создают новые *идеалы* профессиональной деятельности, но реализуют их в практических проектах. Мои размышления касаются взаимосвязи философии и стратегического планирования.

Проблемы, которые мы рассматривали вчера и сегодня, — это проблемы библиотечной практики, но требующие философского и социально-гуманитарного осмысления. С древнейших времен такой практической философией считалась *этика*. Ее задачей было не столько изучение и описание сложившихся *норм* практики, сколько создание *идеальных моделей* отношений в обществе. Как показала история, модели отношений библиотекарей с обществом, декларируемые в манифестах и др. документах *профессиональной элиты*, во многом оказались утопическими для практической реализации.

Библиотека как социальный институт, ее место в системе общественных отношений может быть предметом раздумий разных мыслителей, но в такое сложное время, когда идет реформирование общества и формирование новых смыслов и ценностей, я считаю, что библиотечные специалисты должны сами решать проблемы философского характера. Нам необходимо разобраться в основах своей культуры и наметить пути перемен. В этом я и вижу назначение библиотечной философии.

В каждой сфере деятельности, имеющей свою историю, формируется особая культура поведения, общения и деятельности, которая представлена в виде образов, знаний, норм, целей и ценностей. В совокупности они составляют *социальный опыт*, который передается из поколения в поколение, закрепляется в структуре библиотек, в способах и средствах работы, в отношениях с другими социальными институтами, а также в *профессиональном языке*.

Обобщенный ценностный образ деятельности библиотек, концентрирующий социальный опыт мирового библиотечного сообщества, представлен в виде особых категорий, в системе которых осмысливается деятельность практиками. Категории культуры являются предметом познания философов-профессионалов, но я считаю, что для библиотековедов они являются более конкретными, так как фиксируют социальный опыт, накопленный в библиотечном деле. Мы говорим о *профессио-*

нальной идеологии, о профессиональном сознании, о культуре библиотечной деятельности, о специфике коммуникаций в библиотеке и т.д. Системообразующую функцию в сознании библиотечных специалистов как в отдельных библиотеках, так и в проектах и программах, объединяющих усилия библиотек России и мира в решении общих проблем, выполняют *принципы деятельности*. Смысл категорий, в которых выражены эти принципы в разных исторических периодах, в разных странах мира будет различным. В них формируется своя норма профессиональной культуры.

С переосмыслением культурных норм, то есть общепризнанных правил поведения, общения, деятельности связано изменение социальной роли библиотек в тех случаях, когда выполняемая ими роль приходит в противоречие с происходящими в обществе тенденциями. Такое переосмысление может происходить разными способами: под воздействием политической идеологии, то есть господствующих в обществе идей и ценностей, или в процессе сознательной философской рефлексии. Именно под воздействием перемен в общественном сознании, торжества национальной идеи, произошло формирование ряда национальных библиотек в России. Особое влияние, конечно, оказала идея рыночных отношений на наши библиотеки, но, на мой взгляд, библиотечные работники оказались более верны своим идеалам, чем, например, в сфере образования и, особенно, в медицине.

Особенность *идеологического* способа переосмысления социальной роли состоит в том, что реформа библиотек происходит в соответствии с новыми идеалами, взятыми на веру, без рационального осмысления. В связи с чем формулируемые в законах и концепциях стратегических планов принципы организации деятельности часто отражают устаревшие теоретические знания, заблуждения, что и делает их декларативными, утопическими. Например, мы уже говорили о принципе нейтралитета. Другой пример. Принятый в настоящее время принцип научной обоснованности деятельности и управленческих решений основан на том, что если практик действует в соответствии с рекомендациями философов и библиотечников-теоретиков, то значит, он действует рационально. В настоящее время имеет место и другая концепция: практики мыслят рационально с точки зрения поставленных целей, поэтому для принятия управленческих решений необходим плюрализм мнений практиков и теоретиков, профессиональная идеология. В результате дискуссии будут создаваться реальные концепции, на основе которых практики могут действовать в сложившихся условиях.

Современное стратегическое планирование в библиотечной деятельности представляет собой *политическую* деятельность. Главная задача разработчиков планов — не создание идеального образа библиотеки, а обоснование ее общественной пользы, а значит поддержки как со стороны государственных органов управления, так и общества в целом. Когда внедряются новые идеи, то часто возникает противоречие между ценностями библиотечной, государственных чиновников и читателей.

Значение философского осмысления деятельности библиотек осознавалось зарубежными специалистами уже в начале XX в., но специфика философии библиотечного дела осмысливается только в настоящее время. Зарубежные профессиональные философы не претендуют на монополию в своей области, ими определена взаимосвязь между философией и культурой, произошло понимание культурного разнообразия общества.

Библиотековеды в состоянии разобраться в основах своей профессиональной культуры, а для этого, на мой взгляд, нужна рефлексия норм, но не декларируемых как должное, а исторически сложившихся и реально определяющих деятельность

библиотек разных типов и в разных странах. Вчера в докладах о некоторых из таких принципов говорилось. Это «публичность» и «полнота фондов». С моей точки зрения, «полнота фондов» — категория культуры библиотечного дела, и требует не лингвистического, а философско-культурологического осмысления. Смыслы профессиональной деятельности, как правило, не находят отражения в национальном языке.

В результате культурологических исследований, рефлексии различных форм общественного сознания создаются теоретические концепции. Вчера на заседании «круглого стола» говорилось о культурологии, но, на мой взгляд, происходило смешение «теории культуры», стремящейся к познанию законов развития культуры страны в целом, и «культурологии» — науки, претендующей на исследование различных культур как целостного предмета. Работая над монографией, мы с Еленой Викторовной Смолиной не нашли единой, общепринятой исследовательской программы культурологии, только авторские концепции, различные по взглядам на предмет исследования. Я считаю, что философско-методологические исследования, в результате которых создаются новые принципы организации библиотек, по своей сути являются культурологическими, если они включают в себя описание социокультурных норм деятельности, исторически сложившиеся в библиотеках разных стран мира, как результат согласования ценностей и смыслов с действительностью, которые соотносятся с настоящим временем.

Существенное отличие библиотековедения, основанного на культурологическом подходе, от традиционного его понимания состоит в том, что новые теоретические концепции создаются не путем накопления и обобщения знаний, а в результате диалога и понимания разных культур. Как известно, о необходимости понимания, а не о единомыслии писал и Дж. Шира. Понимая другую культуру, специфику работы библиотек в других странах мира, мы тем самым стараемся понять себя, смысл своей деятельности и попытаться как-то организовать работу, учитывая зарубежный опыт и свои возможности и условия. Культуролог осмысливает те понятия, которые реально, на деле, определяют мышление членов библиотечного сообщества и меняются под воздействием разных факторов, и создает теоретические понятия с учетом новых научных знаний. Он вводит научные знания: целого комплекса наук в оборот практиков, в профессиональный язык и деятельность. Таким образом, создание теоретических концепций библиотечной практики происходит в рамках самостоятельной социальной науки или, вернее, метанауки, так как происходит формализация профессиональных знаний, а в управлении библиотечным делом сохраняется нормативный подход, но уже на основе демократических принципов.

В соответствии с новой концепцией рациональности знания общественных наук должны пройти проверку на публике, то есть в печати, на конференциях, семинарах и т.д. В законотворческой деятельности, в разработке стратегических планов в нашей стране необходимость дискурса не учитывается, вводятся новые смыслы, которые не понятны многим.

Признанные библиотечным сообществом в качестве ценностей, норм, теоретические концепции могут стать элементом профессиональной идеологии, но это не цель философии. Я разделяю мнение философа Ричарда Рорти, что «подобно инженеру и юристу философ полезен для решения определенных проблем, возникающих в определенных ситуациях, когда язык прошлого пришел в конфликт с потребностями будущего». (Р. Рорти. Философия и будущее // Вопр. философии. — 1994. — № 6. — С. 29-34). Таких проблем в библиотечном деле достаточно много, но они не воспринимаются как философские, как результат определенной ограниченности нашего профессионального сознания.

Традиционно в библиотечном деле связывают библиотеку будущего с разработкой новых технологий, а не с развитием профессиональных знаний. Сегодня никто не ставит под сомнение необходимость таких технологий, но осознается необходимость предвидения последствий их внедрения. Кроме того, несмотря на единые технологии в библиотеках разного типа, принцип открытого доступа к знанию реализуется по-разному. Это связано с особенностями интеллектуальной доступности текстов, поскольку концептуальный аппарат, профессиональная подготовка, владение специальными и иностранными языками у людей различны, и они меняются. Приведу два примера. Когда вы вчера уходили из библиотеки, то видели очередь студентов в гардероб. С чем связана эта проблема? С отсутствием учебников или с созданием новых концепций образования, ориентированных на источники? Другой пример, беженцы, эмигранты различных национальностей заполнили большие города. Они также нуждаются в библиотечном обслуживании, а фонды иностранной литературы находятся в крупных библиотеках, где обслуживание организовано по типу научных библиотек. Таким образом сложившиеся в сознании библиотекарей представления о типах библиотек приходят в противоречие с реальными социальными потребностями.

Роль философской деятельности в развитии профессионального знания важна, но возможность одного человека охватить все факторы, влияющие на организацию работы библиотеки, без предварительно проведенных исследований ограничена. В "Вопросах философии" за 1994 г., N7 опубликованы материалы «круглого стола», посвященного книжной культуре, на котором говорилось о том, что книга не нужна, и пора заменить ее компьютером, но никто не упоминал такого фактора, как то, что крупные библиотеки переполнены и книга не то что не нужна, а ее просто нет в библиотеках. В результате рассуждений участники «круглого стола» пришли к выводу, что не знают реальности.

В связи с чем я хочу сказать несколько слов об эмпирических исследованиях в библиотеках, необходимых для изучения действительности, в которой оказываются библиотечные работники. Участие специалистов различных областей знания помогает разобраться в достижениях науки и культуры, в концептуальном аппарате разных наук, в понятиях, в которых мы можем описать новый образ библиотеки, но без знания реальности он будет утопическим, не включенным в новую систему общественных отношений. Социологические исследования в библиотеках традиционно проводятся на основе методологии, в которой авторские концепции подтверждаются общественным мнением. В настоящее время под влиянием западных социальных теорий в социологии формируется новая методология исследований, цель которых состоит в описании новых практик и выявлении факторов их появления, в том числе и знаний. Проблемы социологических исследований, дополняющие культурологические, при определении политики библиотечного дела — одни из самых насущных, поэтому я считаю, что им должны быть посвящены специальные конференции, семинары и т.д.

В заключение хочу сказать, что такие встречи, как наша, на мой взгляд, должны стать традицией. Может быть должен быть и совместный печатный орган, потому что, когда мы говорим о том, что кто-то не хочет заниматься нашими проблемами, то это не совсем так. Надо просто приглашать специалистов и дать им возможность выразить свои идеи. Соединив, таким образом, знание реальности с интеллектуальным потенциалом философов, теоретиков, и можно решать сложные проблемы социальной роли библиотек, особенно публичных, обслуживающих разные социальные группы. Например, недавно принято соглашение между РФБ и РНБ. На мой

взгляд концептуального разделения не произошло, библиотеки просто разделили сферы влияния, как две могущественные державы.

Б. Ф. Володин. Я хочу сказать, что идея, высказанная в докладе о продолжении работы, — это всем нам вопрос: надо ли нам собираться, в каком качестве, где, когда, с какой периодичностью?

Я призываю всех участников «круглого стола» ответить на этот вопрос. А относительно социологии, то здесь присутствует Валерия Дмитриевна, которая является идеологом и организатором, главным вдохновителем Вологодского совещания. Интереснейшее мероприятие грядет в белые ночи на Российском севере, и это тоже очень важно.

М. Я. Дворкина. Мне хотелось поддержать Людмилу Николаевну в отношении того, что очевидно нам нужно собираться, обсуждать эти вопросы с привлечением разных специалистов. Дело в том, что у нас такой «круглый стол» возник одновременно с вашим. Был разговор в Москве на российско-польском семинаре, где мы подумали о том, что нам необходимо заниматься проблемами библиотечной философии, хотя еще не определили это. И вот уже где-то в октябре месяца в Москве начали организовывать такие «круглые столы», но они у нас очень локальные. При Московской библиотечной ассоциации собираются те, кто интересуется этим, человек примерно 20 — 25. Выступающих обычно двое: один из них специалист в области библиотечного дела, второй из любой другой области. У нас были культуролог, математик, сейчас будет журналист, чтобы мы видели разные аспекты тех проблем, которые стоят перед нами. Кстати интересно, что фактически у нас получилось выездное заседание нашего «круглого стола». Но я думаю, может как раз и важно, пусть будут локальные и более мощные по представительству.

Р. С. Гиляревский. Меня очень взволновало разграничение между РГБ и РНБ. Можно объяснить, в чем оно состоит?

Л. Н. Гусева. Принято соглашение. Его авторы пришли к мнению, что на правах кооперации будет происходить формирование фондов, за исключением фонда отечественной литературы. В РНБ принцип полноты фондов отечественной литературы сохраняется, а сотрудники РГБ от него отказываются. Разграничение произошло на уровне библиографического учета и научно-исследовательской работы.

В. Д. Стельмах. Даже международное сообщество приняло сложившееся положение дел. Вы знаете, что существует такое постоянное действующее Совещание директоров национальных библиотек. Так даже и они пришли к выводу, что директора двух библиотек, то есть РГБ и РНБ, будут представлять страну на этом Совещании, а это уже просто некое разрушение их канонов.

И. А. Каптерев. Меня задела тема ограниченности профессионального сознания. Мне кажется, что если профессиональное сознание ограничено объектом деятельности, неважно какого уровня рефлексии: технологическом, методологическом, теоретическом, то это нормально. Если профессиональное сознание ограничено какими-то концепциями, о которых здесь постоянно говорили, то концепции библиотечной науки тоже нуждаются в ревизии, с моей точки зрения. Во-первых, вчера хорошо говорили о том, что есть философия библиотеки, есть философия библиотекведения. Это как-то мы не развили, а мне кажется, что это очень важно, потому что библиотеку мы должны оценивать как социальный институт, опираясь на социально-философские теории, а библиотекведение опирается на теории философии науки. Их тоже было много. Есть специалисты, которые считают, что наука определяется наличием теорий, другие считают - наличием фактов, третьи, что она опровергается другими теориями. Это еще в эпоху Просвещения было сформули-

ровано. С этой точки зрения наше библиотековедение нуждается в таком анализе и в применении тех критериев, которые Кант сформулировал: точность, внутренняя и внешняя непротиворечивость, простота, широта. Эти критерии очень полезны, чтобы оценить современную библиотечную науку. Более того, нужно учитывать и иерархичность науки, т.е. твердое тело науки, где действуют одни критерии, это строгость выводов. Есть передний край науки, где может быть не такая обоснованность, но зато эвристичность повышенная, и есть история науки, где свои критерии для оценки истинности. Вот если мы с этих точек зрения будем оценивать нашу библиотечную науку, я думаю, что мы все-таки сообща оценим, насколько она соответствует тем канонам.

Л.Н. Гусева. Я согласна с Вами, потому что, когда мы задумывали этот «круглый стол», то разделяли проблемы на чисто практические, требующие философского осмысления и научные. Действительно очень важно, на мой взгляд, многое изменить в нашей науке, в исследовательской традиции.

О.Л. Кабачек.

Философия книги и библиотеки Х.Л. Борхеса.

Полный текст доклада может быть прочитан в летнем номере журнала «Библиотековедение и библиография за рубежом» за этот год — там я попыталась осветить тему: Борхес о философии Книги и Библиотеки.

Юрий Михайлович вчера говорил о том, что философия — дискурсивна и воспроизводит себя в текстах. Читатель Борхеса, пользуясь открытым аргентинским писателем-мыслителем методом, становится способен находить в самых разных текстах — не только собственно философских, но и художественных — *содержательные философские модели* Библиотеки. Например, большой интерес для нас в этом смысле могут представлять высказывания писателей и мыслителей разных времен и стран о чтении и книге, собранные в прекрасной серии о книге, чтении, библиофильстве издательства «Книга». Людмила Николаевна только что выступая, не раз упоминала: «не нашли», «не нашла». Я не говорю, что не там искали: искать можно и нужно везде — могут быть интересные находки в самых неожиданных местах. Мне хочется привлечь Ваше внимание к целому пласту невостребованной литературы (о невостребованности уже много говорили на нашем «круглом столе»). Не думайте, что если в тексте нет слова «библиотека», то это не про нас!

Борхес как никто другой вовлекает читателя в безграничный мир книжной культуры, заражая его своей духовной жадностью, страстью к интеллектуальному поиску. Его метод — игра культурологическими метафорами, порождение бесчисленных моделей.

Философия культуры у Борхеса является мифологией культуры. И в ней Книга и Библиотека принадлежит центральное место. Мы должны быть благодарны Борхесу за то, что он не отделяет непроходимой стеной книговедение от библиотековедения. По мнению борхесоведов, ключевые понятия его мира образуют ряд взаимосвязанных и взаимоотражающих парабол: *Слово — Книга — Библиотека — Дворец/Сад — Мироздание*. Таким образом, Книга и Библиотека у Борхеса сопоставимы со всему универсумом, Вселенной!

Всю жизнь Борхеса влекла загадка «взаимоотражения Свитка Писания и Свитка Творения». А это философский подход! В своем творчестве он рассматривает и воплощает существующие модели отношений двух основополагающих сущностей — Книги (Библиотеки) и Бытия: архаичную (а также восточную), которая уподобляет

Мири Книгу в их универсальности и целостности, и классическую западную модель, где Книга (и Библиотека) отождествляются с платоновским высшим миром, миром истинного бытия, мудрости, добра и красоты, противопоставляясь миру «дольнему». О второй модели вчера уже говорила Михалина Михайловна Шибаева, поэтому подробнее остановлюсь на первом подходе.

Универсальность, всеохватность, всеобъемлемость и всеведение привлекали Борхеса-каталогизатора (напомню, что прежде чем стать директором национальной библиотеки Аргентины, он ряд лет проработал помощником библиотекаря по каталогам в филиале городской библиотеки Буэнос-Айреса). В своих произведениях он описывает универсальную Книгу, универсальный Каталог (книгу книг) и универсальную Библиотеку (см. новеллы «Книга песка», «Вавилонская библиотека» и др.).

Главное — то, что Борхесу удается объединить — и весьма органично — эти два несовместимых, на первый, формально-логический, взгляд, направления в представлении отношений Мира и Библиотеки. В этом он следует вектору современного культурологического подхода, пытающегося восстановить на новом витке познания первоначальное, досократовское представление о книге как деривате мироздания, книге, объемлющей земное и небесное в их единстве, целостности.

У Х.Л. Борхеса это объединение, переплетение, удивительное взаимопроникновение полярных моделей взаимоотношений происходит опосредованно — в пространстве художественного текста. В эссе, новеллах и стихах Борхес воссоздает подлинный диалог культур, удаленных друг от друга, — чем достигается эффект обогащающего обмена и взаимодополнения смыслов, ценностей и символов — построение единого тела мировой культуры.

Гносеологически эта созидательная работа оказалась возможной, как мне представляется, благодаря обращению к мифологии — в частности, использованию особенностей «сакрального времени» — феномена, изучавшегося этнографами и культурологами, например М. Элиаде. Это явление известно во всех архаических культурах: начиная от минойской и кончая культурой австралийских аборигенов. В отличие от «профанного», обыденного времени, в «сакральном» присутствуют такие свойства божественного, как всеведение, всеобъемлемость, с одной стороны, и нормативность, идеальность, с другой. Итак, именно мифология как источник других форм познания: философии, частных наук, искусства и религии оказалась способна объединить в себе взаимоисключающие модели и представления о Мире и Библиотеке, что и сделало обращение к ней Х.Л. Борхеса столь плодотворным

Д.К.Равинский.

Библиотека и библиотечная профессия глазами зарубежных философов XX в.

По моим подсчетам, я семнадцатый выступающий на нашем круглом столе, и, конечно, слушать семнадцатое выступление — своего рода духовный подвиг. И все-таки я рассчитываю на ваше внимание. Дело в том, что обычная схема взаимоотношений библиотековедения и философии такова: философы высказываются на раз-

ные темы, в число которых библиотечные проблемы не входят, а библиотековеды говорят о библиотеках, экстраполируя на свой предмет сказанное философами по другим поводам. И очень редко философы обращают свой взор непосредственно на библиотеки. Я знаю только три примера — кроме Борхеса — работ видных западных философов XX в., специально посвященных осмыслению феномена библиотеки. Это небольшое эссе М. Фуко «Фантазия библиотеки» и выступление У. Эко и Х. Ортеги-и-Гассета. Поучителен сам опыт таких «философских интервенций» в тихую сферу библиотковедения. Интересно, что, хотя выступления Эко и Ортеги по жанру — приветственные речи, оба они вызвали сдержанную реакцию в библиотечных кругах. В одном случае, это был настоящий скандал и призывы к сопротивлению, в другом — смущение, вытянутые лица...

Прежде чем говорить об этих выступлениях, выскажу несколько общих суждений. Сколько бы мы ни обсуждали здесь, что есть философия библиотеки, нужно признать, что доминирующей философской тенденцией в современном библиотковедении является философский позитивизм, корреспондирующий с либерально-демократическими ценностями. Это означает признание нескольких постулатов: 1) существует объективное: не зависящее от субъективных устремлений, научное знание воплощается в документах; документы хранятся в библиотеках; 2) цель библиотеки — эффективное предоставление документов (выражение Дж. Ширы); эффективность подразумевает и максимальную доступность и оперативность — скорость исполнения рассматривается в позитивистском сознании как одно из главных достоинств; 3) принцип библиотечного обслуживания — нейтральность, не только в смысле отсутствия попыток руководства чтением, но и в том, что в расчет не принимаются такие вещи как отчаяние, надежда, достоинство и вообще всяческие «гордость и предубеждение».

Можно сказать, что в позитивистском представлении библиотека — что-то вроде конторы для выдачи документов. Показательно, как внедрились в библиотечный мир понятия из производственной сферы — менеджмент и маркетинг, так искренне и нежно полюбили их российские библиотекари.

В западной библиотковедческой мысли — также, в размышлениях о библиотеке авторов разной профессиональной принадлежности — с течением времени все яснее вырисовывается тенденция, альтернативная позитивистской. Если попытаться определить ее одним ключевым словом, то это будет слово *лабиринт*. Лабиринт, как известно, содержит в себе самые различные возможности — в нем можно заблудиться, а можно найти то, чего не искал. О лабиринте, как прекрасно показала только что О.Л. Кабачек, много писал в связи с библиотекой, Борхес. Я же хочу привести в своем несовершенном переводе строки из «Фантазии библиотеки» М. Фуко: «В безмолвной библиотеке, где книги очень плотно поставлены на полках, существует множество невозможных миров — в интервалах между книгами /.../. Читатель погружается в расщелины пространства между текстами, устанавливая связи и совершая открытия гораздо более глубоко, чем простое собирание конкретных фактов».

Эта антипозитивистская тенденция очень ярко выразилась в двух выступлениях, о которых я и хочу сказать. Первое принадлежит Умберто Эко, профессору семиотики Болонского университета, всем нам известного как автора романа «Имя Розы». Но у Эко есть работа, гораздо менее известная и, насколько я знаю, на русский язык не переведенная, которая специально излагает его взгляды на библиотеку. Это — эссе, известное под названием «Библиотека», представляющее собой выступление на собрании по поводу 25-летия Миланской городской библио-

теки (10 марта 1981 г.) У. Эко начал свое выступление словами, что библиотека для него — своего рода храм, и он хочет открыть речь так, как открывают религиозную церемонию — с чтения книги, содержание которой всем присутствующим так хорошо известно, что она создает соответствующую атмосферу. После этого Эко процитировал не Библию, на которую намекал, а «Вавилонскую библиотеку» Борхеса, тем самым сразу обозначив интеллектуальную традицию, которой он придерживается.

Эко назвал семь основных функций библиотеки — с древнейших времен до наших дней: 1) собрание материалов, 2) хранение, 3) раскрытие, 4) побуждение к чтению, 5) обеспечение общественного доступа к материалам, 6) сокрытие материалов, 7) предоставление возможностей для открытия.

За недостатком времени я кратко коснусь только двух последних, непривычно звучащих функций.

Задача современных библиотек в демократических странах — сделать материалы доступными. По крайней мере, это постоянно провозглашается. У. Эко соглашается, что библиотеки позволяют найти материалы, но он также утверждает, что библиотеки существуют и для того, чтобы материалы скрывать. Идея доступности — естественное дополнение тенденции скрыть. «Мы всегда восхищаемся способностями великих гуманистов Ренессанса открыть затерянные тексты. Но где они их нашли? В библиотеках. В библиотеках, которые прятали тексты и в то же время предоставляли возможности для открытия...» В отличие от главного библиотекаря из романа «Имя Розы», библиотекари обычно книг специально не прячут. Эко полагает, что это культурный феномен, мало зависящий от намерений библиотекаря. Дело не только в том, что библиотеки и их фонды настолько разрослись, что материал в них легко может «затеряться».

Дело еще в том, что профессиональное знание, контролирующее вход в систему, как всякое профессиональное знание — в такой же степени барьер, как и вход. Скажем, нельзя сказать, что система каталожной классификации раскрывает материалы сразу понятным и очевидным образом, как бы логична и последовательна она не была.

Согласно Эко, библиотека может рассматриваться, как лабиринт текстов, образующий возможности для новых упорядочений. По словам Эко, лабиринт похож на сеть, где каждая точка может быть соединена с каждой другой точкой, и там, где связи не выявлены, они могут быть выявлены в дальнейшем.

Как замечает Эко, «сеть — это неограниченная территория». Эко проводит очень важное различие: библиотека как место проверки того, что уже открыто, и библиотека как контекст открытия. Отдавая, естественно, предпочтение второму, Эко считает важнейшим достоинством библиотеки — наличие открытого доступа к материалам. Поэтому в числе «хороших» библиотек он называет университетские библиотеки США и Канады.

И тут философ делает очень интересное замечание. В основе свободного предоставления материалов в северо-американских библиотеках коренится убеждение, что почти всякий материал может быть воссоздан заново. Это, по мнению Эко, черта того, что он называет «ксероцивилизация» — библиотечная культура, основанная на использовании копируемых средств. Эко говорит, что традиционный слой чтения как постижение не только информации, но и авторской интенции, сменяется плюралистическим фрагментированием, то есть библиотечный читатель сегодня не читает книгу, а бегло просмотрев, копирует отдельные ее фрагменты и составляет из них нечто новое, что может совпадать с авторскими намерениями, а может и не совпадать.

Мое время на исходе, перехожу к последнему сюжету моего выступления. В мае 1934 г. молодой, но уже известный испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет отправился в Париж, чтобы произнести приветственную речь на международном конгрессе библиографов и библиотекарей. Речь была опубликована в виде брошюры на французском языке, очень быстро замечена за океаном, и в 1936 г. ее сокращенный перевод был опубликован в Вильсоновском журнале под названием «Человек должен приручить книгу». В том же номере была помещена статья известного библиотековеда Стенли Кунитца, озаглавленная «О приручении книги». Статья начиналась с вопроса: понимали ли библиотекари, слушавшие Ортегу, что их знаменитый гость ненавязчиво обосновывает уничтожение библиотечной профессии? Кунитц обвинял Ортегу в «протофашизме» и призывал библиотекарей быть бдительными по отношению к «хитрому испанцу». Что же такого сказал хитрый испанец, вызвав столь нервную реакцию? Поскольку перевод его эссе опубликован в сборнике «Человек читающий» не вызвав, правда, заметного резонанса, я только кратко напомню его тезисы, обратив ваше внимание на то, как повлияло эссе Ортеги на американское библиотековедение.

Ортега отмечает резкое возрастание роли книги и роли библиотекарей в обществе в эпоху Ренессанса, когда люди, утратив веру в мощь Божественного откровения, начали верить всему, что человек думает, исходя из собственных аргументов и, следовательно, всему, что человек пишет.

Второй ключевой момент в развитии общественной роли книги XIX века, когда власть поняла значение книги как фундамента демократии: «Демократия — дочь книги, триумф книги человеческой над книгой, открытой Богом». Напомню, что Ортега — антидемократ, автор знаменитых работ «Восстание масс» и «Дегуманизация искусства», поэтому он отнюдь не приветствует заслуги книги перед демократией. «Массы набросились на тома с почти безудержным энтузиазмом, как будто книги были кислородными подушками».

По мнению Ортеги, проблема в том, что теперь существует слишком много книг, причем много бесполезных, «фальшивых» книг. И миссию библиотекаря философ видит в том, чтобы стать «фильтром» между человечеством и океаном плохих, бесполезных и просто вредных книг. Вот от этой-то высокой миссии библиотекари и шарахнулись как черт от лаdana.

Принципиальное неприятие цензуры, отстаивание свободы печати, и, как говорилось, постулат нейтральности библиотекаря образуют «символ веры» библиотечного сообщества в демократических странах. Это, кстати, к обсуждавшемуся на нашем «круглом столе» вопросу о том, могут ли библиотекари претендовать на роль общественной элиты.

Но интересно, что мало кто из европейских мыслителей оказал такое влияние на американскую интеллигенцию 1950-х гг., как Ортега-и-Гассет, и в библиотечной среде его идеи оставили свой след. Еще в шестидесятые годы один из американских библиотековедов писал о нерешимости противоречия между двумя общественными ролями библиотекарей — ролью защитников свободы слова и ролью апостолов культуры, склонных к просветительству.

Особая веха — статья Лестера Эшейма «Ортега возвращается», помещенная в «Лайбрэри Квотерли» в 1982 г. Отметив, что проблема избытка информации за время, прошедшее после выступления Ортеги, стала значительно острее, Эшейм вновь рассмотрел идею «библиотекаря как фильтра». Согласно Эшейму, есть два пути выполнения библиотекарем этой функции. Один — селекция, проводимая библиотекарем при создании фонда и здесь принципом должен быть максимально

широкий охват материалов, нужных потенциальному пользователю. Но когда на сцену выступает реальный пользователь, здесь другая задача — приспособление потока информации к интересам именно этого конкретного человека. По ходу дела новые вопросы могут возникать, дополнительная информация может быть найдена, может сменяться фокус и т. д. Вот в этой роли живого, постоянно приспособляющегося, учитывающего психологические и «жизненные» моменты, фильтра и выступает библиотекарь.

С. Б. Голубцов.

Реальные каталоги библиотеки как источник изучения профессиональной идеологии.

Реальные библиотечные каталоги — один из основных инструментов, раскрывающих фонд библиотеки для читателя в содержательном аспекте. В связи с этим одно из основных требований, традиционно предъявляемых к реальным каталогам — требование научности, сводящееся к наиболее адекватному отражению объективно-научного в информационно-поисковых языках реальных каталогов.

Однако сравнительно недавно, в связи с интересом к деидеологизации библиотечной работы, возник вполне закономерный вопрос — каким образом идеологические характеристики локализуются на конкретных участках библиотечной работы, применительно к конкретным инструментам удовлетворения информационных потребностей потребителей.

Изучение этой проблемы на примере основных реальных каталогов Российской национальной библиотеки показало, что уместна более широкая постановка вопроса и речь должна идти не только об идеологической направленности каталога, его партийности, как принято было говорить в свое время. Более объективным является интерес к отражению оценок в каталожных информационно-поисковых языках, хотя оценка с точки зрения определенной идеологии долгое время была наиболее востребована. Такой подход позволяет взглянуть на реальный каталог как на средство документальной фиксации не только объективно-научного, но и конкретно-исторического.

Исследования показали, что существует два основных аспекта отражения культурно-исторического в информационно-поисковых языках, причем наиболее ярко они проявляются в информационно-поисковых языках, созданных на базе естественного языка — например, в языке предметных рубрик, лежащем в основе предметного каталога. Условно они были названы «объектным» и «оценивающим».

Первый аспект связан с культурогенностью наук социально-экономического цикла так как при отражении в каталоге литературы соответствующей тематики необходимо отражать и содержащиеся в них оценки, их идеологическую окраску. Это, естественно, требует применения соответствующих терминов при формулировке лексических единиц языка предметных рубрик, разработки синтаксиса сложной предметной рубрики, разработки соответствующей системы ссылок и связей.

Именно это аспект, как правило, интерпретируется как отражение идеологических характеристик в каталоге.

Второй «оценивающий» аспект генетически связан с первым. Традиционно идеологическая функция предметного каталога понималась именно как «оценка содержания документов с марксистских позиций». Практически это реализовалось в формулировке таких рубрик на литературу общественно-политической тематики, которые отражают социальную сущность явлений и идеологическую позицию авто-

ра, содержит критику идеологии, враждебной марксизму. Иными словами:

1) При предметизации литературы, написанной с так сказать принятых идеологических позиций, требуется отражение позиции автора (первый аспект).

2) При отражении в предметном каталоге литературы, написанной с точки зрения альтернативной идеологии, необходимы уже оценки авторской позиции (второй аспект).

3) Эти оценивающие функции берет на себя предметизатор.

Таким образом, в методике предметизации уже на уровне задач традиционно требуется раскрывать не только содержание документа, при необходимости с авторскими оценками, но в определенных случаях и генерировать свои собственные оценки содержания.

Иными словами, в традиционном представлении при индексации документов происходят следующие процессы: анализ индексируемого документа, выделение значимых для поиска «компонентов содержания», перевод выявленных «компонентов содержания» на информационно-поисковый язык по соответствующим правилам. Однако генерация собственных библиотечных оценок в некоторой степени противоречит этой схеме — ведь эти оценки базируются на внетекстовом содержании.

Осознание этого обстоятельства позволяет по-новому взглянуть на лингвистическое обеспечение реальных каталогов, что особенно актуально в связи с созданием системы локальных и национальных авторитетных файлов — авторитетного файла ББК и авторитетного файла предметных рубрик и перспективой создания электронных каталогов.

Дело в том, что до настоящего времени все требования к информационно-поисковому языку каталогов так или иначе локализовались в плоскости повышения их информативности, эффективности информационного поиска. С этой точки зрения, рабочие таблицы принятой в библиотеке системы классификации для систематического каталога или списки (картотеки) предметных рубрик и ссылочно-справочного аппарата имели, так сказать, второстепенное значение и были интересны лишь постольку, поскольку это требовалось в текущей работе по индексированию, ведению и редактированию каталогов.

Теперь же мы в праве рассматривать реальные каталоги библиотеки и их вспомогательный аппарат еще и как достаточно самостоятельный и «самоценный» источник, в котором фиксируются «собственно библиотечные» оценки. Причем, чем более долгий срок ведется каталог, тем больший интерес он представляет. Изучая внутри библиотечный файл предметных рубрик и сравнивая его с файлами других библиотек, мы можем производить сравнительный анализ динамики ценностных ориентаций библиотечарей.

Такой подход позволяет немного неожиданно взглянуть и на проблему редактирования каталога — то есть определенного изменения индексов и связей. С информационной точки зрения такой процесс совершенно необходим, однако с точки зрения культурологической это можно расценивать как утрату достаточно важной информации, которая может послужить ценным источником как для собственно библиотечных, так и для общенаучных исследований. Следовательно, необходимо говорить о «неуничтожимости» записей в авторитетных файлах, их исторической преемственности, а также о связи индекса до исправления и после исправления как о базовых принципах создания и функционирования электронного каталога.

ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ И ИНФОРМАЦИИ: МИССИЯ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ СТОЛЕТИИ

*Клим Ирина Леандровна — заведующая библиотекой Американского центра при Генеральном консульстве США в Санкт-Петербурге, канд. пед. наук
Майкл Ньюберт (Michael Neubert) — старший библиограф Европейского отдела Библиотеки Конгресса США (European Division, Library of Congress, USA)*

Поздно говорить о том, что общество вступает в век информации и что библиотекари должны перестроиться. Мы уже живем в этом обществе, где информация превратилась в один из главных инструментов развития не только научной и производственной, но также социальной, политической и культурной сфер жизни. Сформировалась целая отрасль по производству информационных продуктов и услуг, приносящая компаниям постоянно растущие доходы. Управление информацией в современном обществе требует новой организации соответствующей социальной инфраструктуры, а также обученных профессионалов. Последнее тесно связано с системой образования и, в особенности, с библиотечной школой¹, которая до сих пор являлась главным институтом, готовящим специалистов для работы с информацией.

Главное, что сильно пошатнуло прочные позиции библиотечных школ, связано отнюдь не с новыми технологиями. Для подготовки специалистов, умеющих выполнять традиционные операции не вручную, а с использованием компьютера, было бы достаточно перестроить и переоснастить традиционные курсы. Происходящие перемены, как нам кажется, обусловлены более глубокими явлениями в библиотечной сфере и за ее пределами. Печально, но факт — вступление общества в информационный век ознаменовалось кризисом школ, которые традиционно готовили информационных специалистов. Библиотека перестала быть единственным социальным институтом, предоставляющим доступ к документам и знаниям.

Развитие каналов коммуникаций сделало практически любое учреждение открытым источником нужных сведений для пользователей, а посещение библиотеки — не единственным условием для получения информации. Возможности приобретения баз данных на электронных носителях или покупка доступа к ним on-line, работа с библиотечными коллекциями в удаленном режиме, предложение информационных услуг ПОМИМО библиотек многими компаниями типа «Informantion, Please» невольно поколебали прежнюю монополию последних. Библиотека оказалась лицом к лицу с конкурирующими организациями, равно как и большинство библиотечных услуг нуждается в подтверждении своей конкурентоспособности.

Вероятно, прежде чем говорить о модернизации учебных программ необходимо начать с пересмотра миссии библиотечных школ, то есть с решения проблемы о

¹ Под термином «библиотечная школа» в данной статье подразумеваются все средние и высшие специальные учебные заведения, дающие диплом об образовании в области библиотековедения и/или информации.

том, каких специалистов и для каких учреждений школы должны готовить в новых условиях. Именно это даст нам четкое представление о направлениях изменений в учебных планах, разработке новых специализаций, наконец, о выборе соответствующего этой миссии названия для новой библиотечной школы.

Во времена перемен, как правило, усиливается интерес к зарубежному опыту. Авторы настоящей статьи задумали подготовить публикации для российских и американских журналов, знакомящие с состоянием дел в библиотечных школах обеих стран. При этом, исходя из изложенного выше, мы решили обратиться к анализу миссии библиотечных школ. Американской системе библиотечного образования посвящено, пожалуй, самое большое число публикаций в российской профессиональной печати. В последнее десятилетие, благодаря программам обмена, в США побывало много специалистов из России, получивших возможность познакомиться с американской системой образования практически и поделиться, по возвращении, собственными наблюдениями. Особенно подробно авторы рассматривают особенности организации образования, методов преподавания, содержания учебных планов, и особенно, тех курсов, которые отсутствуют в российских программах (1, 2, 3).

Вместе с тем, темп перемен, происходящих в американской библиотечной школе 90-х годов так высок, что отразить «сегодняшнюю» ситуацию становится очень сложно. Планы и набор курсов меняются ежегодно, следуя неумолимой логике преобразований самой практики. Изменения в учебных планах, названиях школ, их слияние и разделение — это лишь видимая часть процесса. Чтобы обнаружить причинно-следственные связи в трансформации американской библиотечной школы и решить, достоин ли использования ее опыт, было бы очень важно обратиться к анализу того, что является первопричиной, движущей силой перемен — миссии библиотечных школ.

С формулировки миссии начинается любая программа учебного заведения США, ею руководствуются при разработке содержания учебных планов, набора курсов и специализаций. В кратком изложении миссии сконцентрировано социальное назначение учебного заведения и планируемый результат его деятельности. Цели содержат основные направления, отражающие миссию, в то время как задачи показывают, какие конкретные шаги необходимы для достижения целей. И только потом миссия, цели и задачи претворяется в учебном плане. То есть план — это лишь «операционная система» (4), отражающая общую идею школы. Поскольку библиотечные школы США являются частью университетов, миссия согласовывается с целями и задачами самого университета. Это очень важное обстоятельство, которое учитывается в стратегическом планировании развития школ.

Миссия, таким образом, является фундаментом, отправной точкой для понимания тех существенных изменений, которые отмечены многими отечественными авторами при анализе опыта американских школ.

В после-советской России возникает тенденция к понижению интереса к формулировке «миссии» учебных заведений, отчасти потому что прежде она была связана с некой идеологической доктриной. Однако для создания цельной и логичной программы со всеми ее вариантами (специализациями) ясное представление о миссии является, пожалуй, критическим обстоятельством. Миссия важна не только для построения учебных планов. В дальнейшем она служит хорошим основанием для оценки результатов учебного заведения: позволяет ли существующая программа выполнять выбранную ею социальную задачу.

Принципы подхода к определению миссии и задач американской библиотечной школы были заложены такими известными библиотечными деятелями, как: Мелвил Дьюи, Джесс Шира, Мэри Райт Пламмер. Все они были согласны, что библиотечные школы должны готовить профессионалов библиотек любого типа, однако во взглядах на то, как добиться выполнения этой миссии, они существенно расходились. Мэлвил Дьюи, как известно, одержал победу со своим учебным планом, в котором акцент был сделан на практику, а не на теорию. Надо отметить, что в США существуют профессии, при подготовке к которым, напротив, акцент делается на теоретические основы, невзирая на практическую основу профессии. Это относится, например, к Американским юридическим школам.

В 20-е годы библиотечные школы перешли из библиотек в университеты, что привело к изменениям в характере и содержании библиотечного образования. Университетская миссия требовала подготовки не только практических работников, но людей, в равной мере владеющих знаниями теории и истории. Важный вклад в этом направлении был внесен Джессом Широй (5).

Поистине период своего расцвета пережила американская библиотечная школа в 50-60 годы нынешнего столетия. Открытие новых и активное развитие старых библиотек, увеличение числа рабочих мест, государственно закрепленные идеи равного и свободного доступа к информации и роли библиотекарей, как ее проводников, дополнили миссию библиотечных школ принципами лидерства профессии и привели к введению степени магистра. Несколько позже магистерская степень стала единственной для библиотечного специалиста.

Кризис американской библиотечной школы обозначился в конце 70-х годов. С конца 70-х годов до настоящего времени около 20 университетов США отказались от содержания в своей структуре библиотечных школ (6). Если вначале закрытие объяснялось слабым руководством, недостаточно высоким уровнем преподавательского состава (7), то есть чисто субъективными моментами, то когда Колумбийский университет и Университет в Чикаго закрыли две наиболее знаменитые школы, стало ясно, что библиотечное образование находится в ситуации серьезного кризиса.

До начала 90-х годов, следуя быстрому процессу компьютеризации библиотек, расширению сфер возможного трудоустройства своих выпускников, библиотечные школы пытались совершенствовать свои программы эволюционными методами. Вводились новые курсы: Информационный менеджмент, Records management, Информационный поиск в режиме диалога, Электронное книгоиздание, Библиотечные и информационные сети и другие. Вслед за быстро меняющейся технологией и компьютеризацией библиотечных систем, модернизировалось содержание соответствующих традиционных курсов. Пересматривался подход к набору обязательных курсов, усиливалась компьютерная подготовка, и многие школы предложили курс проектирования баз данных.

Была также сделана попытка расширить сферу подготовки специалистов, то есть пересмотреть свою социальную «нишу». Так, библиотечные школы включили такие специализации, как архивы, электронное книгоиздание, управление документальными базами данных (Records Management).

Реагируя на смещение акцентов с идеи обслуживания читателей на идею доступа к информации, маркетинга библиотеками своих услуг, а также возрастающую потребность в специалистах широкого информационного профиля, библиотечные школы начали менять свое название. В него входят в разных вариантах понятия информации и коммуникации. Но прежде была расширена формулировка миссии библиотечных школ, их целей и задач.

Для примера можно взять программу Иллинойского университета в Урбана-Шампейн. Библиотечная школа была переименована в Высшую школу библиотечной и информационной науки. Своей основной она определила подготовку новых профессионалов в области библиотечного дела и информации, способных успешно работать во всех типах библиотек, информационных центрах и родственных учреждениях (8).

В работах исследовательского характера, которые несомненно влияют на общую философию библиотечных школ ведется поиск того исходного базиса, на чем строится библиотечная практика, наука и образование. Фокус переходит от библиотек, как проводников информации, на информацию как таковую и процессы ее передачи. Библиотеки в общей системе рассматриваются как важный, но не единственный институт, обеспечивающий доступ к документам и тем более информации.

Формулируя новую миссию, Школа Библиотечной и Информационной науки Университета Индианы, также дополняет библиотечную деятельность информационной, не привязанной к конкретному социальному институту. Она видит свою образовательную задачу в привитии студентам понимания теоретических основ библиотечного дела и информационной науки, а также многоэлементной структуры более широкого информационного пространства. При этом делается упор на развитие критического мышления, способностей эффективного общения, применения теоретических положений на практике (9). Обращает на себя внимание то, что от обучения методом работы с библиографическими и информационными ресурсами школа переходит к обучению специалистов создавать информационные ресурсы: базы данных, автоматизированные системы.

Примерно в таком ключе происходят перемены, все еще эволюционные, в представлениях о своей миссии у большинства библиотечных школ США. Безусловно, это имеет важное значение и для их выживания, и для подготовки профессионалов, способных работать не только в библиотеках, но и в совершенно новых областях информационной сферы.

Однако, эти шаги не завершили преобразований. Усложнение программ в пределах 36 — максимум 42 кредитных часов², прежняя лидирующая библиотечная ориентация, делады достижение более широкой миссии и целей трудно достижимым делом. Кардинальных изменений требовал преподавательский состав, поскольку образование включало проблемы, выходящие за пределы традиционной области. В печати появлялось все больше публикаций, критикующих как неестественный альянс библиотечной и информационной науки в названии школ (10), так и ставящие под сомнение правомерность отнесения библиотечного дела к разряду наук. Блейз Кронин, декан Школы библиотечного дела и информации Университета Индианы, пишет в одной из своих статей, что «Библиотечная наука» или «Библиотечное дело» есть оксюморон (11). Кронин считает, что не может быть науки, привязанной к конкретному учреждению, или ограниченной определенными материалами. Автор цитирует Версига: «Маловероятно, чтобы особый вид организации составлял базовую основу для какой-либо научной или академической дисциплины. Так же, как не существует больничной науки или тюремной науки, наличие библиотечной науки является малоубедительным» (12).

² Один кредитный час (credit) равен 12 академическим часам. Стандартный курс в американских библиотечных школах дает три «кредита», то есть преподаётся в течение 36 академических часов.

Дискуссия не нова и для нас. Мы помним, как решался вопрос о соотношении библиотековедения и информатики в 60-70-е годы в нашей стране. Информатика, научная или социальная, была еще молодой формирующейся дисциплиной, которая брала информационный процесс шире, чем традиционное библиотековедение, однако явно уступала последнему в «опытности», поддержке соответствующими социальными институтами. Тогда этот альянс был закреплен следующей формулой — информатика и библиотековедение являются самостоятельными науками, имеющими смежные области. В учебных же программах библиотечных факультетов информатике отводилась только вспомогательная роль. Курс «Основы информатики» был только в конце вузовской программы, а курс «Введения в теорию ИПС» просуществовал недолго и был поглощен «Библиотечными каталогами».

За прошедшие 30 лет информатика проделала весьма успешный путь, дав целый ряд плодотворных идей и оформившись в науку вполне соответствующую академическим нормам. Она начинает признаваться как независимая область, но отнюдь не приемное дитя компьютеризации, подобно тому, как некогда компьютеризацию называли приемным ребенком математики. «По мере развития научного понимания информационной науки, многие области, существовавшие до нее, например, библиотековедение, будут приняты информационной наукой под единую теоретическую крышу» (13). Таким образом, успешное развитие информационной науки, быстро увеличивающийся спрос на специалистов, подготовленных иначе, чем это могла сделать библиотечная школа, привели к уже поистине революционным преобразованиям. Библиотековедение начинает уходить как нечто «частное» из названия бывших библиотечных школ, вытесняемое терминами и идеями информатики. Пионерами этого движения стали университеты Беркли (Калифорния) и Мичиганский.

Особенно показательна формулировка миссии Школой Информационного менеджмента и информационных систем Университета Беркли: «Школа направляет свое внимание на организацию, менеджмент и использование информации и информационных систем, учитывая взаимосвязь между информационной технологией, производителями и потребителями информации» (14). Для осуществления соответствующей программы подготовки специалистов, школа приглашает профессоров других специальностей университета. Содержание образования включает как технические аспекты, так и широкие социальные. Информация не будет привязана к каким-либо документам, а ее функционирование — к каким-либо конкретным учреждениям. Библиотека рассматривается как одно из них, но не главное, как это было раньше. Содержание образования, предлагаемого Школой информационных систем Беркли, явно не укладывается в пока еще существующие нормы аккредитации библиотечных школ. Администрация понимает это и открыто заявляет об этом. Выход за пределы профессиональной аккредитации библиотечных школ означает и выход из-под эгиды Американской Библиотечной Ассоциации (ALA). Напомним, что в отличие от ситуации в России, именно общественная профессиональная организация, каковой является ALA, определяет политику в области библиотечного образования и проводит аккредитацию существующих учебных программ.

Здесь нам хотелось бы отметить, что система аккредитации библиотечных школ и их программ в США осуществляется ALA, подобно тому, как в России такую нормативную деятельность проводит Министерство культуры. Требования ALA, записанные в соответствующем документе (15), являются рекомендующими и в целом дают достаточную свободу школам. Именно поэтому мы наблюдаем такое разнообразие программ и их эволюцию. Однако, Беркли явно вышел за пределы тех

представлений о миссии библиотечных школ, которые сформулированы в приведенном выше документе. Пока эта школа единственная. Таким образом, пересматривая свою миссию и перестраивая программы, которые соответствовали бы требованиям информационного, постиндустриального общества, библиотечные школы выбирают одно из трех решений:

1. Вводят программу подготовки информационных специалистов в свои учебные планы, отражая это как в названии школ, так и в названии присваиваемой степени.

2. Разделяют старую школу на две. Одна дает традиционное библиотечное образование, вторая — информационное.

3. Полностью отказываются от самостоятельного библиотечного образования, включая его как раздел в программу подготовки информационных специалистов широкого профиля.

Изменение миссии, усложнение целей и задач, вероятно, приведут к переменам и в уровнях университетской подготовки библиотечных и информационных кадров в США. Сегодня, как упоминали многие авторы в отечественной периодике, библиотечное образование в США осуществляется только на уровне магистра. Впрочем сегодня ли? Оно неумовимо переходит во «вчера». Два года назад магистерская система была аксиомой. Сегодня усложнение целей и задач, а также сфер деятельности выпускников, требуют предварительной подготовки на уровне бакалавра. И эта ступень уже практически введена в университете штата Флорида (16).

Мы предвидим, что многие места в нашем обзоре вызовут если не протест, то сожаление. Неужели библиотеке, месту, которому мы посвятили свою деятельность, приходит такой неожиданный конец? Нас словно поглощает мощный информационный водоворот, подчиняя библиотеки иным законам. Информационная индустрия незаметно сужает социальную нишу, отведенную для библиотек, что находит отражение в профессиональном образовании. Однако, многое остается неизменным. Какая наука или практическая область лучше, чем традиционное библиотечное образование, сможет развивать гуманистические идеи чтения, научного исследования, образования и духовного развития? Хватит ли на это глобальной информатики? У каждого найдется свой ответ и оригинальные аргументы. Они есть и у многих американских коллег — посмотрим хотя бы Пять новых законов библиотечной науки, сформулированных Майклом Горманом, опубликованных в первом номере нашего журнала (17). И все же, этот колокол звонит по нам.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Сукиасян Э.Р.** Библиотечное образование в США: В 3 ч. // Библиотечное образование и библиография за рубежом. 1994. Вып. 132-134.
2. **Васильева Е.А., Клим И.Л.** Библиотечное образование в США // Науч. и техн. б-ки. - 1995. - №5. - С. 35-44.
3. **Каптерев А.И.** Подход к непрерывному библиотечному образованию в СССР и США // Науч. и техн. б-ки. - 1991. - №6. - С. 24-29.
4. **Huber Jeffrey T.** Library and Information Science education for the 21st Century // Journal of Library Administration. The Future of Information Services. 1995. Vol. 20, # 3/4. P. 119-130.
5. **Shera J.H.** The Foundation of Education for Librarianship. New York, NY, 1972. 511 p.
6. **Ostler L.J., Danhil T.C., Willardson J.D.** The Closing of American Library Schools. Westport, CT; London, 1995. 132 p.
7. **Paris H.A.** Library School Closings: four case studies. Metuchen, NJ, 1988. 144 p.
8. **The Graduate School of Library and Information Science / University of Illinois at Urbana-Shampaign.** [Urbana-Shampaign, IL, 1993].

9. Цитируется по WWW странице школы: www.slis.lib.indiana.edu.General/smission.htm

10. **Budd J.M.** An Epistemological Foundation for Library and Information Science / *Library Quarterly*. 1995. Vol. 65, #3. P. 295-318.

11. **Cronin B.** Cutting the Gordian Knot: Opinion paper // *Information Processing and Management*. 1995. Vol. 31, #6. P. 897-902.

12. **Werseig G.** Information Science and Theory // *Conceptions of Library and Information Science: Historical, empirical and theoretical perspectives* / edited by P. Vakkari and B. Cronin. London, 1992. P. 201-217.

13. **Roberts M.** Core Curriculum, etc. : posted on Fri 24 Feb 95 // cristal-edigest@sil.s.umich.edu

14. Цитируется по WWW странице Беркли: [//info.berkeley.edu/program/proposal.htm](http://info.berkeley.edu/program/proposal.htm)

15. Standards for Accreditation of Master's Programs in Library and Information Studies / American Library Association. Chicago, IL, 1992. 29 p.

16. From the Schools // *The Southeastern Librarian*. 1995. Vol. 45, #2. P. 71-76.

17. **Горман М.** Пять новых законов библиотечной науки // *Петербургская библиотечная школа*. - 1996. - № 1. С. 44-48.

19 сентября 1996 года в Санкт-Петербурге произошло событие, к сожалению, оставшееся без должного внимания.

А событие отнюдь не тривиальное, можно даже с пафосом сказать «эпохальное». В этот день библиотека Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета начала выдачу книг читателям путем считывания штриховых кодов сканерами в электронные формуляры, полностью отказавшись от традиционных. Это не просто первая библиотека в нашем городе, это вообще первая Российская библиотека (я не считаю библиотеки при консульствах или зарубежных культурных центрах), поднявшаяся на такую высоту в деле внедрения новых информационных технологий. А это действительно высота и высота недоступная для подавляющего большинства библиотек. Конечно, уже сам вид нового пластикового читательского билета оставляет сильное впечатление, но всем, кто хоть сколько-нибудь пытался внедрять новые информационные технологии в библиотеке понятно, что выдача книг — это видимая часть айсберга. Все же остальное — вся подготовительная работа по подготовке фонда, обучению, рекаталогизации и т.д. и т.п. — вся эта громадная «черновая» работа остается за кадром.

Данное событие особенно впечатляет, если знаешь, что еще год назад библиотека не имела понятия ни о машинной каталогизации, ни о компьютерной сети, ни о многом другом. Мне кажется, что накопленный опыт юридической библиотеки со всеми победами, откровениями и даже ошибками может быть очень полезен всем, кто ставит перед собой задачу интегрироваться в мировое информационное пространство.

Вся работа по проектированию и установке библиотечной сети, программированию, обучению, рекаталогизации и консультированию выполняется нашей фирмой БКС. Однако, чтобы не навязывать читателям свое видение происходящего, я попросил рассказать историю процесса Татьяну Анатольевну Лигун — заместителя директора Научной библиотеки им. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, которая все это время дополнительно к своей основной работе исполняла обязанности директора библиотеки Юридического факультета.

ИСТОРИЯ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ОДНОЙ БИБЛИОТЕКИ

*Татьяна Анатольевна Лигун — заместитель
директора Научной библиотеки им. Горького Санкт-
Петербургского государственного университета*

Библиотека юридического факультета СПбГУ. Еще год назад это была традиционная библиотека, с фондом, насчитывающим около 400000 единиц хранения, со штатом 12 человек (большинство из которых было занято только обслуживанием читателей); с десятилетиями неизменяемым технологическим циклом; с обычными каталогами и минимальным справочно-библиографическим обслуживанием.

Сегодня, и читателям, и коллегам — библиотекарям предлагается знакомство совсем с другой библиотекой. Создана и действует первая в России компьютеризированная библиотека по праву, где каждый процесс — будь то комплектование, обработка или выдача книг осуществляется на основе новых информационных технологий.

Что же позволило осуществить такое превращение и в такие сжатые сроки? На наш взгляд этому способствовали следующие факторы:

1. Огромное желание юридического факультета иметь библиотеку, отвечающую самым современным требованиям, и необходимых средств для создания такой библиотеки.
2. Наличие программного обеспечения, способного на высоком профессиональном уровне реализовать поставленные задачи.
3. Психологический настрой коллектива библиотеки: способность принять, понять и освоить изменения в количестве и качестве труда, которые несет компьютеризация.
4. Способность администрации библиотеки принимать управленческие и методические решения, помогающие рационально использовать трудовые и материальные ресурсы.

Огромное значение имел и тот факт, что с самого начала работы сложился коллектив единомышленников, с общим для всех пониманием результатов той работы, которую предстоит проделать, сложился коллектив, не испугавшийся тяжелого труда, без оглядки на время. Необходимо сразу же отметить, что без напряженной физической и умственной работы сотрудников библиотеки, без постоянного контроля и немедленной помощи любого рода руководства факультета, без умного, профессионального методического руководства и практической помощи сотрудников Информационно-библиографического центра «БКС» никакие достижения были бы невозможны. В сентябре 1995 года была принята концепция компьютеризации библиотеки факультета, которая определила цели и задачи будущей работы. Основная идея — комплексный подход к компьютеризации, когда библиотека рассматривается как единое целое предприятие, с присущими ему технологическими процессами, обеспечивающими переработку информации. Были выделены следующие группы технологических процессов, которые необходимо компьютеризировать:

1. Процессы, связанные с комплектованием библиотеки.
2. Процессы обработки поступивших материалов и создание справочного аппарата по ним.
3. Процессы, связанные с обеспечением пользователей материалами, имеющимися в фондах и информацией о них.

4. Процессы, связанные с книговыдачей.
5. Процессы, связанные с информационно-библиографической работой.

Тогда же был составлен поэтапный план работ по компьютеризации. На первом этапе, как первоочередные задачи предполагалось решить проблемы технического и программного обеспечения; подготовить методические документы, организующие технологические процессы, осуществляемые в процессе подготовки к компьютеризации; подготовить книжный фонд к присвоению штрих-кода и рекаталогизации; провести обучение сотрудников.

Реализация первого этапа началась в декабре 1995 года. Было закуплено необходимое оборудование для создания локальной библиотечной компьютерной сети и осуществления комплекса работ по штрих-кодированию. Факультетом было приобретено:

для создания локальной библиотечной компьютерной сети:

- сетевая операционная система Novell NetWare 4.1 на 50 пользователей;
- сервер Acer Pentium 100 с источником бесперебойного питания TrippLite Smart 400;
- 24 рабочие станции Packard Bell 450 с сетевыми картами 3COM 509;
- 12 портовый коммутатор LinkSwitch 1000 фирмы 3COM и хабы LinkBuilder 3C16170-ME на 12 и 3C16180 на 8 портов соответственно, позволяющие разбивать всю библиотечную сеть на сегменты (рабочие группы);
- лазерный принтер HP LaserJet 5p с комплектом Jet Direct, установленный в качестве сетевого (позволяющего осуществлять печать на нем с любого компьютера библиотеки);
- сетевой библиотечный пакет "Joker" фирмы БКС, включающий: электронный каталог, автоматизированный тезаурус, методический комплект USMARC, электронную КСУ, АРМ книговыдачи, каталог книгообеспеченности, каталог сериалов с подпиской;
- текстовый процессор Word 6.0 для Windows;
- электронные таблицы Quattro Pro 5.0 для Windows;

Все соединения выполнены на витой паре 5 категории, позволяющей осуществлять работу как на обычном сетевом стандарте Ethernet (10 Mb/c), так и использовать современные решения Fast Ethernet 100 Mb/c. Дополнительно потребовалось и было выполнено техническое переоснащение электрической оснастки библиотеки.

Для осуществления комплекса работ по штрих-кодированию:

- термотрансферный принтер ASi Fargo Allegro;
- 8 сканнеров фирмы Welch Allyn;
- считыватель, память 320К;
- батарея с устройством зарядки/перезаписи;
- кабель PC DOS DB9;
- коммуникационное программное обеспечение;
- 122 рулона пластиковых этикеток 2,5*5см по 5300 этикеток в рулоне;
- 30 рулонов термокопировальной ленты (длина рулона 360 м).

В плане создания методических документов первоочередной задачей на 1 этапе являлось регулирование процессов реорганизации фондов библиотеки, их подготовки к рекаталогизации. Был создан новый макет расстановки фонда, в котором литература сгруппирована по видовому принципу, а внутри вида по тематическому. От того, насколько правильно структурирован библиотечный фонд, за-

висит успех работы с ним, ибо рациональная структура существенно облегчает технологию формирования фондов, а хорошо организованный фонд — в свою очередь обеспечивает эффективную деятельность всей библиотеки.

В настоящее время фонд разделен на 11 больших отделов, а внутри этих отделов, в зависимости от тематики еще на 5-10 небольших разделов. В связи с тем, что фонды библиотеки юридического факультета уже давно не проверялись на сохранность, в процесс подготовки к рекаталогизации было решено включить и работу по сверке каждого издания с инвентарными книгами. Была составлена технологическая инструкция «Подготовка фонда к рекаталогизации», в которой последовательно и полно перечислены все операции, осуществляемые при работе с каждым изданием с того момента, когда книга снята с полки и до того момента, когда она передается в руки рекаталогизатора. Тогда же были разработаны «Временные правила пользования библиотекой юридического факультета», в которых был закреплён порядок выдачи книг из фондов библиотеки в период рекаталогизации.

Подготовка к компьютеризации в библиотеке, реорганизация фонда, приобретение техники, изучение нормативных и методических материалов, в какой-то степени, морально подготовили сотрудников к тем новшествам, которые появятся в их работе. Но переломным моментом, в корне изменившим психологию работников, стали занятия, которые проводились со всеми сотрудниками библиотеки. Курс обучения, рассчитанный на 56 часов, включал: вводный курс для ПК (8 часов); базовый курс библиотекаря (24 часа); курс для администратора (24 часа). И В.Ю. Григорьев, директор центра «БКС», проводивший эти занятия, и администрация библиотеки хотели, чтобы библиотекари не просто освоили компьютер, а по-настоящему осознали необходимость применения новых технологий, почувствовали их взаимосвязь, увидели картину компьютеризации в целом. Чтобы освоить компьютер, библиотекарям, имеющим в основном гуманитарное образование, пришлось преодолеть определенный психологический барьер. Раньше библиотекарь трудился в двух режимах: «человек-предмет» (библиотекарь — книга, библиотекарь — каталожные карточки и др.) и «человек-человек» (библиотекарь-читатель), и, как правило, это был какой-то один режим. Теперь же все работающие в библиотеке сотрудники оказались вынуждены осваивать еще один режим — «человек-машина», где необходимы навыки обращения со сложной вычислительной техникой, тогда как даже пишущей машинкой владели далеко не все. На первых порах недоверчиво относились и к возможностям ЭВМ по сохранению информации, негативное отношение вызывало и увеличение трудозатрат (часто только кажущееся). Но с появлением знаний исчезли сомнения, появлялась убежденность в пользе компьютера и потребность в нем. Занятия позволили выявить тех сотрудников, которые в дальнейшем стали администраторами системы, именно они выполняют наиболее сложные виды работ, связанные с компьютером. К тому же обучение всех сотрудников всем видам операций, в настоящее время позволяет библиотеке избегать простоя в работе, если по каким-то причинам отсутствует работник, отвечающий за отдельный участок работы, или если есть необходимость в срочном выполнении работы и требуется привлечь дополнительную рабочую силу для ее выполнения. Но произошел и обратный процесс: уже во время обучения стало ясно, кто из работников не сможет успешно работать с компьютером, и при дальнейшей организации работы этот момент обязательно приходится учитывать, принимая порой очень жесткие административные решения.

Особое значение для дальнейшей организации работы приобрело решение о полной рекаталогизации книжного фонда. Стало ясно, что своими силами выпол-

нить эту очень трудоемкую операцию библиотека не может, поэтому для выполнения работ по рекаталогизации был заключен договор с центром БКС. Такое решение, как показала дальнейшая работа, было очень удачным, так как рекаталогизацию осуществляют настоящие специалисты, имеющие большой опыт практической работы в области машиночитаемой каталогизации, и работники библиотеки юридического факультета, у которых этот опыт невелик, получили возможность прямо на рабочем месте обсудить наиболее сложные случаи описания, принять то или иное методическое решение. Да и создаваемые специалистами БКС описания уже определили уровень, на который равняются сотрудники библиотеки. Одновременно с вводом библиографической информации сотрудниками БКС в записи базы данных вводится с помощью сканера штрих-код, нанесенный на каждый экземпляр книги. Штриховой код длиной 8 символов, состоит из буквы латинского алфавита (например S-книги, P-периодика, H-небалансовая литература и т.д.) и последовательного, индивидуального для каждого экземпляра номера. Таким образом, книги, полученные библиотекой до 1996 года, имеют как бы два инвентарных номера: старый, традиционный, записанный в традиционной инвентарной книге и новый — штрих-кодовый, с помощью которого осуществляется электронная книговыдача. Программными средствами решена задача взаимосвязи между старым и новым инвентарным номером: в записи есть и тот и другой номера, но при книговыдаче компьютер различает только штрих-код.

Для того, чтобы процесс рекаталогизации проходил как можно быстрее, было необходимо наладить процесс предмашинной обработки, чтобы каждое издание получило свой индекс ББК, набор дескрипторов, то есть каждому изданию должна быть присвоена полная классификационная формула. Для этого, еще до начала работы по созданию электронного каталога и картотек, был принят комплекс методических решений, связанных с лингвистическим обеспечением. Поскольку программными средствами был решен вопрос о тезаурусе, о различных типах словарей, которые можно подключить к клубому из поисковых полей, задача библиотеки значительно облегчалась с точки зрения практической работы, но существовал ряд проблем, характерных для многих библиотек. Дело в том, что если процесс систематизации и создания АПУ для каталогизаторов библиотеки юридического факультета не нов, то процесс индексирования и создания дескрипторного информационно-поискового языка до этого был неизвестен вообще. Осваивая этот вид работы, мы на себе почувствовали слабость терминосистемы гуманитарных наук, отсутствие хороших методических документов по этому вопросу, учебных пособий и т.д. Библиотека самостоятельно решала вопрос о лексике и грамматике своего дескрипторного языка, принимала самостоятельные методические решения, допуская при этом ошибки, на исправление которых ушло много времени и труда. В результате была создана основа отраслевого тезауруса, объемом около 1000 дескрипторов и ключевых слов, куда внесены базовые понятия по праву, философии, политике, истории и т.д. Работа, связанная с редактированием и пополнением тезауруса теперь ведется в библиотеке постоянно и является одной из самых сложных и трудоемких.

Больших усилий потребовала и работа по созданию рабочих таблиц ББК для библиотеки юридического факультета. После консультаций с работниками РНБ, с сотрудниками юридического факультета, на основе таблиц ББК для научных библиотек и всех имеющихся изменений и дополнений к ним, рабочие таблицы были созданы и сейчас используются в работе. В настоящее время создается электронный вариант рабочих таблиц. Также в качестве информационно-поискового языка

библиотека юридического факультета использует «Общеправовой классификатор отраслей законодательства».

Компьютеризация всех видов работ, выполняемых библиотекой юридического факультета, потребовала изменений таких процессов, как путь книги, путь библиографической справки, путь читательского требования и др. Сейчас библиотека работает над созданием методических документов, регламентирующих эти процессы. Для традиционных библиотечных операций уже давно существуют оправдавшие себя на практике местные и установленные центром нормы и стандарты, но для операций выполняемых на компьютере, и появившихся вновь, в связи с компьютеризацией они подходят далеко не всегда. Так например, традиционная норма времени на составление одной библиографической записи составляет 3,24 минут, но при составлении машиночитаемой библиографической записи она может составлять, как показала практика, и 10 и 20 минут и более. Для того, чтобы правильно и точно рассчитать необходимую штатную численность, расход рабочего времени в новых условиях работы, в библиотеке юридического факультета сейчас составляется перечень выполняемых работ, определяются объемы выполняемых процессов и операций. При этом учитывается число новых поступлений, система каталогов, изменения в содержании и характере выполняемых собственно библиотечных технологий и т.д. Результатом такой работы на сегодняшний день стало введение в штат такой, например, нетрадиционной для этой библиотеки должности как кодификатор.

Первый этап компьютеризации был завершен в мае 1996 года и тогда же библиотека приступила к реализации второго этапа, включающего практическое освоение таких процессов, как организация ввода всех новых поступлений в библиотеку, аналитическая роспись статей по приоритетным направлениям, ведение электронного каталога читателей, ведение приема-выдачи книг в автоматизированном режиме, организация справочно-информационного обслуживания читателей и т.д. В настоящее время в библиотеке юридического факультета имеются следующие программные комплексы: комплектование; учет; подписка; научная обработка; библиограф; обслуживание читателей; администратор. В электронном варианте существуют: инвентарная книга, книга суммарного учета, каталог книг (на 01.03.97 — более 27000 записей), каталог статей (на 01.03.97 — около 5500 записей), каталог читателей (на 01.03.97 — около 3500 записей), каталог сериалов (картотека периодических изданий, заказанных библиотекой), каталог учебных дисциплин (картотека книгообеспеченности — 110 записей).

Библиотека юридического факультета является отраслевым отделом Научной библиотеки им. Горького СПбГУ. Но комплектование и научную обработку всех вновь поступающих изданий библиотека осуществляет самостоятельно. В год библиотека получает до 1000 названий книг, около 100 названий периодических и продолжающихся изданий. АРМ комплектователя полностью реализует свои функции. Индивидуальный и суммарный учет поступающей литературы ведется в машиночитаемой форме. Электронные инвентарные книги имеют юридическую силу, программное обеспечение позволяет получить качественные печатные формы, и библиотека имеет инвентарные книги в двух вариантах: машиночитаемом и печатном.

Для создания записи в книге суммарного учета комплектователь заполняет ряд полей: номер ISBN, автор, заглавие, место издания, издательство, год издания, место приобретения, цена, и др. Тогда же на каждый экземпляр наносится штриховый код, который с помощью сканера вводится в запись. После заполнения необхо-

димых полей создается запись в электронной книге суммарного учета и инвентарной книге. На комплектовщика также возложены функции комплектования и учета периодических изданий. Именно им создается электронная картотека периодических изданий, заказанных библиотекой (электронный каталог сериалов). Каждая запись в таком каталоге содержит информацию об одном издании и включает сведения о месте хранения, количестве экземпляров, номерах уже поступивших изданий и др. При подписке на следующий срок (как правило, на полугодие) вносятся только коррективы в уже имеющиеся записи, что значительно сокращает время.

Необходимо отметить, что записи комплектовщиком создаются в общем каталоге. Мы сознательно отказались от системы рабочих и читательских каталогов. Информация о книге поступает к читателю сразу же, а вид записи на экране монитора, количество заполненных полей говорит о том, на каком этапе обработки находится издание. Такая система заставляет библиотекаря оперативно обрабатывать наиболее спрашиваемые издания, а читателю предоставляет полную и оперативную информацию о новых поступлениях.

АРМ научной обработки занимается формированием электронного каталога. В библиотеке юридического факультета создается ЭК, вобравший в себя большинство достоинств всех типов каталогов: он общедоступен, то есть работает в реальном режиме времени; выполняет библиографические задачи; осуществляет глубокий, по множеству признаков тематический поиск. В процессе формирования ЭК документ проходит два этапа обработки: предметный и машинный. На первом осуществляется ручная научная обработка: изучение книги, систематизация, индексирование. Но ручной теперь эту обработку можно назвать только условно, поскольку тезаурус машиночитаемый, таблицы ББК тоже, и каталогизатор систематизацию и индексирование осуществляет с помощью программы, вне ее только принимая решение, используя при этом созданную в библиотеке методику индексирования. Каталогизатор сам составляет полное библиографическое описание, дополняя сделанную комплектовщиком запись и заполняя пустые поля формата. В процессе обработки литературы идет проверка на дублетность и приписка дублетов в ЭК. Создавая машиночитаемую библиографическую запись, каталогизатор постоянно ориентируется не только на правила заполнения полей, но и на максимальные возможности в поиске, учитывая сложившуюся тематику запросов, интересы различных категорий читателей библиотеки и многое другое. Научная обработка — наиболее трудоемкий и сложный процесс, поэтому занимается ею сотрудник высокой квалификации, с большим опытом работы.

По своим функциям АРМ библиографа похож на АРМ научной обработки, с той разницей, что занимается библиограф научной обработкой периодических и продолжающихся изданий. Объем работы на этом месте даже больше, чем у каталогизатора, хотя при составлении описания библиограф заполняет, как правило, меньшее количество полей.

Библиотека «заморозила» свои традиционные каталоги и картотеки, так как достаточное количество пользовательских (читательских) компьютеров (сейчас их в библиотеке девять) позволяет осуществлять поиск вновь поступившей литературы и рекаталогизированной литературы по ЭК. Благодаря тому, что рекаталогизация в библиотеке осуществляется с помощью сторонних работников, электронный каталог быстро растет (около 3000 названий в месяц).

Использование ЭК читателями пока проходит под контролем библиотекаря. Уже сейчас в программу библиотечно-библиографических занятий со студентами факультета включено обучение различным видам поиска в ЭК. Занятия проводятся

на базе библиотеки, в дальнейшем планируется использовать компьютерный класс юридического факультета. Результат поиска литературы в электронных каталогах библиотеки юридического факультета может быть зафиксирован в виде списка литературы, который читатель может распечатать на сетевом лазерном принтере, либо в виде тестового файла его можно переписать на свою дискету, но уже только с санкции сотрудника библиотеки и с его помощью. Программными средствами реализована защита баз данных от несанкционированного входа. На экран монитора для удобства читателей и сотрудников библиотеки кроме библиографического описания выведена дополнительная информация: количество экземпляров данного издания, которое выдано читателям и количество свободных экземпляров. Информация меняется сразу же, как только книга выдается читателю или принимается от него.

В библиотеке юридического факультета введено положение об обязательном экземпляре: издания, имеющиеся в библиотеке в двух и менее экземплярах, выдаются только в читальный зал. Программа фиксирует каждую книговыдачу, и как только остается 2 экземпляра, на мониторе появляется текстовая информация о том, что оставшиеся экземпляры выдаются только в читальный зал. Таким образом, уже на стадии отбора литературы читателем, в библиотеке разводятся читательские потоки и экономится время читателя, который не будет напрасно ждать выполнения своей заявки на абонементе, для того чтобы потом заказать это же издание в читальном зале.

С сентября 1996 года библиотека юридического факультета приступила к автоматизированной книговыдаче. Для этого в течение 3 месяцев в электронный каталог был введен весь учебный фонд библиотеки, предварительно соответствующим образом обработанный (проставлен новый полочный индекс, наклеены этикетки со штрих-кодами и т.д.). Очень трудоемким оказался процесс считывания штрихового кода с помощью сканера, поскольку учебная литература имеет большую экзemplярность (от 100 до 1000 экземпляров), но без этого книговыдачу начинать было нельзя. Процесс электронной книговыдачи сейчас, на начальном этапе этой работы разделен на две операции: запись в электронный каталог читателей и непосредственно книговыдачу. В дальнейшем, когда электронный каталог читателей будет сформирован, эта операция будет выполняться эпизодически, только для вновь появившихся читателей. В электронном читательском формуляре кроме привычных по традиционным формулярам сведений, с помощью программного обеспечения, отражаются такие сведения, как должник ли данный читатель или нет, нарушались ли им правила пользования библиотекой, не лишен ли данный читатель права пользования библиотекой. Вся эта информация в виде текста выводится на экран монитора в электронном читательском формуляре. Непосредственно книговыдача осуществляется путем считывания штрих-кода с книги в электронный читательский формуляр с помощью сканера, при этом осуществляется проверка существования книги с данным штрих-кодом в электронном каталоге книг. Необходимо отметить, что такая взаимосвязь, когда из каталога книги можно просмотреть каталог читателей, а из каталога читателей просмотреть каталог книг очень удобна и делает работу библиотекаря более комфортной. Наблюдение за процессом компьютеризированной книговыдачи для определения нормы времени на этот вид работы показало, что при определенных навыках норма остается 20 читателей/час. Но при этом исключаются такие виды работ, как ведение индикатора, выявление должников, подведение статистики и т.д. Все это делается с помощью компьютера и очень быстро.

Особое место занимает электронный каталог «Дисциплины», состоящий из

отдельных описаний всех кафедр, имеющих на юридическом факультете и всех дисциплин, которые читаются на этом факультете. Выходные формы, имеющиеся в каталоге «Дисциплины» позволяют очень быстро получить сведения об обеспеченности групп учебной литературой, об обеспеченности дисциплин, статистике по специальностям, об обеспеченности специальностей. Этот каталог связан с каталогом книги, в котором каждому учебному изданию присваивается свой код, и этот же код проставляется в каталоге «Дисциплины» в описании той дисциплины, которой соответствует данное учебное пособие. Программа сама производит все расчеты, выдавая в виде выходных форм их результат. Организованный таким образом каталог «Дисциплины» позволяет быстро и с меньшими трудовыми затратами вносить необходимые изменения в него, так как при этом не приходится работать с каталогом книги, как в картотеках книгообеспеченности с другими программными решениями.

Конечно, освоение новых технологий проходит совсем не так гладко, как хотелось бы администрации библиотеки и руководству факультета. Были и ошибки, исправление которых потребовало трудов и времени, и конфликты внутри коллектива, связанные с распределением новых обязанностей и т.д. Библиотеку ждет большая работа по разработке новых должностных инструкций, технологических документов. Необходима тщательная проработка каждой операции, для того чтобы наиболее рационально и полно использовать те преимущества, которые дает компьютеризация. Но уже сейчас ясно и по реакции читателей, и по реакции библиотекарей, что те изменения, которые привнесла автоматизация в жизнь библиотеки, своевременны и необходимы.

От ведущего

В дополнение к сказанному Татьяной Анатольевной я хотел бы очень коротко остановиться на одном моменте, вроде бы не имеющем прямого отношения к компьютеризации собственно библиотеки. А именно: пользовательские (читательские) компьютеры используются более широко, чем просто терминалы для поиска в электронных каталогах. Каждое рабочее место имеет интерфейс для доступа в правовые базы данных (на факультете постоянно обновляются пять таких баз: Кодекс, Консультант Плюс, Гарант, Юсис и Юрисконсульт) и пакет Microsoft Office, включающий текстовый процессор Word. Такая настройка читательских компьютеров — сейчас их 9 — позволяет студентам и сотрудникам дополнительно решать в помещении библиотеки целый комплекс своих проблем, например: компьютерный набор курсовых или дипломных работ или бесплатный доступ к самой последней нормативной информации. Такое решение, конечно, требует определенных дополнительных затрат, зато позволяет сделать существенный шаг на пути превращения библиотеки в современный информационно-библиографический центр.

Гостями секции переводов этого выпуска журнала стали Петер Водосек, ректор Высшей школы информации и библиотечного дела Штутгарта (Германия) и Алистер Блэк, профессор Университета в Лидсе (Великобритания). Оба автора, на счету которых большое количество книг и научных статей по истории библиотечного дела, хорошо известны во всем мире как оригинальные мыслители, основатели научных исторических школ и обществ. Мы благодарны авторам за то, что они позволили нашему журналу сделать и опубликовать впервые в России переводы своих статей.

Наблюдая за современными исследованиями в области библиотечного дела, приходится согласиться с выводами Петера Водосека и Алистера Блэка о том, что исторические исследования, равно как и соответствующие учебные курсы в университетах, постепенно вытесняются новыми дисциплинами и курсами узкой профессиональной направленности. Увлеченные компьютерными технологиями, электронными средствами коммуникации и доступа к информации, мы строим планы на будущее, слабо опираясь на многовековую историю библиотеки, как уникального социального института. Не потеряем ли мы в связи с этим свою главную социальную миссию... Прекрасным стимулом для подобных раздумий будут публикуемые ниже статьи.

Ирина Леандровна Клим,
канд. пед. наук.,
ведущая рубрики «Наши переводы»

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ПРОШЛОГО?

История библиотек сегодня

Петер Водосек — ректор и профессор Высшей школы информатики и библиотечного дела в Штутгарте, Германия. Один из ведущих немецких библиотечных историков, автор большого числа работ по истории библиотек, среди которых особое место занимает монография по истории публичных библиотек Германии. Является основателем и постоянным руководителем Вольфенбюттельского рабочего кружка по истории библиотек. Дважды бывал в России — принимал активное участие в сессии ИФЛА в Москве в 1991 г. и в работе конференции по истории библиотек России в Петербурге в 1996 г., на которой выступил с докладом.

1. Высшая школа библиотечного дела в Штутгарте как центр изучения истории библиотек

Мнение о том, что изучение проблем истории библиотек это занятие, подходящее лишь для заполнения досуга библиотекарей-дилетантов, опровергнуть непросто. О систематическом изучении истории библиотек как научной дисциплины пока еще можно говорить только условно. На некоторых библиотекведческих и книговедческих кафедрах учебных заведений ФРГ этой дисциплине отводится лишь второстепенная роль. И если кто-то занят поисками высшего учебного заведения, в котором изучение этой дисциплины ведется по основным ее направлениям и где ее изучение считается необходимым для получения высшего библиотечного образования, то эти поиски приведут к решению остановиться только на Высшей школе библиотечного дела и информатики в Штутгарте. Следует отметить, что первые попытки обеспечить возможность изучения истории библиотек были предприняты здесь в 1968 г., а с 1974 г. удалось обеспечить эту возможность в полном объеме. Теперь, как в соответствии с законодательно установленными функциями библиотечной школы, так и в соответствии с регулируемым законодательством условиями работы разрешается уделять внимание изучению этой дисциплины, которая лишь на первый взгляд кажется неактуальной. При этом

учитывается, что только во взаимосвязи учебы с исследовательской работой гарантировано достижение прогресса в развитии какой-либо отрасли науки.

2. Первые инициативы.

Именно отсюда (из *Штутгарта* — прим. перев.) исходят инициативы, которые нашли свое отражение во внушительном количестве публикаций работ, авторами которых были как профессора, так и студенты.

Сейчас уже не может складываться впечатление, будто достижение наибольших успехов в изучении какой-либо дисциплины обусловлено лишь тем, что изучается сама теория той или иной науки. Время от времени полезно остановиться, сделать паузу в работе, спросив себя: «Откуда мы пришли? Что мы собой представляем? Куда мы идем?».

3. Место истории библиотек как дисциплины

Определение места истории библиотек как научной дисциплины отнюдь не легкая задача. Самое простое решение этого вопроса, а именно, ее утверждение как самостоятельной науки, исключено по причинам вполне понятным. Те, кто стремится проследить, какие источники питают эту науку, неизбежно приходят к истории в целом, к разделу культуры, а также к литературоведению, включающему в себя раздел истории культурного наследия. При этом выясняется, что особое место занимает история античных библиотек, которую в основном изучает классическая филология и наука о древнем мире и античности. Особое положение занимает также история средневековых библиотек, ибо последняя является главным предметом изучения медиэвистики, которая, со своей стороны, представляет собой некий конгломерат исторических и филологических разделов.

Библиотековедение претендует на изучение истории библиотек с не меньшим на то правом, причем связанные с этим теоретические проблемы можно было бы вообще вынести за скобки. Согласно более ранней, разработанной еще в XIX веке концепции библиотековедения, именно история библиотек занимала в нем господствующее место, что и отражено во втором издании «Справочника по библиотековедению». История библиотек занимает примерно половину объема этого издания, состоящего из нескольких томов (1). Правда, у сторонников этой концепции были свои трудности, поскольку в ней не до конца прояснена взаимосвязь истории библиотек с историей письменности, и соответственно, с книговедением.

Арним Грезель понимал историю библиотек как самостоятельную дисциплину библиотековедческого цикла, для которой он, между прочим, разработал в высшей степени странную систематику истории письменной культуры и книжного дела. Историю письменности и книжное дело он отделил от библиотековедения и перенес их в область вспомогательных наук о библиотеке (2).

Карл Дзятцко, для которого в Геттингенском университете была учреждена кафедра «вспомогательных наук о библиотеке», напротив, задавал довольно-таки пикантный вопрос риторического характера. Он поставил этот вопрос в предисловии к изданным им «Трудам по изучению истории письменности, книжного и библиотечного дела», входившим в его «Собрание библиотековедческих работ»: «**Нужно ли** отделять учение о письменности и книжное дело от библиотечного дела, **что** соответствует мнению коллеги, г-на А. Грезеля? Но как же тогда можно **квалифицированно** описывать рукописи и инкунабулы, имеющиеся в библиотеке, если правила их описания даже не предусматривают выявления пустых слов?» (3).

Австрийский библиотеквед Фердинанд Эйхлер, который сегодня **весьма мало** известен, также оказался не в состоянии следовать подходу, предложенному **Грезе-**

лем, и не в последнюю очередь потому, что Эйхлер пытался увидеть библиотеки в несколько более расширенном контексте. Под библиотековедением как наукой он понимал «изучение литературных памятников с точки зрения их вида и предпосылок их возникновения, их распространения и использования». Библиотеки для него были «исходным пунктом ... всех наших познаний, но, с другой стороны, и конечным пунктом, к которому направлены устремления при использовании познаний». Вследствие этого, библиотековедение в его понимании включало в себя как историю письменности, историю книгопечатания, книжной торговли и даже историю университетов, так и историю библиотек, их организацию и управление библиотеками (4).

Несомненно, появление «Справочника по библиотековедению» свидетельствовало о том, что библиотековедение, как историческая наука, достигло вершины. Никакого исторического описания в чистом виде вообще не существует, как считает, по моему мнению, слишком далеко зашедшая критика, а есть некое гипертрофирование, сложившееся в результате разрастания антикварно-музейных и филологических представлений о культуре, слишком тесного переплетения с исторически вспомогательными науками вместо переплетения с историей самого предмета.

Те, кто знакомы с диалектикой Гегеля, не удивляются тому, что в результате предпринятых в конце 60-х гг. усилий для определения понятия нового, «современного» библиотековедения, история библиотек полностью исчезла из поля зрения теоретиков, точнее, сознательно была исключена из него. Правда, в сборнике трудов Кельнского коллоквиума по библиотековедению весьма любезно отмечается, что в дальнейшем история библиотек сможет иметь законное право на существование в качестве науки. «Однако, в будущем история библиотек и история книги, которым чаще всего отводится роль предиката научности, не будет занимать в библиотековедении центральное место» (5).

Конечно, очень скоро пришлось осознать, что библиотековедение, сориентированное только на экономические и социологические аспекты, также не соответствовало истине, то есть я хочу подчеркнуть, что его развитие пошло в нежелательном, технократическом направлении.

Очень скоро многие стали полагать, что в этом проявились современные позитивистские течения (6). Что же было следствием этого? «Принесли назад, через черный ход, ребенка, которого выплеснули вместе с водой», — такова классическая формулировка сложившегося положения, высказанная одним из участников моего семинара. Сейчас уже больше не оспаривается, что история библиотек может быть частью библиотековедения, хотя и не доминирующей.

Поскольку нельзя отрицать тот факт, что библиотеки — пока что — должны иметь дело с книгами, следовало бы сделать вывод, что взаимосвязь между библиотековедением и книговедением существует. В известной мере, это удалось установить в ходе многих размышлений еще Дзяцко, Эйхлеру и другим, о чем уже упоминалось. На основе такого подхода в книге «История библиотечного дела» (7) была предпринята следующая попытка определения места истории библиотек среди наук.

Детальное определение понятия «История библиотек» как родового понятия все же сопряжено с большими трудностями. Спектр этих трудностей настолько широк, и расхождение научных интересов настолько велико, что все это не позволяет достигнуть взаимопонимания между учеными. Например, если попытаться найти что-то общее между историей Нюрнбергской бумажной фабрики, историей эмигрантского издательства и читательскими интересами рабочих в Германии во времена эпохи Вильгельма, то сделать это будет практически невозможно. В конце кон-

цов, остается только одно связующее звено — книга. Подобного рода трудности и привели к отделению в 1979 г. «Рабочего кружка по изучению истории библиотек» от Вольфенбюттельского кружка по изучению истории книги. Мои возражения против «Истории книжного дела» имеют исключительно научно-теоретический характер, но они ни в коем случае не направлены против совместной работы там, где ее можно вести на практике, а также против работы в том виде, в каком она велась в Вольфенбюттеле.

Еще дальше уводит нас понятие «книговедение» как науки, научно-теоретические основы и практические возможности которой обоснованы Гербертом Грундманом. Наконец, совсем недавно Людвиг Дельп, высказываясь по этому вопросу, даже пропагандировал идею создания множества «наук о книге» (8). Независимо от того, будет ли существовать одна наука или несколько, оба определения выходят за рамки понятия «история книжного дела», так как они отражают современный уровень положения вещей, и поэтому не следовало бы трактовать их преимущественно с исторической точки зрения. Дельп же понимает под этим «использование разрозненных знаний из гуманитарных и естественных наук, имеющих отношение к комплексу проблем развития книги, изменения ее формы и вида, ее влияния...».

В настоящее время, по моему мнению, чисто научно-теоретического решения этого вопроса не просматривается. У меня нет желания рекламировать свою школу, но мне кажется, что работа по уточнению содержания терминов, ведущаяся в Штутгарте, может дать подходящее для настоящего периода компромиссное решение: «Книжное дело и история библиотек» должны рассматриваться как составная часть библиотековедения.

4. Чего может добиться история библиотек?

Все историки, изучающие историю библиотек, независимо от их мировоззрения и методов работы, сегодня достигли согласия в том, что история библиотек уже больше не является исключительно историей учреждений, то есть считают, что изучение истории одной библиотеки или истории нескольких библиотек не может быть самоцелью. Однако этим и исчерпывается достижение согласия по всем спорным вопросам. Каких успехов может добиться при ведении исследований в области изучения истории библиотек на современном этапе — это вопрос, относящийся к методам работы, а чего должна добиться история библиотек — к сожалению, это, скорее всего, вопрос идеологии. Примерно в конце XIX века получили развитие методы, которые, с одной стороны, интерпретировались как историко-генетические, а с другой стороны, используются сегодня одновременно с другими. По этому поводу могут быть высказаны некоторые соображения.

4.1. История библиотек как история культурного наследия

Все чаще утверждается, что библиотечный историк находится в выгодном положении: он может обращаться к почти неисчерпаемому источнику — к фонду библиотеки. Если фонд в целом или его отдельные части не сохранились, можно найти разного рода инвентари, а также каталоги, которые делают возможным воспроизведение этих фондов. Так, специалисты в области классической филологии и медиэвистики, обращаясь к этим источникам, изучали функции библиотек как часть истории культурного наследия.

К сожалению, этот подход в новых исследованиях по истории библиотек, равно как и в исследованиях по истории литературы и науки, рассматривается как зарождающийся, хотя его можно было применить без особых затруднений при изучении истории распространения литературы. Этот подход играет важнейшую

роль в исследованиях по истории библиотек, выдающих книги на дом через абонемент, то есть исследования, которые в последние годы столь активно проводятся историками литературы, например, при изучении процесса распространения наиболее читаемой литературы массового спроса.

В качестве примера для плодотворного изучения истории публичных библиотек при аналогичном по структуре подходе можно было бы назвать собрание каталогов архива по истории библиотек Высшей библиотечной школы в Штутгарте, который содержит богатый материал для исследовательской работы. А исследования, которые только что были обозначены контурно, приводят нас к истории библиотек как социальной истории. Но перед тем, как перейти к этому аспекту, необходимо остановиться на другой, значительно более старшей по возрасту ветви истории культурного наследия.

4.2. История библиотек как история жизни общества и соответственно как история культуры

После того, как Вильгельм Дильтей разработал методы исследований в гуманитарных науках и получили широкое распространение методы изучения истории культуры Карла Лампрехта (9), библиотекари относительно скоро признали возможность перенесения этих методов в область изучения истории библиотек. В своей работе «Введение в гуманитарные науки», вышедшей в свет в 1883 г., Дильтей особо, хотя и в общей форме, остановился на библиотеках. «Для исследования духовных течений со временем должны стать доступны количественные методы, позволяющие осуществлять более точный анализ. Статистические методы, получившие широкое распространение начиная с исторической эпохи появления книгопечатания, нацелены на измерение фондов библиотеки. С их помощью и измеряется сила духовных движений и распределение интересов общества в какой-либо определенный момент его жизни. А это позволяет нам представить видимым весь процесс развития духовного течения, начиная с условий формирования какого-либо культурного круга, а также степень интенсивности формирования этого круга и его интересов, вплоть до появления самого гениального творения» (10). Насколько мне известно, первым, кто предпринял попытку найти возможность перехода от изучения истории только как истории жизни и деятельности отдельных личностей к истории науки был Карл Дзятцко (11). Относительную известность получили и идеи, высказанные в 1906 г. в сборнике «Культура и современность» Фрицем Милькау.

«В то время, как они (описания истории отдельных библиотек — прим. авт.) сориентированы преимущественно на раскрытие внешней судьбы собраний..., в них практически не уделяется внимания внутренней истории, раскрывать которую, конечно, значительно труднее; а также духу, который вдохнул жизнь в библиотеку; влиянию, которое исходит от библиотеки; обратному влиянию, которое в свою очередь оказывает на ее развитие существующая форма организации научной деятельности; воздействию, которое оказывает ее работа на развитие библиотечного дела в целом» (12).

В последующие десятилетия применение этого метода привело к появлению новых познаний и достижению значительных успехов.

Если расширить изучаемое пространство и привести результаты отдельных исследований, можно было бы упомянуть, по крайней мере, в качестве примера Отто Бруннера, его исследование на тему «Библиотеки австрийских аристократов XV-XVIII вв. Как первоисточники для изучения духовной истории». Заслуживают также внимания и многочисленные, но к сожалению, малоизвестные труды Альфонса Лотски, посвященные изучению этих вопросов (13).

4.3. История библиотек как история образования.

Если рассматривать историю возникновения идей также в русле социальной теории, тогда и историю библиотек можно рассматривать в русле истории образования. Значение библиотеки для учебы и научной работы подчеркивать особо нет необходимости, хотя их взаимодействие и нужно всесторонне изучить прежде всего. Иным должно быть сам подход к истории публичных библиотек. Изучая библиотеки этого типа, в первую очередь следует исследовать ту функцию, которую они выполняют в деле образования взрослых. Отношение публичной библиотеки к образованию взрослых в разные времена было различным.

Между так называемым «новым направлением», когда обучение взрослых и библиотечная работа считалась почти неразделимыми, и концепцией информационной библиотеки 60-х гг. наблюдаются не только всевозможные различия, но и определенная диалектика развития библиотек этого типа, вникнуть в суть которой было бы увлекательным делом. Поскольку при этом речь идет ни больше ни меньше как о соответствующем понимании своей роли самими публичными библиотеками, то прямые взаимосвязи идеологического, политического и социального характера должны были бы здесь быть особенно ясными. В качестве иллюстрации можно привести заключение экспертов Немецкого комитета по делам воспитания и образования под названием «О положении в области образования взрослых и о его задачах» (14). В этом документе проведен анализ состояния образования взрослых и библиотечного дела в области организации работы народных библиотек в первой половине нашего века, исключая периоды господства национал-социалистов, и соответственно, показано каким оно должно было быть.

4.4. История библиотек как социальная история.

Призыв к изучению истории библиотек с ориентацией на социологию и, соответственно, на социальную историю стал звучать еще с тех пор, как марксистская историография библиотек и американские историки (последние с 30-х гг.) подготовили для этого почву. Строгое замечание Георга Лея, которое можно прочесть в «Справочнике по библиотековедению» о том, что «просто программы ничего не стоят, котируются только очевидные достижения, и они еще не раскрыты», все же не потеряло своей актуальности, поскольку право каждой теории на существование должно быть соизмеримо с возможностью ее верификации (15). И в этом плане в настоящий момент ситуация выглядит не слишком хорошо. Конечно, высказанное в работах мнение о том, что история библиотек должна раскрывать их функцию в жизни общества, является общим мнением. Перенесению этого подхода в практику изучения истории библиотек мешают огромные трудности, что осознавал Петер Карштедт еще в 1954 г. Они заключаются не в последней очереди в том, что целью этого подхода должно быть получение интерпретированного отражения исторических фактов, дополнительное же приведение большого количества фактов из истории библиотек и из истории общества, напротив, оправдано в лучшем случае лишь на предварительном этапе работы (16).

В 1962 г. на состоявшейся в Берлине конференции социалистических стран по библиотековедению перед историей библиотек была поставлена задача разрабатывать «на основе изучения общего развития общества исторические закономерности, которые возникают в силу взаимоотношений между соответствующим общественным строем и библиотечной практикой», и эта задача, без сомнения, была слишком обременена проблематикой, присущей соотношению базиса и надстройки, так как в социалистических странах историки библиотек охотно шли по скользкому пути (17).

Осознается ли, что угроза, которая обычно скрывается в таких крайностях, это, с одной стороны, — упрощение этого подхода, чего не избежал, Вудфорд (18), с другой стороны, это — идеологическое искажение, а чрезмерное — *sit venio verbo*¹ — идеологизирование может даже оттеснить задачи истории на второй план. Нельзя реформировать историю библиотек, чтобы исключить из нее прошлое. При рассмотрении истории библиотек исключительно как социальной истории, не следовало бы принижать ее познавательную ценность. Герберт Грундман ставил вопрос, который многим показался еретическим: «Но кто же может утверждать, что социологический метод рассмотрения, который ныне преобладает, не будет точно также отвергнут через несколько десятилетий, как односторонний» (19).

4.5. История библиотек как история развития коммуникаций.

Во время седьмого семинара по повышению квалификации библиотекарей, проходившего в Библиотеке Герцога Августа в Вольфенбюттеле в 1979 г., Вольфрам Хеннинг изложил свою концепцию современного библиотековедения. По Хеннингу, «чтобы судить о функции библиотек..., нужно обсудить вопрос об их роли в процессе общественных коммуникаций». Согласно его логике, историю библиотек следует рассматривать как историю коммуникаций, отражение перемен в области коммуникаций, тем «аспектом социальных измерений, который особенно влияет на функции библиотек» (19). Возможности применения этого подхода Хеннинг видит как в области изучения истории в продольном разрезе, так и в области изучения истории отдельных случаев, имеющих локальное значение. Тезисы Хеннинга имели все основания, чтобы произвести сенсацию. Он же и наметил, как может выглядеть изложение вопроса при таком подходе. Подобно тому, как при изучении истории библиотек как социальной истории теоретические подходы подтверждаются на практике, теперь, по его мнению, следовало бы сделать это по отношению к конкретному локальному исследованию. Поскольку такой подход не претендует на то, чтобы быть единственно возможным, в нем не таится опасность идеологизации, поэтому реализация такого метода не кажется мне ни в коем случае утопической.

5. Quo vadis, история библиотек?²

Вне всякого сомнения, на место истории библиотек среди других исторических дисциплин влияют также и внешние факторы. На всем протяжении ее изучения можно выявить в одинаковой степени как периоды ослабления интереса к ней, так и периоды обострения исторического сознания. Если не принимать во внимание эти обстоятельства, которые невозможно предвидеть, то можно попытаться дать два варианта прогноза на будущее.

С точки зрения организации науки, по-прежнему считается актуальным утверждение Заупле о том, что науки, как правило, «устанавливаются, когда они становятся дисциплинами, входящими в рамки университетских канонов и вводятся как обязательные для изучения в университетах и высших школах» (20).

В нашем случае это означает, что дальнейшее развитие методики изучения истории библиотек возможно только при условии систематического изучения этой дисциплины в ходе исследовательской работы и в ходе учебного процесса. Будет ли это проводиться в рамках высших библиотечных школ, или, возможно, в университетах, в рамках ли традиционных исторически ориентированных наук, пожалуй, пока не имеет значения.

¹ Да будет мне позволено так выразиться (лат.)

² Куда идешь, история библиотек? (лат.)

Уже можно признать, что в этом отношении достигнут некоторый прогресс, поскольку по инициативе одной *исследовательской* библиотеки проводилась встреча научной общественности с Вольфенбюттельским рабочим кружком по изучению истории библиотек, способствовавшая сведению воедино соображений, которые высказывались кучкой разобщенных историков, изучающих историю библиотек.

Как сможет развиваться дальше методика изучения истории библиотек, зависит от того, какое содержание будет вкладываться в историографию библиотек. Здесь также имеются многообещающие достижения предварительного характера, что показали дискуссии, состоявшиеся в течение последних лет. Историография библиотек в ее прежнем виде, чисто описательная по характеру, конечно, уже в прошлом.

Мне кажется сомнительным, что будущее принадлежит истории библиотек, в одностороннем порядке сориентированной на социальную историю, хотя, конечно, в дальнейшем никто не сможет описывать историю библиотек, не добавляя в нее хотя бы капельку социологии. «Пророки слева, пророки справа» — я полагаю, что и впредь к достижению цели должен вести определенный плюрализм методов.

Перевод Н.Л. Володиной

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Handbuch der Bibliothekswissenschaft. Bgr.v.F.Milkau, hrsg.v.G.Leyh. 2.verm. u.verb. Aufl. Bd.3. Geschichte der Bibliotheken. Wiesbaden: Harrassowitz. 1.Halft. 1955.830S., 2.Halft. 1957.928 S
 2. Gresel A. Handbuch der Bibliothekslehre. 2.Aufl. Leipzig: Weber, 1902. S.7-11.
 3. Dziatzko K. Beitrage zur Kenntnis des Schrift-, Buch- und Bibliothekswesen. T.5. Leipzig: spirgatis, 1900. (Sammlung bibliothekswissenschaftlicher Arbeiten; N 13.S.VI.
 4. Eichler F. Begriff und Ausgabe der Bibliothekswissenschaft. Leipzig: Harrassowitz, 1896. S.17,30.
 5. Bibliothekswissenschaft. Versuch einer Begriffsbestimmung...Hrsg.v.W.Krieg. Koln: Greven, 1970. (Veroffentlichung des Bibliothekar-Lehrinstituts des Landes Nordrhein-Westfalen). S.160.
 6. Sule T. Geschichte und Bibliotheksgeschichte // Mitteilungsblatt. Verband der Bibliotheken des Landes Nordrhein-Westfalen. 1974. N 24. S.212-222; Sule T. Geschichte in der bibliothekarischen Ausbildung // Bibliothekarische Ausbildung in Theorie und Praxis. Hrsg.v.R.Jung u. L.Sickmann. Koln: Greven, 1975. S.145-160.
 7. Пауль Раабе, который создал самые содержательные работы в области исследований по теме «История книжного дела», включает сюда все разделы историко-типграфического исполнения книги и истории их распространения: Raabe P. Was ist Geschichte des Buchwesens? // Buchhandelsgeschichte. 1976. N.38. S.3189-330.
 8. Grundmann H. Von der Notwendigkeit einer allgemeinen Buchwissenschaft // Wege zur Bibliotheks- und Bucherkunde; Bd.14.); Delp L. Das Buch der Wissenschaft // Borsenblatt fur den Deutschen Buchhandel. 1980. N 24. S.643.
- Более подробно раскрывает эту тему и подводит итоги проводившейся дискуссии в работе: Delp L. Das Deutsche Bucharchiv Munchen: Verlag Dokumentation, 19-67. S.32-35. (buchwissenschaftliche Beitrage; 2)
9. Lamprecht K. Die kulturhistorische Methode. Berlin: Gaertner, 1900.
 10. Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Bd.1. Leipzig: Teubner, 1922. S.115. (Gesammelte Schriften; Bd.1).
 11. Изложение обзора, посвященного проведению библиотечной выставки в

Чикаго, проходившей в рамках всемирной выставки, дано в книге: Dziatzko K. Entwicklung und gegenwartiger Stand der wissenschaftlichen Bibliotheken Deutschlands... Leipzig: Spirgatis, 1893. 55 S. (Sammlung bibliothekswissenschaftlicher Arbeiten; N 5).

12. Milkau F. Die Bibliotheken // Kultur der Gegenwart. 1.Aufl. T. 1. Abt. 1. Leipzig: Teubner, 1906. S. 546.

13. См.: Brunner O. Neue Wege der Verfassung- und Sozialgeschichte. 2. verm. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Rupprecht, 1968. S. 281-293. Что касается работ Альфонса Лотски, они опубликованы к моменту выхода в свет данной статьи на немецком языке в следующих изданиях: Lhotsky A. Aufsätze und Vorträge. Bd. 1-4. München etc.: Verlag für Geschichte und Politik 1970-1974. 1. Europäisches Mittelalter. Das Land Österreich. 1970. 388 S.; 2. Das Haus Hamburg. 1971. 346 S.; 3. Historiographie, Quellenkunde, Wissenschaftsgeschichte. 1972. 296 S.; 4. Die Haupt- und Residenzstadt Wien... 1974. 331 S.

14. Stuttgart: Klett, 1960. 168 S. (Empfehlungen und Gutachten des Deutschen Ausschusses für das Erziehungs- und Bildungswesen; F. 4).

15. См.: Handbuch der Bibliothekswissenschaft. 2. verm. u. verb. Aufl. Bd. 3/2. Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. S. IX.

16. Karstedt P. Studien zur Soziologie der Bibliothek. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954. S. 6. (Beiträge zum Buch- und Bibliothekswesen; 1).

17. Gegenstand und Methoden der Bibliothekswissenschaft als Hochschuldisziplin. Leipzig: Verlag für Buch- und Bibliothekswesen, 1963. S. 338.

18. Woodford F. Second Thoughts on Writing Library History // J. of Library History. 1966. V. 1 N 1. S. 35-36.

19. Henning W. Bibliotheksgeschichte als wissenschaftliche Disziplin. Beiträge zur Theorie und Praxis. Hrsg. v. P. Vodosek. Hamburg: Hauswedel. 1980. S. 132-139. (Wolfenbütteler Schriften zur Geschichte des Buchwesens; Bd. 7).

20. Sauppe E. Wissenschaftstheoretische Überlegungen zur «Bibliothekswissenschaft» // Bibliothekswissenschaft. Versuch einer Begriffsbestimmung // Hrsg. v. W. Krieg. Köln: Greven, 1970. S. 98-99. (Veröffentlichung des Bibliothekar-Lehrinstituts des Landes Nordrhein-Westfalen).

НОВЫЕ МЕТОДИКИ ИСТОРИИ БИБЛИОТЕК: МАНИФЕСТ «НОВОЙ» ИСТОРИИ БИБЛИОТЕК

Алистер Блэк — профессор Университета в Лидсе, один из ведущих английских историков библиотек. Имеет многочисленные публикации по проблемам библиотечной истории. Одна из последних крупных работ — монография «Новая история английских публичных библиотек. Социальный и интеллектуальный контекст, 1850-1914».

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК — ПРЕДМЕТ НЕ МЕРТВЫЙ и не умирающий; и пришло время тем, кто занимается этим предметом, самым решительным и убедительным образом заявить об этом всем, кто сомневается в его ценности. Мы должны не только защищать, но и пропагандировать историю библиотек. Для защиты необходимо наступление; и теперь, по моему мнению, мы располагаем достаточным набором средств из передового арсенала общественных наук, чтобы осуществить такое наступление. Следует проводить в жизнь позитивное положение о том, что история библиотек обладает значительными возможностями как в плане содействия развитию профессиональной практики библиотечного дела в настоящем и будущем, так и в качестве самостоятельной научной дисциплины, составляющей часть общей истории.

Тем, кто ставит под сомнение ее значимость, необходимо показать, что идет процесс становления новой истории библиотек. Данная работа представляет собой **манифест** новой истории библиотек — истории, которая специалистам по истории библиотек обеспечивает новые возможности и перспективы научной и преподавательской деятельности, а специалистам в других областях, и в особенности тем представителям библиотечного дела и образования, которые скептически относятся к истории библиотек, представляет такое обоснование предмета, что им придется приложить весьма серьезные усилия, чтобы его опровергнуть или отвергнуть¹.

И все же, зачем нужна новая история библиотек и ее пропаганда? Ввиду появления большого количества публикаций в области истории библиотек в последнее время можно *полагать*, что данный предмет пребывает в добром здравии. Все издательства проявляют к нему интерес, развитию которого способствовала постоянная творческая деятельность группы исследователей-энтузиастов.

Серьезным шагом стал план создания *Истории библиотек Британии и Ирландии* издательством Кембриджского Университета; и можно надеяться, что сосредоточенные в этом проекте новаторские идеи приведут к подлинному возрождению предмета на уровне науки и образования².

По мере приближения 150-летия принятия первого в Британии Закона о публичных библиотеках наблюдается всплеск интереса к истории публичных

¹ Выражаю благодарность Брендану Лоуфриджу (факультет информатики Шеффилдского университета) предложение использовать слово «манифест».

² Подробно об этом проекте см. следующую статью Питера Хоура в этом журнале.

библиотек³. История университетских библиотек также удостоивается внимания ведущих издательств⁴. Кроме того, как показывает последний выпуск *Истории Британских библиотек: библиография*, существует мощная группа энтузиастов всех уровней, способных создавать содержательный и увлекательный материал для распространения в периодических и книжных изданиях⁵.

Ставить диагноз о полном здоровье истории библиотек только на основании последних данных о научной деятельности и объеме соответствующих публикаций значит проявлять заблуждение и благодушие.

К сожалению, история библиотек как учебная дисциплина — в прошлом питомник многих научных исследований — не столь процветает, как более высокая область науки. Сегодня история библиотек редко фигурирует как самостоятельная специальность высшего образования в области библиотечного дела и информатики. Удаление ее из учебных программ по библиотечному делу и информатике в 80-х годах было проведено стремительно и бесповоротно. Отчасти это было связано с кризисом образования, в особенности в плане его экономической, материальной функции. Стратегия и практика образования 80-х годов отмечены возникновением и внедрением так называемого нового профессионализма. Его главными поборниками были Новые Правые в британской политике.

В условиях упадка экономики страны основное внимание уделялось ориентации образования на рынок, непосредственной связи с потребностями организаций и выпуску — в соответствии с принятой идеологией — студентов предприимчивых, воспитанных не на моделях либерально-классического образования, а на образах твердых, практичных, земных героев — предпринимателей и рабочих периода начала промышленной революции. Кое-кто из Левых также поддерживал идею приближения образования к практическим потребностям британского предпринимательства, вдохновляясь идеей традиций ученичества, согласно которой образование (в отличие от специализированной подготовки) определяется как «знание того, что на самом деле не нужно».

Таким образом, в противовес достаточно распространенному мнению о традиционном библиотечном образовании как жертве неразумных социалистов-утопистов на каком-то этапе в недавнем прошлом, истинными отступниками были именно те, кто подпал под влияние нео-консервативной реакции, нового «управленчества» и увлечения «мягких» левых идеями профессиональной подготовки.

Поддержка противоположных политических лагерей обеспечивает значительную силу нового профессионализма. В области библиотечного дела и информатики к политической поддержке прибавляется понятие становления рынков «квалификаторов» — имея в виду, что при наличии профессиональной квалификации, сформир-

³ Об этом свидетельствуют, напр.: Robert Snape, *Leisure and the rise of the public library* (London: Library Association, 1995); Margaret Kinnell Evans and Paul Sturges (eds.), *Continuity and innovation in the public library: the evolution of social institution* (London: Library Association, готовится к выходу); Alistair Black, *A new history of the English public library* (London: Leicester University Press, готовится к выходу).

⁴ См. напр. David McKitterick, *Cambridge University Library: a history* (Cambridge University Press, 1986); David McKitterick (ed.), *The making of the Wren library: Trinity college, Cambridge* (Cambridge University Press, 1995).

⁵ Denis F. Keeling (ed.), *British library history: bibliography 1985-1988* (Winchester: St. Paul's Bibliographies, 1991).

рованной новым профессионализмом и производной от него тенденцией, библиотекари выйдут в новое информационное производство, и особенно в управление на базе ИТ. Однако здесь крупных масштабов не наблюдается. Становления рынков, провозглашенного в 80-х годах, явно не произошло. Это означает, что сохранение нового профессионализма в библиотечно-информационной практике в основном определяется мощными политическими и культурными силами извне.

Это плохо для истории библиотек, которая по сути своей противостоит новому профессионализму, что станет понятно из разбора ключевых особенностей нового профессионализма в плане библиотечного образования⁶.

Прежде всего, это выдвигание на первый план *производных* предметов, обеспечивающих *подающиеся передаче* навыки — например, навыки управления, межличностного общения и ИТ.

Во-вторых, упадок таких специальных предметов, как научное, сравнительное и краеведческое библиотековедение *или* история библиотек, и при этом возникновение таких «соблазнительных» специализаций, как медицинская, деловая и коммерческая информация.

В-третьих, усиление акцента на *компетентность*, подлежащую объективной оценке. Здесь решающее значение имеет способность выполнять определенную задачу: *делать* важнее, чем *изучать* или *понимать*.

В-четвертых, убежденность в преимуществе *практического опыта* над теоретическими знаниями и пониманием принципов.

В-пятых, маргинализация идеи о том, что библиотекари должны уметь мыслить критически и действовать по своему усмотрению, то есть выполнять *экспертные функции*.

В-шестых, эрозия компонента *общественного сознания* в библиотечном деле, в результате чего специалисты лишаются того понимания общества — если угодно, ситуативной чувствительности — которое необходимо для выполнения экспертных функций.

Совершенно ясно, что история библиотек не вписывается в этот проект нового профессионализма. Она считается — хотя я, конечно, с этим не согласен — узко производной, а следовательно, не подлежащей передаче, и главное — неуместной в «чисто мужской» культуре предпринимательства, эффективности, агрессивности и практичности. Новый профессионализм означает *деятельность*. А настоящая история библиотек — *творчество*. Новый профессионализм означает *производство действий* в обществе. Настоящая история библиотек означает *понимание общества* и воспитание у специалистов *общественного сознания*.

В нынешней ситуации показать ценность истории библиотек деятелям образования и библиотекарям-практикам, от которых постоянно требуют ориентации на конкретные показатели, можно только через доказательство ее практической ценности. Всем ясно, что совершенствование современных методов основано на учете ошибок в выборе технологий в прошлом. Это верно, однако гораздо важнее идея о том, что для определения сегодняшних целей необходимо рассматривать *прошлые задачи*, а не только практическую деятельность. И безусловно сейчас, когда специ-

⁶ Обоснованный разбор нового профессионализма см. Dave Muddiman, «Innovation or instrumental drift?: the «new vocationalism» and information and library education in the U.K.», *Education for Information* 12(1994) 159-70; Dave Muddiman, «Information and library education: a manifesto for the millennium», *New Library World* 96 (1995) 26-31.

алисты библиотечного дела глубоко озабочены поиском своего места и своей роли, решающее значение имеет определение задач; осознание истории неотделимо от процесса выявления обоснований и философии для любой организации, включая библиотеку. При этом историческое сознание не должно подвергаться хронологическим ограничениям.

При определении современных задач публичной библиотеки наивно ограничиваться *самыми последними* переменами и тенденциями, как это часто происходит, когда например проводят границу исторического времени по «злполучному» 1979 году.

Акцент на внутреннюю способность истории библиотек в плане выявления ключевых задач необходимо дополнить творческой педагогической стратегией. Стремление представить историю библиотек как самостоятельную дисциплину библиотечно-информационного образования вряд ли будет иметь успех, а скорее всего приведет к прямо противоположным результатам. Более плодотворны будут партизанские действия. Потребуется маскировка, осторожность и прагматизм. История библиотек не может вести открытую атаку на артиллерию противника, да скорее всего такой возможности ей и не представится. Она будет просто расстреляна в упор. Она должна умело проникать в те сферы учебной программы, в которых может помочь студентам осмыслить изучаемые виды и методы деятельности. Поскольку все имеет историю, нет оснований отказывать в историческом измерении большей части библиотечных дисциплин библиотечно-информационного образования. Для вплетения истории библиотек в учебные программы можно использовать самые разнообразные творческие методы. Например, если в курсе по молодежным библиотекам указать, что первые детские библиотеки отчасти создавались для того, чтобы отвлечь детей от улицы ради их морального и физического блага, а в сущности, для совершенствования промышленного и военного состояния имперской расы, то кажущаяся нейтральность подобных учреждений подвергается детальному исследованию и устанавливается принцип поиска и выявления скрытых мотивов и в настоящем.

То же относится и к первым коммерческим публичным библиотекам, организованным во время Первой мировой войны и непосредственно после нее. Отчасти они создавались в противовес опасной и «ложной» по мнению властей большевистской экономике. Отсюда возникает вопрос: «Каково влияние *современной* политэкономии на современную практику предоставления деловой информации?»⁷ Таким

⁷ О моральном и физическом воспитании имперских качеств см.: Anna Davin, «Imperialism and motherhood», *History Workshop* 5 (1978) 9-65. Идея «ложности» революционной экономики, пропагандируемой после Первой мировой войны, несколько раз обсуждалась на заседаниях Британского Кабинета в 1919 г. см.: the reports of the Home Office's Directorate of Intelligence, Public Record Office, CAB 24/84 GT 7790 and CAB 24/76 GT 6976. Эти описания послужили серьезным препятствием для послевоенных планов Министерства Реконструкции по созданию публичных библиотек см.: Ministry of Reconstruction, Adult Education Committee, *First report on industrial and social conditions in relation to adult education* Cmd. 9107 (1918), and *Third interim report on libraries and museums* Cmd. 9237 (1919). По сообщениям, на открытии Публичной Коммерческой Библиотеки в Манчестере адмирал Стэрди пояснил, что «... Народ Британии плохо знает экономику ... [но] если изложить народу финансовые принципы в доступной форме, он поддержит страну во всем», *Manchester Evening Chronicle*, 12 Oct. 1919.

образом, основная тема моего манифеста — восстановление истории библиотек в учебных программах библиотековедения и информатики, которое требует гибкого и ненавязчивого, но при этом достаточно теоретизированного подхода. Я уделил немало времени доказательству необходимости новой методики преподавания, потому что убежден, что ни одна научная дисциплина не может существовать без преподавания, и притом эффективного.

Научные исследования в области истории библиотек придут в упадок без поддержки через корни образования. Но при этом и образование, и преподавание не смогут существовать при наличии ограничений на те научные исследования, которые из них произрастают.

Поэтому следующие положения моего манифеста касаются базовых элементов и новых подходов, характеризующих научные исследования в сфере новой истории библиотек.

Чтобы сделать историю библиотек более привлекательной, необходим взрыв теории в этой области — но не «высокой теории». Несмотря на традиционно высокий научный уровень, для истории библиотек были более характерны описательность и хроникальность, нежели теоретизирование и интерпретации. Склонность истории библиотек к эмпиризму явилась одной из основных причин легкой победы нового профессионализма в 80-х годах — история библиотек была лишена интеллектуальной брони, необходимой для отражения атаки школы «рыночного мастерства». Это не означает, что повседневная фактография не нужна. Она остается краеугольным камнем истории библиотек (подробнее об этом немного дальше). Однако надстройкой истории библиотек должна стать теория. Специалистам по истории библиотек необходимо занять дедуктивные позиции.

Как писал когда-то американский библиотекарь Пирс Батлер, химики не берут смеси наугад, а потом смотрят, что получится; они начинают опыты при наличии какой-то теоретической гипотезы, предположения или отправной точки⁸. Более того, теоретический взрыв в научных исследованиях окажет обратное воздействие на образование, способствуя повышению достоверности истории библиотек как учебной дисциплины и развитию у студентов критического мышления — одного из самых «передаваемых» навыков.

Обретение теоретических позиций поможет сближению истории библиотек с основным руслом истории, что заслуживает самого пристального внимания. Успех исследований по истории библиотек тесным образом связан с изучением истории в более широком плане. Здесь нельзя ограничиться только *поверхностными* ссылками на контекст.

С точки зрения методики недостаточно широкой картины исторического фона, на котором развивается библиотечная деятельность. Специалистам по истории библиотек нужно глубоко проникать в кладви других разделов истории в поисках теорий и знаний, способных оживить сухую регистрацию библиотечной деятельности. Ведь значительная часть истории библиотек написана так, словно не было никаких потрясений в других сферах истории после 60-х годов в целом, и особенно в истории общества и культуры. Поэтому в истории библиотек необходим междисциплинарный подход, и первым портом захода в этом плавании должны стать другие области истории, связанные со всеми исследованиями развития библиотек в прошлом.

⁸ J.V.Richardson, Jr. (ed.), *The gospel of scholarship: Pierce Butler and the critique of American librarianship* (Metuchen, N.J.: Scarecrow, 1992) p.235.

Нам, представителям истории библиотек, нужно не только обратиться к общей истории, но и постараться, чтобы общая история приняла нас. Отчасти причина угасания истории библиотек кроется в том, что историки, чья основная задача состоит в преподавании, изучении и написании истории, не желают считать историю библиотек предметом, достойным серьезного изучения. Но возможность убедить историков-профессионалов в значимости истории библиотек — значимости библиотек в истории — будет во многом зависеть от самих специалистов по истории библиотек, которые должны заявить, что основная задача истории библиотек — не просто раскрытие истории библиотечной деятельности, но и свет, который может пролить история библиотечной деятельности в прошлом на общество в целом. И что самое главное — история библиотек рассказывает нам не о прошлом библиотек, а о прошлом общества.

Это не значит, что история библиотек существует только для историков или специалистов по истории библиотек. Ее перспективы во многом определяются позициями работников библиотечного дела. Поэтому одним из ключевых измерений должна стать про-активная перспектива. По возможности история библиотек должна заниматься комментированием существующих проблем и вопросов библиотечного обслуживания и внутренней работы.

В этой связи выделяется первоочередная задача истории — ниспровержение мифа. Создание политики смены звучания мифа может иметь отрицательные последствия.

Так например, мощь атаки нового профессионализма в библиотечном деле 80-х годов во многом определялась историческим образом библиотекарей-отшельников, незаметных и социально-нейтральных, а потому нуждающихся в косметической хирургии для наведения управленческого и коммуникативного блеска.

В действительности, в противовес этому мифу, библиотекари всегда были социально ангажированы, пристрастны и значимы, что в большой степени объяснялось их всесторонним образованием, «возрожденческим» мировоззрением, а это никак не сочеталось с мировоззрением нового профессионализма, процветающим на почве мифа об отшельничестве⁹.

И несколько слов о диапазоне. Всякая новая история библиотек должна исповедовать более широкое нежели прежде понимание достойной изучения тематики — будто то книжные собрания или библиотеки в психиатрических клиниках, библиотечки в омнибусах до 1914 года или немецкие трамвайные библиотечки начала XX века¹⁰, религиозные или политические убеждения библиотекарей, сексуальность библиотекарей — кстати, превосходная тема, принимаемая во внимание исторический вне-сексуальный образ (увы, тоже миф, учитывая множество скандалов, обнаруженных историками библиотек).

Более того, понятие расширения диапазона следует распространить и на источники. Большая часть истории библиотек, в особенности ориентированная на пользователей, отражает позицию «истории снизу», согласно которой история рассматривается с точки зрения не наделенных властью. И здесь выделяются такие «демократические» источники, как эфемеры, автобиографии сотрудников и записи устных рассказов (при всей их ограниченности). Конечно, «история снизу» превос-

⁹ По поводу «ангажированности» библиотекаря до 1914 г. см.: Black, *A new history ...* chap.9.

¹⁰ К.А. Manley, «The Munich tramcar library», *Library History* 10 (1994) 71-75, прекрасный пример широты диапазона исследований.

ходно укладывается в русло изучения истории библиотек по той причине, что библиотеки относятся к учреждениям с выраженной динамикой регуляции (пользователями).

Кроме того, она несомненно представляет собой определенный подход к истории, ценность которого признавали специалисты в прошлом. Ведь еще в 1840 г. Эдвард Эдвардс писал, что история в общепринятом виде занималась «в основном полем боя и палатой совета, а не пашней и прялкой.»¹¹

И наконец, несмотря на отсутствие уверенности в том, что истории библиотек полностью удалось вписаться в революцию общественных наук 60-х — 70-х годов, нужно обратить пристальное внимание на одно из последних достижений общественной истории — а именно, сближение с позицией пост-структурализма с его акцентом на семиотику или, по выражению Рафаэля Сэмьюэла, «чтение знаков»¹².

Пост-структурализм в общественной истории опирается на распространенное убеждение, что западная культура вступила в пост-модернистский, пост-просвещенческий век, отвергающий высокие идеалы (или повествования) прогресса, равенства, уверенности, рационального планирования и веры в профессиональные знания.

В пост-модернистских условиях личность и социальная практика фрагментированы, уязвимы и неустойчивы — пост-модернистская культура «ставит особенность и отличия выше единообразия и всеобщности»¹³.

Это как нигде проявляется в переоценке исторического материализма, или марксистского экономического детерминизма.

Если в новой волне общественной истории 60-х — 70-х годов анализ зачастую исходил из стабильной, фундаменталистской, сущностной категории класса, теперь историки с подозрением поглядывают на структуралистские модели базиса-надстройки¹⁴.

Класс не отвергается как показатель — и это хорошо для специалистов по истории библиотек, которые в сущности так и не осознали общественный класс, — но теперь это понятие вынуждено соперничать с такими категориями, или призмами, как раса, национальность, религия, популизм, демократия, и наконец пол (ведь именно историки-феминистки первыми поставили под сомнение главенство общественного класса как основной детерминанты истории).

Но, вероятно, самой интригующей призмой, сквозь которую специалисты по общественной истории могут теперь рассматривать историю, является призма современности.

Просвещению, современности, свойственна двойственность. С одной стороны — прогресс, становление понятия «самости» и самовыражения, рост возможностей

¹¹ Edward Edwards, *The administrative economy of the fine arts in England* (London: Saunders & Otley, 1840) p.238. Об этой концепции см.: Frederick Krantz, *History from below: studies in popular protest and popular ideology* (Oxford: Blackwell, 1988)

¹² R.Samuel, «Reading the signs», *History Workshop* 32 (1991) 88-109 and 33 (1992) 220-51.

¹³ Chris Rojek, *Ways of escape: modern transformations of leisure and travel* (Macmillan, 1993) p.133.

¹⁴ Напр.: Patric Joyce, *Visions of the people: industrial England and the question class 1848-1914* (Cambridge University Press, 1991), Patric Joyce, «The end the social history», *Social History* 20 (1995) 73-91.

и эмансипация. В более негативном ключе — контроль, регулирование, надзор и давление специалистов-профессионалов и их системы знаний. Напрашивается предположение, что эта двойственность в высшей степени свойственна истории современных библиотек. Через призму современности легко обнаруживается «Джекил-Хайдовский» облик библиотек.

Они выступают одновременно как институты эмансипации и механизмы дисциплины и регулирования. В библиотеках люди самореализуются, но при этом выслушивают выговоры за то, что не соблюдают тишину, надоедают библиотекарю и задерживают книги!

Но для такого модернистского анализа нужно очень точно улавливать скрытое содержание исторических фактов.

Например, через призму современности в таком тексте как *Воспоминания о библиотеках* Эдварда Эдвардса (в 1859 г. фактически положившем начало изучению библиотечного дела) семиологически декодируется целенаправленная, утилитарная приверженность равенству возможностей, и наряду с этим — мания библиотечного администрирования, регулирования и дисциплины (которую он называл библиотечной экономикой).

На языке пост-структуралиста Мишеля Фуко библиотечная экономика (и ее производное — библиотековедение) рассматривается как упражнение по микрофизике власти, в котором анализ отходит от универсальных макро-объяснений к микро-истории детализированной, локальной общественной практики. Фуко также назвал бы библиотечную экономику «режимом истины» — дискурсом или корпоративным знанием, который становится таковым *поскольку* те, кто его создают, обладают властью: иными словами, властью производящей знание, а не *наоборот*. Перерабатывая понятие власти, Фуко выделял ограничения редукативных оценок, что позволяет изучать ее микроорганизмы¹⁵.

Проведенные Фуко исследования экспертов и их систем знаний показали, что их власть основана не редукативно, только на интересах класса или иной сущностной категории, а на создаваемом ими знании.

Интересно, что Фуко никогда не исследовал библиотеки и их экспертов-профессионалов. В противном случае его несомненно поразило бы их дерзкое стремление представить собственные правила административной практики как истинное знание.

То же касается современного социально-конструированного и ложного (по мнению многих) дискурса информатики, определение которого все еще нечетко, несмотря на широкое применение.

Анализ дискурса по Фуко не только прослеживает генеалогию отраслей знания, но и оценивает социальную конструкцию, значение общепринятых видов общественной деятельности и убеждений; в плане истории библиотек это можно определить как семиотическое декодирование дискурсов и деятельности пользователей, патронов и общественных элит.

Здесь открываются чрезвычайно плодотворные направления исследований — можно попытаться выявить символическое значение церемоний открытия, архитектурных стилей, употребления таких метафорических выражений как «приют» или «сельский» в адрес читальных залов, или сдвиг ориентиров библиотечной гигиены в конце XIX века от вентиляции к чистоте книг, отражающий медико-моральный дискурс по поводу источника заболеваний, которым в середине XIX века

¹⁵ Jeffrey Weekes, «Foucault for historians», *History Workshop Journal* 14 (1982) 106-19.

считали спертый воздух, а к концу XIX века микробы по Пастеру¹⁶.

Основная особенность применения семиотики — или «чтения знаков» — множественность значений и бесконечность порождаемых ею перспектив. Семиотическое декодирование дискурсов, выявляющее так называемое «локальное знание» или детали общественной практики, должно быть в высшей степени привлекательно для историков библиотек, которые по определению занимаются специфическими микро-мирами библиотек.

Это не значит, что история библиотек или более общая — социальная история обязаны увлечься семиологическим подходом. Ведь в конце концов историки, даже самые политичные и дипломатичные, давно научились извлекать «скрытое» и «не-сказанное».

Возможно, семиология есть нечто большее, нежели псевдо-теоретическое выражение того, чем всегда стремились заниматься историки, и в том числе историки библиотек — а именно, пристальным, дотошным «чтением между строк»¹⁷. Затем, совершенно неправомочно включение в *пост-структуралистскую* историю семиологии, хотя она и исходит из французского структурализма, где *обозначитель* (внешне видимый физический знак) и *обозначаемое* (значение, смысл) тесно связаны и существенное значение отводится скрытым, детерминирующим структурам. Правда, это можно объяснить тем, что структуралистская семиотика во многих отношениях проложила путь для *пост-структуралистского*, *пост-модернистского* мышления в науках о человеке и обществе.

Именно структурализм своим акцентом на скрытые структуры вызвал к жизни понятия «смерти автора», или исчезновения человеческого фактора как «творца общественного».

Важнее то, что создавая связь между обозначителем и обозначаемым, структурализм предполагал и разные степени прочности таких связей, вплоть до разрыва, при котором возможны бесконечные варианты интерпретации текста.

В сущности, именно эта характеристика семиотики образует ядро *пост-модернистской общественной истории*.

Пост-модернисты представляют историю в виде повествования, обычных местных сказаний, которым нет числа. Они стремятся к анти-теоретической (в плане абсолютистских объяснений) ориентации на историю повседневной жизни, подчеркивая значение детали, личного свидетельства и опыта индивиду и сообществ. Они выступают за «анекдотичный эмпиризм» — эмпиризм ни в коем случае не позитивистский и научный, опирающийся на универсальную теорию, а личностной и неприязательный.

Историк-постмодернист ищет не высоких сказаний, а местных рассказов. В этом смысле: «Происходящее в спальне и ванной имеет такое же историческое значение, как происходящее на поле боя и в правительственных комитетах». Такая концептуализация истории обеспечивает исследователям большую маневренность. Она допускает разные интерпретации — по идее, историй может быть столько же,

¹⁶ См.: Adrian Forty, «The modern hospital in England and France: the social and medical uses of architecture», in: Anthony D.King (ed.), *Building and society: essays on the social development of the built environment* (Routledge and Kegan Paul, 1980) for an imaginative study of the microworld of power relations in nineteenth century hospitals in the context of architecture, medical discovery and professional concerns.

¹⁷ Выражаю благодарность д-ру Энн Саммерс из Британской Библиотеки за замечания по этому поводу.

сколько потребителей истории. Она также освобождает исследователей от неприятной обязанности искать обоснование своих дискурсов в фундаментальной теории, марксистской или какой-то иной. Теория, если вообще применяется, сводится к критике. И наконец, отвергая положение о том, что прошлое можно достоверно *представить* «как было», пост-модернистская история все же признает значение описаний и повествований, в которых повседневная жизнь раскрывается, но далеко не всегда исследуется¹⁸.

Допуская и даже приветствуя хроникальный подход, постмодернистская история таким образом в высшей степени созвучна традиционной истории библиотек. Постмодернистский «уклон» в истории подчеркивает необходимость детального описания, характерного для традиционной истории библиотек с ее стремлением выявить зачастую скрытый и причудливый мир библиотек, хотя специалистам по истории библиотек, возможно, потребуется более сложный подход к микро-истории.

С другой стороны, постмодернистская история изобилует самыми разнообразными сложными и новыми идеями и темами — от истории тела¹⁹ до истории запаха²⁰ — что требует теории (хотя и не высокой), особенно в плане построения моделей. Так или иначе, для библиотечной истории это хорошо. Как указывалось выше, скрупулезная фактография составляет краеугольный камень истории библиотек; но все же данные нужно как-то синтезировать и формировать в модели, описывающие не только историю библиотек, но и то, что библиотеки могут нам рассказать об обществе в прошлом. Только так можно получить уроки истории.

Уроки истории чистые постмодернисты считают преимущественно *современным* конструированием знаний и потому несущественными. Однако для большинства историков, и в том числе специалистов по истории библиотек, стремящихся осмыслить современную библиотечную практику через обращение к прежним подходам к библиотечному обеспечению и обслуживанию, извлечение уроков из прошлого составляет основную грань собственной мотивации и той научной дисциплины, которой они занимаются.

Будем надеяться, что будущие историки библиотек найдут время, желание и теоретическое обоснование для семиологического декодирования деятельности и дискурсов Группы Истории Библиотек и историков библиотек конца XX века. Но чтобы это произошло, нам нужно прежде всего обеспечить сохранение для их исследований дискурса под названием история библиотек. История библиотек может выжить, но для этого ей нужно соответственно развивать свои способности самокритики и адаптации.

Перевод Дубянской М.П.

¹⁸ Pauline Marie Roseneau, *Postmodernism and the social sciences: insights, inroads and intrusions* (Princeton University Press, 1992) p. 84. Чап. 4. Дает четкое определение постмодернистской истории Прекрасное представление о бытовой, микро-истории дает многоотомное издание *A history of private life*, ed. Philippe Aries and Georges Duby (Cambridge, Mass.: Belknap, 1985).

¹⁹ Эту тему исследует Michel Foucault, *Discipline and punish: the birth of the prison* (Peregrine, 1979).

²⁰ Constance Classen, David Howes, and Anthony Synnott, *Aroma: the cultural history of smell* (Routledge, 1994).

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (История создания народных библиотек)

Голубцова Ирина Анатольевна — младший научный сотрудник научно-методического отдела Российской национальной библиотеки, имеет ряд публикаций по истории библиотечного дела, неоднократно выступала на научных конференциях, ведет банк данных по истории библиотек России.

Благотворительное движение в России, как и всякий другой род общественной деятельности, имеет свою историю. Стечением времени менялся объем и характер задач благотворительности. Эти изменения обуславливались изменениями в социальном, экономическом и политическом строе страны.

В Древней Руси органами общественного призрения и благотворительности служили монастыри и приходские церкви. При них создавались первые из учреждений общественного призрения — богадельни, где могли получить помощь все бедняки. Однако благотворительное движение того времени носило частный, фрагментарный характер. Такого рода учреждения существовали только за счет единичных пожертвований.

Положение стало меняться после восшествия на престол Ивана IV (Грозного). Собравшийся в 1551 году Стоглавый Собор, среди вопросов, решавшихся им, затронул и положение благотворительности в стране, указав на необходимость упорядочения этой сферы общественной деятельности.

Но централизованная сеть благотворительной деятельности была заложена лишь при Петре I, который, преследуя нищенство и запрещая частную благотворительность, предписал духовному ведомству создать по всей стране богадельни, а магистратам — устроить для заключения профессиональных нищих-мужчин — смирительные дома, для профессиональных нищих-женщин — прядильные дома. К сожалению, план Петра I не был выполнен и был забыт на долгое время.

Продолжательницей идей Петра I стала императрица Екатерина II, которая в 1763 году положила начало воспитательным домам, а Учреждением о губерниях 1775 года ввела в состав губернских установлений особые приказы общественного

призрения (1). В этом же году частным лицам и обществам было разрешено устраивать благотворительные заведения. После вступления на престол императора Александра I в 1801 году стали учреждаться благотворительные общества.

Одним из первых стало «Филантропическое общество», возникшее в 1802 году в Санкт-Петербурге и преобразованное в 1816 году в Императорское Человеколюбивое Общество.

Однако долгое время процедура учреждения благотворительных обществ была довольно длительной и сложной — требовалось Высочайшее соизволение, что, естественно, не способствовало их росту. И лишь после 1862 года, когда процедура открытия обществ была передана в ведение Министерства внутренних дел, благотворительные общества стали активно открываться и действовать.

Санкт-Петербург, являясь столицей Российской Империи, был центром государственной и общественной жизни страны и центром благотворительной деятельности. Именно здесь находились главные управления таких важных благотворительных ведомств Императорского Человеколюбивого общества, Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах, Российского общества Красного Креста и др.

Положение столицы выделяло Петербург из ряда крупнейших российских городов. Если по всей Российской Империи до октябрьской революции 1917 года действовало более 1400 благотворительных обществ, то 334 из них располагалось в столице.

Такие общества создавались с целью «в детском возрасте ... вырастить физически и нравственно здоровых юношей и девушек, лишенных родительских забот, дав им достаточный запас знаний для удовлетворения своих нужд посредством заработка в будущем, в среднем, работоспособном возрасте, — дать такую нравственную и материальную поддержку, которая дала бы бездоленному возможность в самый короткий срок стать в такое положение, чтобы он мог самостоятельно добывать необходимые для него средства к существованию; в старческом, немощном возрасте, — спокойный приют; больным, всех возрастов, а также в случаях страдания какими-либо физическими или психическими недостатками, не имеющим своих средств, — медицинскую помощь» (2).

Прежде всего, они прибегали к созданию благотворительных заведений: богаделен, детских приютов, учреждений медицинской помощи, школ благотворительного характера, дешевых столовых, ночлежных домов, домов трудолюбия, странноприимных домов, яслей, дешевых квартир, народных читален.

Из действовавших в Петербурге благотворительных обществ большинство имели библиотеки.

Чаще всего, это были библиотеки закрытого типа и пользоваться их фондами могли только члены общества. Такое ограничение читательского контингента сказывалось на комплектовании фондов библиотек: это были издания по благотворительности (например, «Вестник благотворительности»), законодательные документы, а также литература, соответствовавшая целям общества или интересам его членов.

Так, например, в библиотеке Общества распространения просвещения между евреями в России были собраны коллекция древнееврейских рукописей, собрание уставов и отчетов богословских институтов зарубежных стран.

Библиотека Попечительства о трудовой помощи формировалась исключительно изданиями по вопросам призрения бедных, благотворительности и трудовой помощи.

Однако существовал ряд благотворительных обществ, которые преследовали цель не только и не столько оказывать материальную или иную помощь беднейшим слоям населения, а способствовать образованию и самообразованию народа путем создания библиотек и читален для народа, устройства народных чтений и лекций и т. д. Такой вид деятельности избрали для себя не только просветительно-благотворительные общества, а также благотворительные общества при городских больницах, общества трезвости и другие.

Одним из первых в Санкт-Петербурге благотворительных обществ, которые открывали народные библиотеки и читальни, было ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ДУХЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

1881 год для России был сложным. В Санкт-Петербурге убит император Александр II. В столице бродили упаднические настроения. Особенно ярко это выражалось в отношении к религии. Многие люди теряли веру в бога, в церковь, и часто следствием этого было «распущенность нравов, хищение общественных сумм, частые самоубийства, ... появление нигилистической заразы по отношению к веками сложившемуся государственному строю русской жизни» (3).

Санкт-Петербург являлся зеркалом всех противоречий того времени. Именно здесь интеллигенция, более чем где-либо в государстве, отвернулась от веры, и искала новых путей, часто поклоняясь лжепророкам.

Церковные деятели не могли примириться с таким положением вещей. Более часты стали общественные проповеди, были организованы внебогослужебные беседы при приходских церквях: в Николо-Труниловской церкви, Сергиевском соборе и др.

Это было в 1880 году. В этом же году среди духовных и светских лиц возникла идея организовать «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви» с целью «объединения столичных пастырей для религиозно-просветительной деятельности в духе св. Православной Церкви» (4).

Идеей создания такого общества проникся и первоиерарх русской Церкви, Высокопреосвященный митрополит Исидор и благословил «духовенство как можно больше сблизиться между собой и распределить церкви, очереди беседующих лиц...» (5).

И вот 4 апреля 1881 года Св. Синодом был рассмотрен и утвержден Устав. Общество было утверждено Высочайшей Государя Императора властью и взято под покровительство Высокопреосвященным митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Исидором.

Главной целью общества было распространение и утверждение во всех слоях населения столицы истин православной церкви и нравственности. Для достижения этой цели общество предполагало сделать следующее:

«а) устраивать устные, свободные для доступа всех желающих, религиозно-нравственные чтения, беседы, собеседования и лекции...;

б) печатать и распространять как произносимых в собраниях бесед, собеседований и лекций, так и иных религиозно-нравственных сочинений, которые будут признаны полезными в целях Общества...;

в) открывать бесплатные библиотеки и читальни с книжными при них складами для продажи по дешевой цене полезных книг;

г) устраивать школы и воскресные или вечерние классы для обучения детей и взрослых русской и славянской грамоте, Закону Божию и церковному пению» (6).

Членом Общества могло стать лицо православного вероисповедания, любого звания и сословия. Члены Общества делились на членов-соревнователей (лица, внесшие в пользу Общества не менее 5 рублей), пожизненных членов Общества (внесшие не менее 100 рублей), членов-деятели (лица духовного и светского звания, имеющие богословское образование и изъявившие желание вести лекции, беседы и т.д.), и почетных членов (лица, оказавшие Обществу особые моральные или материальные услуги).

Общество пользовалось особым правом, утвержденным в Уставе от 22 февраля-2 мая 1896 года Св. Синодом, приобретать и отчуждать недвижимое имущество в Санкт-Петербурге.

Уже первый год существования общества был очень плодотворен. Членами-деятелями были проведены беседы в 11 приходских церквях. Домовой Церкви Духовной Академии, общественных и читальных залах. В территориальном отношении был охвачен весь Санкт-Петербург. Беседы проводились на многих заводах и фабриках (напр. Чугунном заводе, Резиновой Мануфактуре, фабрике бр. Варгуниных) и даже за пределами города — в Гатчине и Царском Селе.

Общество не ограничивало состав своих слушателей православными. В 1886 году митрополит Исидор, принимая у себя членов Совета Общества, обратил внимание на необходимость проведения бесед с неправославными «для живаго обмена мыслей и доказательства истины православия тем, кои часто по неведению от неясности» (7).

Этот совет был принят, и уже в следующем 1887 году Совет устроил собеседования с раскольниками, которые вел иеромонах Афонского Пантелеймоновского монастыря отец Арсений. В последующие 1888-1889 годы такие беседы вел приглашенный из Казанской духовной академии профессор Н.И. Ивановский, знаток раскола и великолепный оратор.

В 1887 году было положено основание бесплатной библиотеке религиозно-нравственных книг с читальней и отделом по продаже книг. Идея организации библиотеки принадлежала светским членам Общества и была тут же одобрена Советом и приведена в исполнение под руководством одного из членов Совета протоиерея К.И. Ветвеницкого.

Основой фонда послужили книги, пожертвованные частными лицами, и издания, купленные Обществом.

Разместилась библиотека при Педагогическом Музее военно-учебных заведений в Соляном Городке. В том же году при библиотеке была открыта читальня, для которой выписывались почти все духовные журналы и некоторые епархиальные ведомости.

Было одно обстоятельство, которое причиняло много неудобств для пользования библиотекой и читальней — крошечное помещение, в котором они располагались. Однако это не мешало росту численности фонда.

Так, в 1889 году в библиотеке насчитывалось 16 тыс. книг. Любопытен тот факт, что библиотека пользовалась милостью императорской семьи. 2 февраля 1888 года духовную библиотеку посетили Государь Император с супругой и Наследником Цесаревичем, после осмотра Александр III выразил свое одобрение деятельности Общества.

Библиотекарями духовной библиотеки были члены Общества. Среди них протоирей К.И.Ветвеницкий, протоиерей М.И.Соколов (именем которого с 1902 года стала называться библиотека), выпускник Духовной Академии А.С.Шишов и др. Вышли два печатных каталога этой библиотеки — в 1890 и 1894 году.

14 ноября 1897 года при Воскресенской церкви (Обводный канал, 116), Обществом было организовано Александро-Невское общество трезвости, при котором была открыта библиотека с фондом 3252 тома.

При библиотеке также была читальня и склад с продажей книг. Обязанности библиотекарей исполняли настоятель этой церкви П.А.Миртов и священник А.В.Рождественский.

В начале XX века была открыта библиотека при церкви Иоанна Предтечи.

Все библиотеки действовали до 1917 года, как и само Общество.

Другим таким благотворительным обществом было САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО ТРЕЗВОСТИ, начавшее свою деятельность 22 апреля 1890 года. Устав Общества утверждался дважды: 9 марта 1890 года и 19 января 1896 года.

Общество было организовано с целью противодействовать пьянству среди населения в г.Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии.

Для достижения данной цели Общества открывали чайные, столовые, читальни, библиотеки, певческие хоры, если позволяли средства, то — лечебницы для пьяниц, а также распространяли в народе книги и брошюры нравственного содержания, устраивали различные беседы и увеселения, организовывали отделы и кружки для трезвенников.

Почетным Председателем Общества был И.И.Сергиев (Иоанн Кронштадский). В члены общества принимались «лица обоего пола, всех вероисповеданий, званий и сословий», непременным условием для членов общества был отказ от употребления спиртных напитков.

В члены общества не могли вступить владельцы винокуренных, водочных и пивоваренных заводов и лица, владеющие питейными заведениями.

Одним из распространенных способов борьбы с пьянством было создание народных читален, библиотек и чайных. Устройство библиотек и читален разрешалось только при точном соблюдении ст. 175 Устава о цензуре и печати издания 1890 года и утвержденных Министерством Внутренних Дел 15 мая 1890 года правил о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними.

При Санкт-Петербургском обществе трезвости существовала Постоянная комиссия по устройству чайных и столовых, занимавшаяся созданием и курированием чайных и читален, созданных на средства Общества трезвости. Председателем Комиссии был член Комитета Общества В.В.Муравьев-Апостол-Коробьин. Создание читален, формирование их фондов и проведение различного рода лекций, народных чтений и т.п. мероприятий согласовывалось с благотворительно-просветительным обществом «Помощь в чтении больным и бедным».

Обществом трезвости и Постоянной комиссией было создано в Санкт-Петербурге и губернии 17 чайных и столовых, при которых были читальни. В Санкт-Петербурге было 15 чайно-читален, многие из них были открыты летом 1892 года во время холерной эпидемии в столице.

Шесть из них после окончания эпидемии были закрыты. Однако остальные стали работать еще активнее: летом они открывались в 4 часа утра, а зимой в 6, а закрывались они в 10 часов вечера.

В читальнях регулярно проводились народные чтения, лекции о вреде пьянства, особым интересом у посетителей чайных и столовых пользовались народные чтения

с туманными картинами. По мере необходимости чайные превращались то в народные театры, то в аудитории для духовных бесед и всенощных и прочих богослужений.

Дело народного образования занимало и крупных промышленников, которые были заинтересованы в квалифицированных кадрах.

В связи с этим интересна деятельность НЕВСКОГО ОБЩЕСТВА УСТРОЙСТВА НАРОДНЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ. Общество было основано в 1891 году с целью содействовать доставлению местному недостаточному рабочему населению нравственных, трезвых и дешевых развлечений» (8). Устав Общества был утвержден 9 сентября 1891 года.

Общество устраивало народные гулянья, чтения, концерты, спектакли и танцевальные вечера за минимальную плату. Также Обществом практиковалось открытие библиотек и читален для народа.

Однако, к сожалению, район деятельности Общества ограничивался Шлиссельбургским участником пригорода Санкт-Петербурга.

Членами Общества могли состоять лица обоего пола, без ограничения. Исключение составляли лица, ограниченные в правах по суду; несовершеннолетние; учащиеся в учебных заведениях; содержатели трактирных, питейных и т.п. заведений; состоящие на действительной военной службе нижние чины и юнкера.

Народные библиотеки Общества были открыты по инициативе и на средства купца, фабриканта, общественного деятеля и библиофила В.А.Варгунина. Первая библиотека была открыта 2 сентября 1893 года на Шлиссельбургском тракте, 23 (здание театра). Фонд библиотеки был богатый — в 1897 году он составлял 13678 экз., а в 1898 году — 18186 экз., такое обширное собрание было редкостью для народных библиотек. Читальня посещалась довольно активно: в 1897 году ее посетило 7592 читателя.

Вторая народная читальня была открыта тремя годами позже — 2 сентября 1896 года на Шлиссельбургском тракте, 64. В 1899 году в библиотеке побывало 998 читателей, а книговыдача составила 16000 экз.

Пользоваться библиотекой могли как рабочие Шлиссельбургского участка, так и лица более зажиточные: служащие на заводах, фабриках и других местных учреждениях, летние дачники и другие.

В читальню допускалось население с пятнадцатилетнего возраста для чтения книг как в помещении читальни, так и на дому (домой выдавалось не более одного тома). За чтение книг на дому полагалась ежемесячная плата, определяемая Комитетом Общества. Книги дороже 10 рублей на дом не выдавались. Каждый читатель, берущий книги на дом, должен был внести залог в размере одного рубля или поручительство.

Поручительства принимались от следующих категорий лиц:

- 1) от священнослужителей;
- 2) от служащих на государственной и общественной службе;
- 3) от лиц, служащих в администрации частных учреждений;
- 4) от хозяев фабрик, заводов, мастерских и промышленных заведений;
- 5) от домовладельцев;
- 6) от хозяев за прислугу;
- 7) от членов Невского Общества устройства народных развлечений (9).

Поручитель нес материальную ответственность за своевременное возвращение книг в читальню, а также за порчу и потерю книг читателем. Поручение выдавалось сроком на шесть месяцев и после истечения этого срока, по усмотрению поручителя, возобновлялось или нет.

Открытие Обществом читален было горячо встречено и поддержано интеллигенцией Невского района: учительница воскресной школы Фарфоровского попечительства А.И. Мещерякова, врач Невской фабричной больницы Д.П. Никольский, брат известного фабриканта, купца и мецената Н.А. Варгунин — работали сотрудниками этих библиотек.

Но самой активной и плодотворной была деятельность ОБЩЕСТВО «ПОМОЩЬ В ЧТЕНИИ БЕДНЫМ И БОЛЬНЫМ».

Общество «Помощь в чтении бедным и больным» возникло в Санкт-Петербурге в 1896 году.

Оно создавалось с целью содействия внешкольному образованию народа путем рассылки книг в читальни и больницы, устройства читален и библиотек, организации народных чтений.

Как всякое благотворительное учреждение, данное общество создавалось за счет пожертвований и средства его были ограничены, поэтому поначалу деятельность общества ограничивалась устройством склада из пожертвованных книг и передачей этих книг в пользование различным учреждениям.

Весьма оригинален способ сбора пожертвований: «с разрешения надлежащих властей правление выставило ящики: при здании публичной библиотеки, окружного суда, института инженеров путей сообщения, по желанию представителей студенческой библиотеки института, при университете, городской думе и внутри здания вокзала николаевской железной дороги» (10).

Таким образом было пожертвовано 1794 книги только за первый год деятельности общества. Также большую часть ассигнований составляли деньги членов правления. Возглавлял его в ту пору профессор П.Ф. Лесгафт.

Деятельность общества постепенно расширялась: в 1897 году при правлении общества были созданы три комиссии — библиотечная, комиссия по устройству народных чтений и комиссия по заведыванию книжным складом. И с этого же года по всему Санкт-Петербургу начинаются открываться библиотеки и читальни для народа.

Первыми были библиотека при столовой В.Н. фон-Дервиз (1898 год — фонд 400 экз., 1899 — фонд 963 экз.), библиотека при сталелитейном Александровском заводе и две библиотеки при Путиловском заводе: одна была открыта в декабре 1896 года при школе технического общества, а вторая — в 1897 году по Петергофскому шоссе д. 69 (1897 год — фонд 487 экз.).

Несмотря на то, что фонды библиотек были крайне бедны и ограничены Правилами от 15 мая 1890 года, читателей у библиотеки были и немало. Так, например, в библиотеке столовой фон-Дервиз в 1898 году было 645 читателей, в 1899 — 991 читатель (11).

«Читатели приходят к часу открытия библиотеки: не успеют дежурные отворить двери и просмотреть имеющиеся в шкафу книги, как пред столом стоит толпа оживленных читателей и наперерыв заявляют свои требования.

Дежурные едва успевают удовлетворять их требования и выслушивать отзывы о прочитанных книгах, стараясь в то же время сохранять необходимую тишину и порядок» (12). Да и в сотрудниках нужды не было, в той же библиотеке фон-Дервиз библиотекарями работали Е.Н. Агафонова, Е.П. Волосанова, Е.А. Михайлова, Н.А.-Козловский. К сожалению, история сохранила лишь их имена.

Всего за время своей деятельности Общество «Помощь в чтении бедным и больным» открыло в Петербурге 16 библиотек в различных районах города в том числе Ружейная ул., 8; В.О., 24-я линия, 5; Обводный кан., 167; Б.Охтинский пр., 128.

Многие библиотеки работали при заводах и фабриках, например, при фабрике Хаймовича, Северной Ткацкой мануфактуре, заводе Сименса и Гальске, заводе Вульмана и др.

Таким образом, в Санкт-Петербурге благотворительными обществами была создана сеть библиотек и читален для народа.

Народные библиотеки являлись центрами образования и, прежде всего, самообразования населения, учреждениями, где всегда можно было получить ответы на многие вопросы: по законодательству, технике, сельскому хозяйству и многим другим.

Библиотеки для народа, созданные благотворительными обществами были одним из распространенных типов народных библиотек и, безусловно, по всей Российской империи такие учреждения, созданные по инициативе и на средства различных благотворительных обществ были необходимы и перспективны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия: Энциклопедический словарь. - Л, 1991. - С. 421
2. Благотворительность в России. — СПб., 1907. Т. 1. С. 3
3. Общество религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. 1881 4/IV-1891 гг. СПб., 1891. - С. 1-2
4. Там же. С. 2
5. Там же С. 3
6. Устав Высочайше Утвержденного 4 апреля 1881 года Общества распространения в духе Православной церкви. СПб., 1911. - С. 1
7. Общество религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. 1881 4/IV-1891 гг. СПб., 1891. - С. 7
8. Устав Невского Общества устройства народных развлечений. - СПб., 1891. - С. 3
9. Правила читальни Невского Общества устройства народных развлечений. СПб., 1891. - С. 3
10. Хроника народных библиотек // Русская Школа. 1900. № 5-6, пед. хроника. - С. 49
11. Там же. С. 49
12. Общество «Помощь в чтении больных и бедным» в Петербурге // Мир божий. 1898. № 12. - Отд. 2. - С. 25-26

*«В декабрьский день,
открытый, как страница»*

6 декабря 1996 г. исполнилось 70 лет Елене Владимировне Иениш — одному из видных представителей петербургской библиотечной школы. Библиограф, библиографовед, специалист по проблемам справочно-библиографической деятельности научных библиотек, методики подготовки и использования библиографических и реферативных изданий, информационно-библиографической подготовки специалистов, удовлетворения их информационных потребностей, взаимодействия традиционных и автоматизированных средств библиографического поиска — Елена Владимировна известна многим библиотечным работникам. Она автор 87 научных работ, в числе которых справочники, главы коллективной монографии, статьи, программы, рецензии, практические пособия, в которых разработаны новые принципы и подходы к справочно-библиографической деятельности библиотек, стратегии и тактике библиографического поиска и подготовки изданий, обучению пользователей.

Судьба не баловала Е.В. Иениш, как и многих других людей, родившихся в первые десятилетия Советской власти.

Сильно проявляющееся и, видимо, генетически заложенное у многих жителей нашего города стремление к воле, простору, четкости и порядку — направленность личностной ориентации Е.В. Иениш.

Отсюда, связь с Петербургом не только по праву рождения и профессиональной деятельности (она родилась за Невской заставой на берегу Невы в Бертовском переулке 6 декабря 1926 г.), но и более глубинная, обусловленная двумя поколениями ее предков-петербуржцев. Более дальние «корни» Елены Владимировны восходят к прапрадеду — немцу-переплетчику, приехавшему в Россию в 1818 г. и прадеду — военному лекару, участнику обороны Севастополя, получившему в 1850 г. потомственное дворянство.

Дед — участвовал в кругосветном плавании 1886 — 1889 гг. на корвете «Витязь» с адмиралом С.О. Макаровым, командовал броненосной лодкой «Русалка», был морским артиллеристом, занимался теорией артиллерийской стрельбы, имел печатные работы. 7 сентября 1893 г. при переходе из Ревеля в Кронштадт при невыясненных обстоятельствах судно и все моряки погибли.

Об этом трагическом событии напоминает памятник «Русалка» над Таллинским заливом. Бабушка, оставшись одна с четырьмя детьми, отдала двоих старших сыновей в Морской корпус. Так, отец Елены Владимировны, Владимир Викторович (1882 — 1969) стал морским офицером. Служил, участвовал в обороне Порт-Артура. В 1906 г. вместе с братом, в знак протеста против участия моряков в подавлении

восстания в Свеаборге, покинул военный флот. Закончил Льежский университет, вернулся в Россию и поступил на Обуховский завод инженером-электриком. Здесь познакомился с чертежницей Еленой Фадеевной Субич (1889 — 1965).

В семье Елена Владимировна была пятым, младшим ребенком (четверо старших детей — сводные братья и сестры от первых браков отца и матери). В 1935 г., когда маленькой Елене было 8 лет и она училась в первом классе, началась (после убийства С. М. Кирова) социальная чистка и массовая волна высылки «социально чуждого элемента». Отца арестовали.

После нескольких дней пребывания в тюрьме, отец как «бывший дворянин и морской офицер» получил предписание в трехдневный срок с семьей покинуть Ленинград и отправиться на жительство в Башкирию. Семья в полной мере пережила весь ужас высылки, через который прошли многие люди в те годы.

Учеба в школе обуславливалась местом работы отца, а ему пришлось работать чернорабочим на кирпичном заводе, инженером в тресте Башзолото, главным механиком на суконной фабрике рабочего поселка Нижне-Троицк Туймазинского района Башкирии. Там в 1944 г. закончила Елена Владимировна среднюю школу. Поскольку семье было запрещено возвращаться в Ленинград — пришлось устраивать свою жизнь в Башкирии. Елена Владимировна работала в прядильном, затем в ткацком цехах Нижне-Троицкой суконной фабрики, в 1944 — 1945 гг. преподавала физику, военное дело, астрономию в Нижне-Троицкой средней школе, с октября 1945 г. по июль 1946 г. она — ученик электромонтера на фабрике «Красный Октябрь» Пензенской области. В стране шла демобилизация, из армии возвращались мужчины. Надо было выбирать профессию на всю жизнь. И Елена Владимировна ее выбрала. В сентябре 1946 г., сдав все вступительные экзамены на «5», она становится студенткой библиографического факультета Московского государственного библиотечного института.

Елене Владимировне посчастливилось учиться у Е. И. Шамурина, К. Р. Симона, Б. С. Боднарского, М. П. Гастфера и других выдающихся педагогов, обеспечивающих высокопрофессиональный уровень института. Там же, на зачете, Елена Владимировна познакомилась с И. К. Кирпичевой. Эту дружбу и профессиональное содружество они пронесли через многие десятилетия.

В январе 1950 г. Елена Владимировна переезжает в Ленинград и на последний перед выпуском семестр переводится в Ленинградский библиотечный институт. Этот переезд связан прежде всего с тем, что матери, перенесшей инфаркт, и брату-инвалиду разрешили вернуться в Ленинград и им требовалась помощь (отцу вернуться не разрешили, он был реабилитирован только в 1989 г. посмертно).

Еще будучи студенткой, с рекомендательным письмом Б. С. Боднарского, в мае 1950 г. Елена Владимировна начинает работать помощником библиотекаря Центральной справочной библиотеки ГПБ. С тех пор и до настоящего времени вся ее жизнь связана с ГПБ-РНБ.

С августа 1950 г. по 1955 г. она библиотекарь, библиограф, старший библиограф, с 1955 г. по 1964 г. — главный библиограф, заведующая группой техники консультационно-библиографического (позднее справочно-библиографического) отдела ГПБ. В эти же годы (1951 — 1955) учится в заочной аспирантуре ГПБ (до сентября 1954 г.), а с 1 сентября 1954 г. — ЛГБИ.

Досрочно (в 1955 г.) Елена Владимировна подготовила и защитила кандидатскую диссертацию на тему «Библиографирование технической литературы в изданиях Всесоюзной книжной палаты». С 1964 и до ухода на пенсию (1983) она — главный библиограф, затем старший научный сотрудник отдела библиотековедения и биб-

лиографии ГПБ (отдел менял свое название, ныне — это научно-исследовательский отдел библиотековедения). Везде Елена Владимировна оставила о себе добрую память. Ее уважали за высокий профессионализм и мастерство, прислушивались к ее мнению.

В 50-е годы она — один из активных участников проведения (под руководством И.К. Кирпичевой) первых семинаров по основам библиотечно-библиографических знаний для читателей ГПБ. Многие читатели нашей библиотеки помнят серьезного и немногословного библиографа, стремящегося ответить на любой самый сложный и неожиданный запрос.

В 60-е — 80-е гг. Елена Владимировна среди основных организаторов крупнейших общероссийских комплексных исследований «Библиотека и научная информация» и «Общие проблемы оптимизации функционирования библиотечных систем». Она — создатель фундаментальных отечественных справочных пособий «Библиография иностранных библиографий по технике» (М., 1968. 379 с.), «Ретроспективный поиск технической литературы» (М., 1980. 229 с.), «Библиографический поиск в научной работе» (М., 1982. 247 с.), явившихся ценным источником сведений о библиотечно-библиографических ресурсах страны и сыгравших значительную роль в деле научно-информационной подготовки специалистов.

Была одним из основных авторов и редакторов коллективной монографии «Специалист — библиотека — библиография», «Сборников материалов в помощь разработке проблемы «Библиотека и научная информация»». Статьи Елены Владимировны часто появлялись в ведущих профессиональных журналах «Сов. Библиография», «Научные и технические библиотеки СССР», «Научно-техническая информация», «Сов. Библиотековедение», а также в трудах ГПБ и ЛГБИ им. Н.К. Крупской. Ряд статей переведен на польский язык.

Заслуги Елены Викторовны признаны не только читателями и коллегами, но также отмечены государственными наградами. Она награждена медалями «В память 250-летия Ленинграда» (1958), «Ветеран труда» (1983), «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» (1995), значком МК СССР «За отличную работу», грамотами МК СССР, МК РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, ГПБ (1963, 1970, 1974, 1977).

Елена Владимировна по-прежнему продолжает трудиться в родном отделе. Ею подготовлен фундаментальный и максимально полный библиографический указатель «Ираида Константиновна Кирпичева» (СПб.: 1996. — 67 с./РНБ). Неоценима ее помощь как библиографа-консультанта.

Сдержанная в эмоциях, строгая прежде всего к себе, к окружающим часто снисходительная, Елена Владимировна всегда готова подать дельный совет, предложить разумный, наиболее оптимальный выход из любой ситуации, поддержать и помочь — те качества, которые всегда ценились и продолжают цениться ее коллегами и учениками.

Петрусенко Татьяна Викторовна — канд. пед. наук, зав. отделом комплектования Российской национальной библиотеки, член правления Петербургского библиотечного общества

**ВОСПОМИНАНИЯ Е. В. ИЕНИШ
О ГРУППЕ ТЕХНИКИ КОНСУЛЬТАТИВНО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
*начала 50-х годов***

О справочно-библиографической работе ГПБ в послевоенные годы довольно подробно писал Я. И. Хотяков¹, работа именно группы техники к 1960-м годам кратко была охарактеризована мной². Но это — юбилейные материалы без упоминания наших бед, без упоминания людей группы, в которую мне посчастливилось попасть, похоже, в лучшую ее пору.

Окончив в 1950 г. библиографический факультет (де-юре ЛГБИ, де-факто МГБИ, так как в ЛГБИ была лишь написана последняя курсовая, да сданы госэкзамены), я стремилась к справочно-библиографической работе — по-моему, самой живой, интересной и сложной из библиотечных занятий. Однако в ту пору в консультационно-библиографический отдел (КБО) ГПБ принимали преимущественно специалистов соответственно отраслевому профилю групп, а в группу техники — еще и с хорошим знанием как минимум английского и немецкого языков.

Библиотечные институты тогда не готовили к библиографической работе с иностранной литературой — на занятиях единственным иностранным языком главным образом зубрили грамматику, переводу внимание не уделялось.

О гуманитарных группах КБО нечего было и мечтать, в отделе кадров была очередь из желающих попасть туда специалистов. А в группе техники была вакансия, и заведующая ею Л. В. Зильберминц рискнула меня взять. Позднее она, смеясь, рассказывала мне, что ей так нужно было поскорее получить дежурного, что она готова была принять любого, кто мог отличить теллоход от парохода. Принимая кандидатов в группу на дежурстве, она отвлекалась от беседы с ним на разговор с читателем и при этом наблюдала за поведением кандидата. Если сядет сложа ручки и будет терпеливо ждать, беседа кончится отказом. Если же начнет смотреть справочники на полках свободного доступа или каталоги, то у нее возникал интерес к нему. Приняв, Зильберминц отдала меня под опеку опытного сотрудника группы В. Н. Струлевой, под руководством которой мне пришлось и проходить стажировку на дежурствах, и работать в дальнейшем, так как в январе 1951 г. она вновь стала заведовать группой. В 1950 г. в группе было трое главных библиографов. Л. В. Зильберминц, руководившая группой в 1949-1950 гг. — филолог, отлично знавшая английский, немецкий и французский языки, переводившая и с итальянского, более 8 лет после окончания ЛГУ работала переводчиком, референтом, библиографом в технических библиотеках, одной из первых аспирантов ГПБ защитила в 1948 г. кандидатскую диссертацию. В. Н. Струлева, также филолог, бестужевка, работала в

¹ История государственной ордена Трудового Красного знамени Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. - Л., 1962. — С. 338-346.

² Библиографическое обслуживание читателей технической литературы в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина // Техн. Б-ки СССР. — 1963. - № 10. — С. 32-34.

ГПБ с 1916 г., с 1927 г. — в Справочно-библиографическом бюро, заведовала группой в 1939-1948 гг. и далее в 1951-1954 гг. Е.М. Соловейчик училась на физмате Бестужевских курсов, хотя и не закончила их, уйдя в 1915 г. медсестрой в отряд Всероссийского земского союза, училась потом в Ленинградском заочном химическом институте, работала статистиком и экономистом в ряде организаций, в ГПБ с конца 1934 г. Как и Струлева, проработала в ней всю войну, в послевоенные годы занималась в экстернате ЛГБИ, была настоящим полиглотом — знала французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, латынь.

Редакторы и старшие библиографы также имели немалый опыт и знания. Еще в 1938 г. пришел в ГПБ старейший по годам гидротехник Б.Я. Марков, имевший большой опыт изучения и реферирования технической литературы на английском, немецком, французском, итальянском языках в НИИ гидротехники.

По окончании библиографических курсов ГПБ с 1940 г. работала инженер-экономист Н.Л. Гибш, также хорошо знавшая эти же языки и около 8 лет работавшая на ряде предприятий экономистом, плановиком. С 1939 г. в группе работала О.Н. Флоринская, учившаяся в химико-технологическом институте, хотя и не закончившая его по семейным обстоятельствам; она знала французский, немецкий, английский, имела опыт подготовки ряда печатных библиографических указателей.

В 1946 г. пришла инженер-текстильщик А.М. Гарбер, потерявшая во время бомбежки санпоезда правую руку. Очень скромный человек, она уже не могла работать на производстве и не стремилась к административной карьере, окончила библиографические курсы, занималась английским языком. Выполненные ею запросы почти не требовали редактирования. В 1947 г. пришли два библиографа с хорошей языковой подготовкой, опытом работы в технических библиотеках и учебы на ряде технических курсов. Обе учились в экстернате ЛГБИ; и сдержанная, методичная Л.Н. Зубова и порывистая, темпераментная С.Б. Шпетнер были очень надежными, добросовестными работниками.

В группе была прекрасная атмосфера дружного коллектива зрелых, дисциплинированных, по-настоящему интеллигентных людей, занятых трудным, но нужным делом. Лучшей обстановки для новичка и желать было нельзя. Конечно, с этими людьми и продолжать работу было хорошо.

Позднее, в середине 1955 г. после защиты кандидатской диссертации меня, младшую в группе и годами и опытом, назначили заведовать ею. И кое-кто из других отделов не без некоторого злорадства спрашивал — небось, трудно со Струлевой и другими «зубрами»? Нет — и в этой достаточно сложной для меня роли именно старшая часть группы не только не причиняла мне никаких неприятностей, но и была надежной опорой, помогала во всем... Это было традицией группы — все охотно делилось опытом и знаниями, помогая друг другу. А помощь такая была очень важна.

Почти по всему широкому тематическому профилю группы — от физико-математических, химических, геологических наук до всех отраслей техники и производства — не хватало словарей и справочников, литература же многих из этих отраслей отличалась сложной терминологией, была труднодоступной для непосвященных.

Хотя яблоком раздора могло бы стать хотя бы еженедельно составляемое расписание с не всем удобными вечерними и в единственный тогда выходной дежурствами, не помню никаких конфликтов, кроме порой возникавших споров между Струлевой и Флоринским. Но это были сугубо методические конфликты двух основных предметизаторов печатной карточки на журнальные статьи — например, по поводу применения инверсии в рубриках.

Струлева была начальником и наставником требовательным, неодобрение свое

высказывала жестко и прямо, но не унижая провинившегося, ее очень уважали и в меру побаивались. Всегда помогало сочетание требовательности и доброжелательности Струлевой, и это во многом определяло деловую атмосферу в группе. На дежурствах, в работе над письменными запросами все настойчиво искали нужное — литературу по теме запроса, книгу или статью забытого читателем автора, расшифровку загадочного сокращения, разъяснение термина, зарубежный журнал или книгу по сводному каталогу. Был какой-то хороший заразительный азарт в этой работе — найти, обязательно найти нужное. О нынешних штампах типа «По данным сведениям в РНБ не поступало» и помыслить было невозможно.

У заведующего группой была еще обязанность методического руководства и в какой-то мере контроля за работой внештатных исполнителей наиболее трудоемких платных запросов. К выполнению их привлекали желавших подработать опытных библиографов других библиотек, инженеров, пенсионеров. Это позволяло делать сложные списки большого объема, которые хорошо пополняли фонд выполненных запросов и часто использовались в дальнейшем. Но и хлопот с ними было немало.

По получению такого запроса, заведующая или кто-то из опытных библиографов проводили предварительную разведку, стараясь примерно определить объем и стоимость будущего списка и сообщал стоимость заказчику, требуя гарантийное письмо на оплату.

Затем договаривались с исполнителем, впоследствии такие списки приходилось силами группы редактировать и нередко в известной мере проверять. Беда была в том, что по утвержденным в Москве расценкам — а в ту пору решенное в центре пересматривались никак не удавалось — исполнитель зарабатывал главным образом на библиографических описаниях с аннотациями, за просмотр же всех источников независимо от трудоемкости этого просмотра платили гроши. Это порой соблазняло исполнителей облегчать себе задачу, не просматривая полностью все указанные в перечне использованные источники. Приходилось и редактировать библиографические описания, и выборочно проверять полноту отбора. Таким образом, и в платные запросы, которых не было у других групп, приходилось вкладывать немало сил.

К этим работам, для всех очевидно нужным, добавлялись еще и труды над рекомендательными списками, которые по указаниям свыше должны были выполняться в строго определенном немалом количестве. Делать их было значительно легче, чем выполнять многие письменные запросы — в них включалась тогда обычно легко выявляемая литература на русском языке. Однако принимались за них мои коллеги, похоже, не очень охотно — думаю, это было связано со вполне обоснованными сомнениями в их нужности. Действительно, спрос на эти списки обычно был очень слабый, в отличие от спроса на списки, выполненные по запросам. Последние широко использовались на дежурствах, их копии заказывали различные организации. Любопытно, что вскоре начавшая работу в ГПБ московская аттестационная комиссия называла составление реферативных «наиболее квалифицированной работой», которой мне и пришлось более всего заниматься в первый год работы...

Дежурства в НЧЗ и ОЧЗ, отличаясь по характеру запросов, были в большинстве случаев довольно напряженными, нередко все четыре часа дежурный проводил на ногах, в походах в каталоги, особенно к наиболее широко используемому нами предметному, в ЦСБ, где в то время еще не появилась крайне неудачная для этого фонда форматно-хронологическая расстановка и библиографы имели свободный доступ к полкам, в журнальный зал и т. д.

Затрудняло работу также слабое развитие отечественной справочной литературы, особенно терминологических словарей, справочников по оборудованию, материалам, двуязычных отраслевых словарей и т.п.

Также как силы крупнейших библиотек с коллективами высококвалифицированных библиографов шли преимущественно на подготовку рексписков-однодневок, так и солидные наши отраслевые издательства очень редко выпускали фундаментальные справочники. Так, в годы запоздавшего у нас развития производства и применения пластмасс каталоги и картотеки переполнились описаниями по сути пропагандистского характера брошюр и статей. А найти подробную характеристику их многочисленных отдельных видов, так необходимую для рационального их применения, долго было очень трудно из-за почти полного отсутствия соответствующих справочников. Оборванное войной на первом томе второе издание «Техническая энциклопедия» так и не было продолжено, не было энциклопедий и по большинству отраслей техники. Тяжелым стал для группы 1951 год. В середине января Л.В. Зильберминц стала и.о. зам. заведующего КБО, а в апреле мы потеряли еще двоих прекрасных работников.

В стране развертывалась кампания антисемитизма, закамуфлированная под борьбу с «безродным космополитизмом и низкопоклонством перед Западом», в ГПБ прибыла из Москвы аттестационная комиссия. От ее трудов мы потеряли главного библиографа Е.М. Соловейчик, ст. библиографа Н.Л. Гибш, была незаслуженно понижена в должности С.Б. Шпедер. У Соловейчик в 1920 г. за границу уехали отец и брат, а сама она в 1922-23 гг. в Одессе работала секретарем и статистиком Американского общества помощи «Джойнт». У Гибш родители в 1914 г. эмигрировали в США, но хотя они и вернулись в 1921 г., в возрасте с 5 до 11 лет могла она завязать опасные связи...

Разумеется, об этих, очевидно, основных причинах в документах не говорилось, но сохранившиеся в их личных делах вопросы членов комиссии не оставляют сомнений в этом. В выводах комиссии они обвинялись в отсутствии политической подготовки, чрезмерных затратах времени на письменные запросы, отсутствии выполненных рексписков... Разумеется, в группе старались рационально использовать таких полиглотов, как Соловейчик и Гибш, на работе со сложными зарубежными источниками. Гибш, опасаясь увольнения с худшей формулировкой сама подала заявление об уходе после проработки на комиссии и понижения в должности. Соловейчик уволили «по несоответствию государственным квалификационным требованиям». Она потребовала разбора на РКК (расценочно-квалификационная комиссия), ссылаясь на отсутствие претензий в ее работе и многочисленные благодарности в течение 16 лет.

В протоколе сохранились аргументы кадровика: «...у Вас нет научных работ, нет ученой степени и даже нет законченного высшего образования» (она была на 4-м курсе экстерната ЛГБИ, в экзаменационном листе — одна четверка, остальные — пятерки). Благодарности? «Благодарностями у нас швырялись, например, Вам благодарности выносили по 4 раза в год, хотя Вы ничего нового в науку не вносили». Что из того, что подготовку рексписков легко осваивают еще во время учебы и не самые прилежные студенты — это «вклад в науку», как и печатные списки новых поступлений... А ведь по сути дела поиск литературы по сложным, мало освещенным в печати вопросам представляет собой анализ проблемной ситуации, то есть важную стадию научной работы.

Помню, в 1957 г., по возвращении в группу, Гибш не могла сразу найти ответ на запрос об искусственном асбесте. Мы запросили соответствующий НИИ и получили

ответ, что никто в мире этим не занимался. А тем временем Гибш нашла-таки 10 зарубежных работ об экспериментах на эту тему...

Перед уходом Соловейчик и Гибш еще работали положенные две недели¹. И похоже, не только мне мучительно стыдно было, что мы не можем их защитить. Опыт тех, отнюдь не «вегетарианских» времен четко свидетельствовал, что любая попытка коллективного протеста могла лишь еще более повредить уходящим, ведь это было бы сочтено за ими же организованное «антисоветское выступление». И, разумеется, пострадали бы не только они и мы, но и наши близкие. Струлева ходила мрачной, но она была очень трезвым человеком и ясно сознавала свое бессилие. Какое-то тяжелое молчание воцарилось в группе.

Мне никогда не забыть этих тягостных недель, показавших, между прочим, как разобщали и обессиливали людей те времена... Слабым утешением позднее для меня стало то, что уже в постсталинские времена, заведя группой, после многократных изнурительных бесед с тем же кадровиком я смогла убедить его в необходимости вернуть Гибш, чтобы укрепить опытным, знающим языки инженером и библиографом группу, уже сильно разбавленную выпускниками ЛГБИ, отнюдь не полиглотами. Для Соловейчик мне ничего сделать не удалось — уже на уровне дирекции не смогла получить даже разрешения на ее внештатную работу по счетам над платными запросами — без объяснения причин. Правда, платные запросы у нас она все же делала, только списки и счета подписывала не Соловейчик, а ее приятельница...

Кампания борьбы с низкопоклонством перед Западом внесла изменения и в тематику запросов. Ранее они были связаны главным образом с научными исследованиями, практическими задачами восстановления народного хозяйства после войны, развитием различных отраслей производства. В 1951-1953 гг. на нас обрушился каскад «приоритетных» запросов. История российской техники, весьма слабо разработанная в литературе, стала темой № 1. Эти запросы не были очень сложны, но из-за нехватки биографических словарей, сводных указателей к журналам и т.п. некоторые оказывались весьма трудоемкими и, к сожалению, нередко были связаны с натужными попытками установить российский приоритет и там, где его заведомо нельзя было искать. В ту пору издательства стали дружно требовать от авторов учебников и различных книг изложить хотя бы на одной-двух страницах историю отрасли, производства, а авторы, в свою очередь, шли к нам за соответствующей литературой. Студенты же оснащали свои курсовые и дипломные работы историческими справками. Однажды в ОЧЗ юный винодел, очевидно, краем уха что-то слышавший о том, что в Новом Свете под Судаком развивали производство шампанского, просил у меня справку о литературе по российскому приоритету в производстве шампанского. Ждали нас и сюрпризы в любимом нами предметном каталоге — в борьбе с «низкопоклонством» менялись в рубриках десятилетиями установившиеся термины. Вместо ватеров появились «прядельные машины непрерывного действия», вместо двигателей Дизеля — «двигатели с воспламенением от сжатия»... Сколько лишней работы приносили эти доходившие до абсурда кампании — то вместо разукрупнения перегруженных разделов каталогов, совершенствования предметных указателей к систематическому каталогу и т.п. переделывались рубрики на сотнях карточек и разделителей, то параллельно читательскому системати-

¹ Впереди у них, как и у других уволенных из ГПБ, были тяжкие поиски работы... Соловейчик помогла Егоренкова, работавшая уже в библиотеке Военно-Медицинской академии. Гибш после долгих мытарств лишь осенью нашла работу в школьной библиотеке.

ческому каталогу создавался особенный каталог «Научно-технический прогресс».

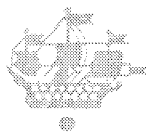
После потери в 1951 г. Зильберминц, Соловейчик и Гибш трудности с кадрами стали для группы хроническими. Сложности работы с литературой многих отраслей техники заставляли искать инженеров, но подавляющее большинство их плохо приживались у нас. Как правило, почти все, подыскав себе более интересную или выгодную работу, оставляли библиотеку через год-два. С некоторыми мы и сами рады были расстаться побыстрее. По моим наблюдениям, особенно тяготили их дежурства с широчайшим тематическим и видовым спектром запросов. Некоторые на первых порах просто стеснялись появляться на месте дежурного, старались прятаться за стеллажами при подходе читателя, особенно знакомого. Был и такой, что без всяких колебаний упорно во всех случаях поиска читателем отечественной журнальной статьи совал ему осввоенную им «Летопись журнальных статей».

Одна средних лет дама-радиотехник порой исчезала с дежурства на добрый час. Уволившись после неоднократных упреков по этому и другим поводам призналась откровенно: более всего к поступлению в ГПБ ее склонила близость Гостиного Двора и Пассажа, в отраслевом НИИ, где она раньше работала, никто не придирался к ней за 2-3 часа отсутствия на рабочем месте, а тут никакого понимания... Несколько лет проработал кандидат технических наук Б.Н.Ржонсницкий, автор нескольких книг и статей 1937-1987 гг. О видных деятелях науки и техники, даже сменил ненадолго отдавшую ему бразды правления Струлеву на посту заведующего группой. Но и он ушел вскоре в 1955 г. Были, конечно, и исключения. Быстро и сравнительно надолго стал полезным работником в 1960 г. отставной артиллерист В.Д.Белоусов. По основному образованию он был преподавателем истории, человеком с широким кругом интересов. Вероятно, работа в библиотеке с возможностью смотреть постоянно новинки, пользоваться абонементом для таких людей достаточно привлекательна. Но их, к сожалению, мало среди инженеров.

Между тем закон 1956 г. о пенсиях еще более ослабил коллектив. В 1957 г. ушла старейшина группы Струлева, в 1958 — надежнейшая Зубова, затем Марков... С уходом большинства опытных работников, усилением текучки изменилась и атмосфера в группе, начали возникать конфликты. Кое-кто из молодых склонен был видеть в старших не столько людей, у которых можно было многому научиться, сколько тех, кому пора на пенсию, чтобы освободить должности с более высокой зарплатой. Но при всей недостаточности отраслевой и особенно языковой подготовки выпускники ЛГБИ держались более стабильно. По-прежнему довольно быстро становились полезными работниками филологи, хорошо знавшие английский и немецкий языки. Легче всего осваивались те из них, кто уже поработал в читальном зале, знал его фонд, привык к общению с читателями. Свои сложности были в подготовке к справочной работе с технической литературой новичков всех категорий и надо сказать, что заниматься этим в 1950-х годах пришлось так много, что это побудило даже поделиться опытом в печати².

Выводы из воспоминаний о первых моих коллегах — пожалуй, при всей ценности соответствующей отраслевой и лингвистической подготовки, всего важнее личные качества работника — его общий интеллектуальный уровень, широта кругозора, умение и желание учиться, добывая нужные для данной работы знания, чувство ответственности и заинтересованность в ней.

² Иениш Е.В. Методика индивидуальной подготовки библиографа к оперативной справочной работе с технической литературой // Сов. Библиогр. — 1960. — Вып.6. — С.13-19

Петербург как крупнейший мировой культурный центр является одним из главных центров издания библиотковедческой литературы. Здесь ежегодно выходит немало монографий, учебных пособий, сборников научных трудов и других изданий по проблемам библиотечного дела.

На страницах нашего журнала нам хотелось бы начать разговор об изданиях, которые отражают те или иные особенности и интересы петербургской библиотечной школы, и сделать этот разговор постоянным. Первая книга, которая рецензируется в данном выпуске, написана зарубежным автором.

Но она выбрана не случайно, как не случайно и то, что она издана именно в Петербурге.

Она вышла из печати в городе, для которого ее проблематика имеет особое значение, ибо Петербург обладает фантастическими книжными сокровищами, уникальными коллекциями, имеющими национальное, европейское и мировое значение.

ИДЕАЛЫ И НОРМЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БИБЛИОТЕКАХ ГЕРМАНИИ

Гусева Людмила Николаевна — научный сотрудник
НИОБ Российской национальной библиотеки

В наше время, когда библиотекари России столкнулись с проблемами, вызванными кардинальными переменами в политике, экономике, культуре, которые привели к нарушению сложившейся системы отношений «библиотека и общество», возрос интерес к зарубежному опыту, к осуществляемым в других странах мира попыткам преодоления подобных кризисных явлений.

В данном контексте книга профессора Бернхарда Фабиана¹ представляет особый интерес. Во-первых, о проблемах исследователей в области гуманитарных наук в современных библиотеках Германии и о тех идеальных условиях, которые им нужны для работы, пишет не библиотечный специалист, а ученый-гуманитарий. Во-

¹ Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарные исследования. СПб., 1996. 375 с.

вторых, и это тесно связано с первым, сам способ исследования и описания нормативной модели исследовательской библиотеки отличается от принятого в современном библиотековедении типизирования деятельности библиотек, что несомненно также привлечет к себе внимание библиотековедов.

Обращение к изучению состояния библиотечного дела в Германии специалиста в области гуманитарных наук, осознавшего, какие ему нужны условия для исследовательской работы в библиотеке, сделало книгу особенно ценной с точки зрения понимания библиотечными работниками самого процесса гуманитарного исследования.

В этом видится основное достоинство рецензируемой книги.

Для Фабиана библиотека не просто хранилище научных документов, а место работы исследователя, его лаборатория. Эмпирической базой для гуманитарных исследователей являются тексты, в которых запечатлено культурное наследие, поэтому полнота фондов и их доступность, считает автор, являются основными принципами организации деятельности исследовательских библиотек.

Книга Фабиана представляет собой культурологическое исследование, в котором анализируются конкретные исторические ситуации организации библиотечного дела в Германии в период с XVIII в. до 80 гг. XX в.

К первым исследовательским библиотекам Германии Фабиан относит Библиотеку Геттингенского университета, созданную в 1737 г. Вместе с тем он отмечает, что в этот период времени успехи в области научных исследований определялись, прежде всего, существованием личных библиотек.

Таким образом, сами исследователи, приобретая необходимую им для научной работы литературу, создавали фонды исследовательских библиотек, осознавая ограниченность своих возможностей.

Во второй половине XIX в. для всей интеллектуальной общественности стало ясно, что сложившаяся к этому периоду в Германии децентрализованная система библиотек не соответствует нормам исследовательской деятельности в области гуманитарных наук. Это было время, когда государство вынуждено было взять на себя заботу о науке.

Исследование государственной политики в области библиотечного дела, проведенное Фабианом, выявленные им факторы и личности, осуществляющие эту политику, — все это наглядно демонстрирует практику формирования профессионального сознания, норм деятельности библиотекарей Германии.

В результате проводимых на государственном уровне реформ, проблемы обеспечения литературой исследователей гуманитарных наук не были решены и после второй мировой войны. Как утверждает Фабиан, реформы были идеальными с точки зрения библиотечной теории, поскольку экспертами для политиков выступали библиотечные специалисты, но они не соответствовали представлениям об идеале исследователей гуманитарных наук.

Эта проблема, которая в современной политической науке определяется как противоречие между научностью и репрезентативностью реализуемых в государственной политике идей, находится в центре внимания всего исследования Фабиана.

Она чрезвычайно актуальна и для нашей страны, в которой происходит активный процесс реформирования библиотечного дела.

Выявить недостатки проводимой в Германии государственной политики профессор Фабиан смог благодаря примененному им способу исследования. Культурологическое исследование, в отличие от используемого отечественными

библиотековедами абстрактного обобщения сложившихся в сознании библиотечных специалистов представлений об организации работы библиотек, обслуживающих различные социальные группы, направлено на изучение конкретных условий, в которых происходит формирование библиотек разного типа. Тем самым автор не только показал библиотечным специалистам несоответствие библиотечных теорий сложившейся в Германии социокультурной ситуации, но и продемонстрировал более совершенный, с точки зрения проектирования библиотек будущего, способ ее исследования.

Не может остаться без внимания тех, кто определяет стратегию развития крупнейших библиотек России, и высказывание Фабиана о том, что безабономентные и энциклопедические по характеру национальные и ведущие исследовательские библиотеки западных стран должны стать «эталоном исследовательской библиотеки гуманитарного профиля». «Она представляет большой массив литературы непосредственно в распоряжение читателей и одновременно занимает высшую ступень в иерархии возможных форм книгоснабжения» (с. 107).

Это особенно важно учесть в связи с тем, что специалисты национальных библиотек Европы в настоящее время отказываются от принципа полноты собирания документов в своих фондах и переходят к созданию единого распределенного библиотечного фонда в пределах отдельных стран.

Вторая часть книги посвящена проблемам научных публикаций, осуществляемых в виде книги и журнала, в ситуации экономического кризиса и экспоненциального роста выпуска литературы. В результате проведенного опроса выяснилось, что в условиях большого масштаба выпуска литературы на немецком языке исследователи нуждаются в учебниках и справочных пособиях на английском языке. «Создается впечатление, пишет Фабиан, — что теория, согласно которой основу фонда библиотеки должна представлять немецкая научная литература, нуждается — по крайней мере отчасти — в пересмотре» (с. 263).

Ситуация, которую описывает Фабиан, аналогична той, что сложилась в настоящее время в нашей стране, когда сразу стали ненужными все учебники, в которых описывались нормы деятельности в социалистическом обществе, и поток предпринимателей, студентов и исследователей в области социальных наук устремился в крупнейшие библиотеки страны, обладающие наиболее богатыми фондами иностранной литературы.

Привилегированное положение англо-американских специалистов, считает автор, во многом определяется высоким качеством оформления научных изданий этих стран с целью наилучшего восприятия их читателем.

Во время как в Германии в условиях экономического кризиса тяжесть финансового бремени издательского процесса перекладывается на плечи авторов. Автор сам вынужден использовать офсетно-факсимильную технику для создания книги, а издательства, если получают дотации на конкретные публикации, отходят от функций контроля в интересах потенциального читателя.

Выход из сложившейся ситуации книгообеспечения исследователей в области гуманитарных наук Фабиан видит в реорганизации издательской деятельности, в том числе и в самих библиотеках, и в использовании современной техники компьютерного хранения документов.

При этом книга, по мнению Фабиана, «должна быть признана идеальной нормой для публикаций в области гуманитарных наук» (с. 252).

Если исторически ценная литература с целью ее консервации должна переводиться на другие носители информации, то новые гуманитарные знания, в силу

специфических особенностей этих наук, могут передаваться только в том виде, который удобен для их восприятия и способен обеспечить научный дискурс.

Вот если с точки зрения требований, предъявляемых к гуманитарным исследованиям самим Фабианом, оценивать и его книгу, то следует сказать и о некоторых недостатках, хотя в большей степени они, наверное, относятся к ответственному редактору русского издания.

Во-первых, примечания в конце книги, несомненно, помогают пониманию ее содержания, но они рассчитаны на читателя, хорошо знающего политическое устройство и культуру Германии.

Для читателя России можно было бы расширить разделы примечания за счет дополнительной информации о политических деятелях, библиотечных специалистах и библиотеках, о которых идет речь в книге.

Во-вторых, учитывая, что понимание специфических особенностей гуманитарного исследования основано не только на личном опыте Фабиана, но и на его знании современных зарубежных социальных теорий, которыми не владеет основное большинство отечественных библиотечных специалистов, можно было бы дать ссылки на соответствующие публикации. Например, представление о научности и репрезентативности идей см. у П. Бурдьё или Ю. Хабермаса, теорию дискурса у Ю. Хабермаса и М. Фуко и т. д.

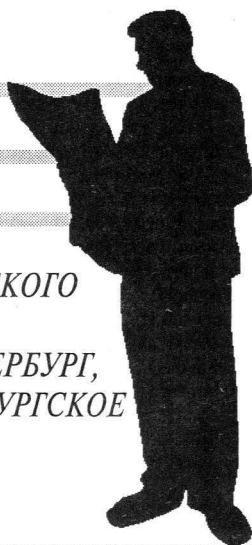
Бесспорно одно, что хотя рецензируемая книга Фабиана представляет собой перевод опубликованного в 1983 г. издания на немецком языке, — это серьезное научное исследование, которое не потеряло своей ценности для читателей России. Сегодня, когда идет активный процесс осмысления роли крупнейших библиотек России в новой социокультурной ситуации, идеалы и нормы исследовательской деятельности в библиотеке, описанные специалистом в области гуманитарных наук, способны повлиять на изменение сложившихся в сознании библиотекарей стереотипов социального поведения в интересах пользователей.

Хотелось бы только пожелать книге заинтересованного, способного самостоятельного мыслить и воспринимать новые идеи читателя.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
ПРЕДЛАГАЕТ:

*ЕСЛИ ВАМ НЕОБХОДИМЫ
ПРЕДЫДУЩИЕ
НОМЕРА НАШЕГО
ЖУРНАЛА,*

*ВЫ МОЖЕТЕ ИХ ПРИОБРЕСТИ
В ШТАБ-КВАРТИРЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО
БИБЛИОТЕЧНОГО ОБЩЕСТВА
ПО АДРЕСУ: 191025, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
НАБ. РЕКИ ФОНТАНКИ, 46, ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО.
ТЕЛ. (812) 311-27-53, 311-72-44,
ФАКС (812) 311-22-47*

Л.Н.Гусева, Е.В.Смолина

**«Библиотекведение:
нормативный подход
(понимающая парадигма
мышления)»**

СПб., 1997. — 208 с.

ОТКРОЙТЕ ДЛЯ СЕБЯ НОВУЮ
МЕТОДОЛОГИЮ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ,
Позволяющую ПОСТРОИТЬ БУДУЩЕЕ!

ОБРЕТИТЕ КЛЮЧИ К ПОНИМАНИЮ
ЧИТАТЕЛЕЙ И К УСПЕШНОЙ РАБОТЕ!

МП РИЦ «Культ-информ-пресс»
191065, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2

Лицензия ЛР № 030307 от 07.04.97 г.

Отпечатано в типографии «Турусел».
191186, СПб, ул. Миллионная д.1. СПбГАК . тел.:311 54 74
Лиц. ПЛД № 69-150 от 06.12.95
Заказ № 108-97 от 10.06.97
Тираж 500 экз.

БАН

Т35128
- 1997
2)

ПОВЕСА
КНИЖНАЯ
СУТЬ РЪКИ
НАПОЖЮЩАЯ
ВСЕЛЕННУЮ